

ОБРУЧЕННЫЕ С СЕВЕРОМ
ПО СЛЕДАМ «ДВУХ КАПИТАНОВ»

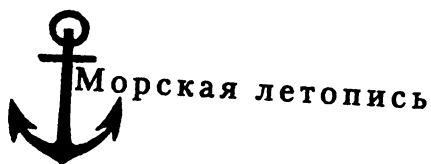
Морская летопись

ОБРУЧЕННЫЕ С СЕВЕРОМ

**ПО СЛЕДАМ
«ДВУХ КАПИТАНОВ»**

Р.П. Буйнов

Р.П. Буйнов

ОБРУЧЕННЫЕ С СЕВЕРОМ

По следам «Двух капитанов»

Москва
«Вече»

УДК 910
ББК 26.8г
Б90

Сергей Буйнов
Vilaudus & Kati

*Автор выражает глубокую признательность
хоккейному клубу «Витязь» и лично одному
из его руководителей Стрекалову Олегу Анатольевичу
за помощь в издании книги*

Буйнов, Р.П.

Б90 Обрученные с Севером. По следам «Двух капитанов» /
Р.П. Буйнов. — М.: Вече, 2012. — 304 с. : ил. — (Морская ле-
топись).

ISBN 978-5-4444-0204-7

28 июля 1912 года в Санкт-Петербурге торжественно провожали экспедицию Г.Л. Брусилова. Горделиво и величаво шла вниз по течению Невы паровая шхуна «Святая Анна». Казалось, впереди была целая жизнь, полная подвигов и свершений! Судьба распорядилась иначе. В Карском море судно вместе с экипажем попало в ледовый плен. Из всей экспедиции спастись удалось только двоим: штурману Валериану Альбанову и матросу Александру Конраду, чьи дневниковые записи и стали единственными документальными свидетельствами того, что случилось с экспедицией. По их воспоминаниям советский писатель Вениамин Каверин создал свою самую известную книгу «Два капитана».

Дальнейшее продолжение эта история нашла столетие спустя, когда клубом «Живая природа» при поддержке авиации ФСБ России в 2010—2011 годах были проведены две поисковые экспедиции. О сенсационных находках и о том, как проходили эти экспедиции, рассказывает в своей книге один из их участников — Роман Буйнов.

УДК 910
ББК 26.8г

ISBN 978-5-4444-0204-7

© Буйнов Р.П., 2012
© ООО «Издательство «Вече», 2012

У книг, как и у людей, своя судьба. Сейчас я не буду говорить о великой русской литературе XIX века, о ее влиянии на человеческие судьбы. У большинства же книг короткий век, некоторые служат человечеству в лучшем случае в качестве макулатуры, из которой произведут много полезных в быту вещей, начиная с туалетной бумаги. Есть книги, которые ни по каким параметрам в разряд великих вроде бы не вписываются, но которые имели, и, может, ныне имеют влияние на судьбы людей, на судьбы целых поколений, огромное влияние, — решусь кошунственно сравнить, — может, не менее, чем Евангелие, хотя никакого кошунства и даже преувеличения здесь нет, потому как почти целый век российский народ был отлучен от Евангелия, а душа, особенно юная, искала духовной опоры и порой находила ее не в тех книгах, которые называла великими и навязывала официальная идеология.

Без преувеличения можно сказать, несколько поколений советского народа (а такой народ существовал и реликтивно еще существует, и это далеко не худшая часть человечества!) воспитывалось на «Двух капитанах» Вениамина Каверина.

Были книги, и не самые плохие, на которых предписывалось воспитывать подрастающее поколение, например, «Молодая гвардия» А. Фадсеева, «Как закалялась сталь» Н. Островского, но, может, потому, что они были слишком идеологизированы и насаждались силой, а эту никто силой читать не заставлял, потому как роль партии в поступках Саши Григорьева не прослеживалась, ее читали, передавая из рук в руки, и что-то трепетное и святое поднималось в подростковой душе. Есть тут какая-то загадка. Да, можно сказать, книга написана и выстрелила в нужное время: смутные и тревожные тридцатые годы, пионерская и комсомольская искусственная идеологическая жвачка, и, как продых, романтика освоения Арктики. Но летели десятилетия, Арктика становилась обыденностью (со временем Россия вообще ушла из Арктики), а интерес к книге не заглох, а передавался новым поколениям. Загадка еще и в том, что сам автор серьезного значения «Двум капитанам» не придавал, считая книгу чуть ли не случайной в своем творчестве, заказной. Другие, согласно партийному заказу, писали о рабочем классе, о трудовом крестьянстве, некоторые, насколько это было возможно, честно. Большая группа писателей во главе с «великим пролетарским писателем» М. Горьким ехала в Соловецкий лагерь особого назначения и воспевала палачей ЧК, каторжным трудом и расстрелами перевоспитывавших российскую интеллигенцию, крестьян и священников в люмпенпролетариев. В. Каверин, не имея права отказаться от партийного заказа, не погрешил с совестью, нашел для себя своеобразную лазейку, честную нишу. Когда незадолго до его смерти я навещал Вениамина Александровича в подмосковном Переделкине, он чуть ли не с

раздражением мне говорил: «Ну, что вы все с этими «Двумя капитанами», словно я ничего другого, более значительного, не написал». И я с удивлением обнаружил, что ни одной из более чем 50, написанных им книг, кроме «Двух капитанов», не знаю. Он так и ушел в мир иной с горьким сознанием, что остался писателем одной книги, хотя редкий писатель может похвалиться подобным счастьем. Какую-то неведомую самому автору струну задел писатель, что его книга в воспитании целого ряда молодых поколений сыграла большую роль, чем пионерская и комсомольская организации, вместе взятые, а может, даже и вопреки им. Я долго ломал над этим голову и пришел к такому выводу. В эпоху абсолютного равнодушия к отдельной человеческой личности, когда десятки тысяч людей томились и погибали лагерях, позже, когда миллионы погибли в Великой Отечественной войне и, что еще страшнее, пропали без вести, они были приравнены к предателям, и о них даже нельзя было заикнуться (и сейчас еще десятки, а может, и сотни тысяч без вести пропавших по-прежнему лежат не похороненными на огромном пространстве, начинающемся чуть ли не от стен Кремля), вдруг появилась книга, в которой ищут пропавшего без вести отдельного конкретного человека, пусть погибшего не в лагере, не в бою, пусть другой эпохи. Подтверждение этой мысли я найду в мутное «перестроечное» время, когда с единомышленниками по просьбе одного из легендарных папанинцев академика Е. Федорова органикую экспедицию по поискам пропавшего без вести в августе 1937 года при перелете через Северный полюс из СССР в США С.А. Леваневского. Рушилась страна, и до того ли вроде: искать человека, потерявшегося в Арктике почти сорок лет

назад?! И вдруг огромный интерес к поиску, словно боль по сотням тысяч без вести пропавших, миллионам погибших сконцентрировалась на одном без вести пропавшем человеке. На нас обрушился шквал писем, в том числе с предложением помощи. Мальчик Коля из Владивостока прислал 6 рублей, которые копил на велосипед, старый полярный радист из Жмеринки прислал шмат сала: «Ничего другого у меня нет». Словно всем, потерявшим родных и близких, будет легче, если его найдут. Значит, что-то изменилось во власти, если кого-то, пусть всего одного, ищут — и она этому не мешает. Это потом, через десятилетия, появится телевизионная передача «Жди меня» и отряды юных поисковиков будут искать на полях бывших сражений своих и чужих, которые стали для них своими, дедов и прадедов и по-человечески хоронить.

К счастью, В. Каверина не заставили, как А. Фадеева «Молодую гвардию», переписывать «Двух капитанов», чтобы показать руководящую роль партии в поступках Саши Григорьева, может, не придав этому образу большого значения, может, в какой-то степени даже опасному: вдруг все бросятся искать своих без вести пропавших, мало ли до чего докопаются! Но вот какая штука: за художественными образами пропавших в Арктике в «Двух капитанах» стояли реальные люди, только за образом главного героя, Саши Григорьева, реально никто не стоял: на этом образе воспитывались целые поколения советской молодежи, но, никто никогда не искал реальную пропавшую без вести экспедицию.

А было так: случайно или не случайно, но почему-то именно летом 1912 года сразу три русские экспедиции: Георгия Седова, Владимира Русанова и Георгия Брусилова

отправились в Арктику, полные самых амбициозных планов, не подозревая, что это будет самый тяжелый в ледовом отношении год за весь XX, а может и XXI век, тем самым, не говоря уже о других причинах, все три экспедиции изначально были обречены. Да что говорить о том времени, даже сейчас, в XXI веке, наука об Арктике и Антарктике на уровне шарлатанства: три дня подряд жара — начинают пугать всемирным потеплением и грозящими вследствие этого катастрофами, три дня холодно — начинают вопить о новом ледниковом периоде.

Г. Седов погиб при походе к Северному полюсу. Экспедиция В. Русанова бесследно исчезла во льдах. Шхуна «Св. Анна» Г. Брусилова, намеревавшегося Северным морским путем пройти во Владивосток, уже в октябре зажатая тяжелыми льдами, стала дрейфовать на север и на следующий год оказалась в широтах, близких к Северному полюсу. Летом 1914 года часть экипажа отправилась в беспрецедентный переход по дрейфующим льдам к ближайшей земле — архипелагу Земля Франца-Иосифа. Из 13 человек до мыса Флора, где их по счастливой случайности подобрал возвращающийся после гибели Георгия Седова парусник «Св. великомученик Фока», дошли только двое: штурман Валериан Альбанов и матрос Александр Конрад. Не запланированный дрейф «Св. Анны» и ледовый поход Альбанова позволили сделать несколько важных географических открытий и «закрытий», в частности, они закрыли существование мифических Земель Петермана, Оскара и Гилиса. По сей день оставалась в полной неизвестности судьба оставшихся на судне членов экипажа, как и судьба членов группы Альбанова, с которыми он вынужден-

но расстался на одном из островов Земли Франца-Иосифа, как и судьба самого Альбанова, который принес на теплую землю журнал с научными результатами экспедиции и через какое-то время опубликовал в приложении к «Запискам по гидрографии» свой дневник-отчет об этом беспримерном ледовом переходе.

К тому времени уже вовсю шла Первая мировая война, кем-то хитро переведенная в гражданскую, и не до поиска пропавших полярных экспедиций было. Якобы Альбанов пытался попасть на прием к А.В. Колчаку, выдающемуся полярному исследователю, вынужденному стать военным правителем России, с предложением организовать спасательную экспедицию, но Колчака в то время уже самого нужно было спасать, оба они в скором времени сгорели в горниле страшной братоубийственной войны, и одной из причин, что Альбанова на долгое время «забыли», как «забыли» время и места его рождения и смерти, был факт, что он погиб или умер, будучи моряком колчаковской гидрографической службы.

Его же «Записки по дрейфующим льдам Северного Ледовитого океана летом 1914 года» известны были больше специалистам. За рубежом же, в отличие от СССР, они издавались не раз, с каждым десятилетием все чаще и уже в XXI веке переизданы во Франции, Англии, США, где названы «забытым шедевром русской литературы, забытым везде, в том числе и в России».

Да, время от времени о пропавшей экспедиции писали, преимущественно сенсационно-популярные статьи перед очередной подписной кампанией, в которых порой выдвига-

лись фантастические версии гибели экспедиции, да, я написал книгу «Загадка штурмана Альбанова», и хотя книжный герой Саша Григорьев стал примером для тысяч молодых людей, но реального «Саши Григорьева» так и не находилось. Мало того, казалось, что с развалом Советского Союза время Саш Григорьевых безвозвратно ушло в прошлое. Ушло время романтики, над чувством патриотизма откровенно издевались. Совесть законодательно заменили гнусным постулатом: «Что не запрещено, то разрешено». Единственным мерилom человеческих ценностей стал даже не рубль, а доллар, ничем не подкрепленная бумажка с масонской символикой, а идсалом женской нравственности стала Ксения Собчак. Любовь заменили сексом, по крайней мере, если верить отечественному телевидению, которое не смущает ни президента, ни премьер-министра, которые, словно не замечая оскорбляющего человеческое достоинство телевизионного паскудства, с этого же телеэкрана толкуют о нравственности, высоких идеалах, осеняют себя крестом...

И вдруг меня находят люди, которые в своей единственный в году отпуск собираются искать без малого сто лет назад пропавшую экспедицию. Даже меня, почти 30 лет собиравшего по крохам материалы об этой экспедиции, немало удивил этот факт! Может, еще больше удивило, что это были не юные романтики, а люди вполне зрелые, в большинстве у которых за плечами были война или спасательные операции по всему миру, а то и первое и второе. И когда Русское географическое общество отказывает им в мизерном гранте, они собирают деньги вскладчину, да еще врач экспедиции Роман Буйнов, которому в свое время в заброшенном сарае

попала моя книга об Альбанове, ходит с ней по разным денежным конторам и просит ее прочесть, чтобы потом человек решал, давать или не давать деньги на экспедицию. Эти люди поразили меня своей душевной чистотой, открытостью и незащищенностью, всеми теми свойствами души, которые ныне в грош не ставятся, мало того, над которыми откровенно смеются.

Что их позвало в Арктику?

— Поиск правильной жизни, когда все понятно: кто с тобой и с кем ты, — ответил на мой вопрос Роман Буйнов, отец четверых детей, бросивший врачебную практику из-за невозможности на зарплату врача прокормить семью. — А практически привел Леня Радун, мы познакомились в 1995 году во фронтовом Грозном — он был спасателем, а я — врачом. Повидали много (у Лени, кстати, много правительственных наград, в том числе и орден Мужества за Чечню). Так вот спустя 10 лет он пригласил меня в Арктику. Просто как человека, в котором уверен.

— Когда я служил в ВДВ, у нас был закон — своих не бросать. Сколько человек ушло на задание — столько же должно вернуться, и не важно, мертвые или живые. Были случаи, что при эвакуации одного погибшего гибли другие, но никто никогда не ставил под сомнение непреложность этого закона братства и чести. Люди, которых мы сейчас ищем, — в своем роде тоже солдаты. У них был свой фронт, но пали они за то же, за что погибли их потомки на различных полях брани — за укрепление мощи и славы России, за Великий Северный морской путь, который оказался таким незаменимым во время Великой Отечественной войны. Найти их для

нас — дело чести, пусть страна сейчас и живет другими ценностями, — не боясь показаться красиво сентиментальным, ответил на этот вопрос другой участник экспедиции — спасатель аэромобильного отряда «Центгоспас» МЧС Александр Унтила, в 30 лет майор, заместитель командира легендарного 218-го батальона спецназа ВДВ, спасшего Грозный в январе 1995-го, а Российскую армию от позора, за 2 года и 8 месяцев в Чечне не потерявший ни одного солдата, но 2 года назад выброшенный из армии по причине ее так называемого реформирования. Профессиональным спасателем стал выпускник МГИМО Владимир Мельник, потому как ныне дипломатам приходится прогибаться не только перед своими вождями, но и перед чужими, как в случае с Ливией, когда российскому МИДу, словно лакею, поручили уговорить Каддафи сдаться на милость Америке. Неординарные биографии и у других участников экспедиции.

По всем правилам экспедиция должна была называться «По следам экспедиции Брусилова», или: «По следам Валериана Альбанова», но они принципиально назвали ее по В. Каверину: «По следам «Двух капитанов». Во-первых, потому, что мало кто ныне знает о Брусилове и Альбанове, а во-вторых, подавали сигнал другим, также воспитанным на этой книге: присоединяйтесь! И девизом экспедиции эти, в большинстве своем уже с сединой, люди выбрали юношеский девиз Саши Григорьева из «Двух капитанов»: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!»

На их призыв откликнулись два «капитана» нашего времени, для которых этот девиз прозвучал, словно сигнал трубы, они не просто присоединились, а возглавили экспе-

дицию: бывший офицер-десантник, гендиректор ООО «Полярный мир» (благодаря этой организации был прекращен варварский промысел бельков, новорожденных детенышей тюленей), Олег Продан и — «Саша Григорьев» XXI века, заслуженный военный летчик, военный летчик 1 класса, летчик-снайпер, за плечами которого 8 лет Афганистана, а потом Чечня, Герой России, командующий авиацией ФСБ, генерал-лейтенант Николай Федоровича Гаврилов,

Зная, что я даже не решусь попроситься в экспедицию, в том числе и потому, что всего год назад хирурги-кардиологи буквально вытащили меня с того света, они позовут меня с собой. В полную мере оценив их доброту, я отвечу: «Безмерно вам благодарен, но на вашем месте я не стал бы меня приглашать, я могу стать не просто обузой, а сорвать экспедицию, которую вы столько лет готовили».

За Олега Продана мне ответил Александр Унтила, который до сих пор не может отделаться от привычки, где бы ни был: ночью просыпаться каждые 15 минут — ровно на 4 секунды, обвести взглядом «палатку», спросить дежурного о наличии людей, оружия: «Мы знаем, что это Ваша давнишняя мечта — пройти путем Альбанова. Обузой не будете. Нам нужен надежный тыл — человек, который будет преимущественно находиться в базовом лагере, обеспечивать бесперебойную связь и координацию поисковых групп, связь с погранзаставой и вертолетами ФСБ на случай ЧС (тьфу-тьфу!), ну и разные мелочи: медведя отогнать при необходимости...»

Я благодарен не очень-то благосклонной ко мне судьбе, что подарила мне встречу с этими людьми. Они заставили

меня укрепиться в вере, что есть еще, пусть оскорбленная и униженная, но истинная Россия, а не ООО или ЗАО «Российская Федерация» Абрамовичей и Чубайсов, для которых жизненное кредо: кто может, обогащаетесь — не упорным трудом и талантом, а обворовывая слабых и честных. Они заставили меня укрепиться в вере, что есть еще Россия искренне любящих ее и преданных ей сынов, часто не очень русских по крови, которые по-прежнему живут по принципу: сначала думай о Родине, а уж только потом о себе, по принципу, определенному для себя начальником экспедиции Олегом Проданом, бывшим офицером-десантником, а, как сказал Александр Унтила, бывших офицеров не бывает: «Сделать для Родины то, что другие до тебя не смогли»,

Экспедиция, путеводителем в которой были «Записки...» Альбанова, — через 96 лет после арктической трагедии! — сделала на Земле Франца-Иосифа сенсационные находки: останки одного из членов группы Альбанова, фрагменты дневника, общие экспедиционные вещи, неоднократно упоминаемые Альбановым в «Записках...», что еще раз подтвердило их достоверность, хотя участники экспедиции в этом не сомневались, но ведь есть же «исследователи» арктических трагедий, которые, сообразуясь со своей гнилой сутью, упорно навязывали мысль, что на «Св. Анне» не иначе как произошла кровавая драма из-за единственной на борту женщины, Альбанов, заметая следы, перестрелял команду, затем сжег судно, а «Записки...» придумал. Точно так же: раз спутники Седова после его смерти вернулись «достаточно упитанными» и не найдена его могила, не иначе как они его съели...

Да, экспедиция сделала сенсационные находки, но, по моему, главная ее заслуга не в этом, а в том, что она вообще состоялась! Что нашлись люди, которые не могли спать спокойно при мысли, что где-то лежат не преданными земле их соотечественники. При мысли, что жертвы экспедиций Седова, Русанова, Брусилова, других исследователей Арктики, труд тысяч рядовых полярников: зимовщиков, моряков, летчиков, оказались как бы напрасными. Леволиберальные политики, которых больше интересовали Канарские и Гавайские острова, где они, обворовав Россию, вили свои гнезда, преступно увели Россию из Арктики, которую нам прозорливо завещал гениальный Ломоносов и из которой, по одной из гипотез, ставшего теперь подводным хребта Ломоносова, последним островом которого, может, была легендарная Земля Санникова, мы в древности пришли. И поисковики на островах Земли Франца-Иосифа ставили знаки, что они принадлежат к особо охраняемым природным территориям России.

Есть, пусть малые, но признаки тому, что Россия, переболев чужебесием, постепенно возвращается к истинным ценностям, одна из которых, в общем-то, древняя, изначальная, лишь повторена В. Каверинным, как бы прочитана им с небес в так нужный для России момент: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» Этот девиз, равный по своей простоте и чистоте мысли апостольским заповедям, озвученный, может быть, по наитию в смутное время, когда апостольские заповеди были осмеяны и даже запрещены, накануне Великой Отечественной войны стал, к удивлению самого В. Каверина, духовным компасом для сотен тысяч, а может, миллионов молодых людей, ищущих свой путь в

жизни. Этот девиз, в так называемое перестроечное время втоптаный в грязь, снова был востребован на рубеже XX и XXI веков, он неожиданно соединил разорванные Великой криминальной революцией поколения, когда часто отцы не понимают детей и наоборот, оказалось, что у них общие, несмотря на порой разные политические взгляды, духовные ценности. Он стал своеобразным компасом для значительной части нынешнего молодого поколения, встающего на ноги в эпоху звериного капитализма, поколения, мордуемого бесконечными отупляющими фурсенковскими школьными и вузовскими реформами (у нас замечательные президент и премьер-министр, по законам самой совершенной в мире демократии время от времени на своих постах меняющие друг друга, но складывается впечатление, что министров им назначают совсем в другом государстве), поколения, как бы специально оболваниваемого сладко-смердными телевизионными сникерсами, Клинским пивом, которые возведены в разряд духовных ценностей. Сквозь полиэтиленовый шорох очередной, теперь уже «капсомольской», жвачки тысячи юных, услышав, словно клич боевой трубы, этот, как и раньше, чистый от политики и лжи, призыв: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!», собираются в поисковые отряды, до недавнего времени вопреки власти, и ищут в лесах и болотах на месте бывших боев без вести пропавших дедов и прадедов, приближая истинное окончание Великой Отечественной войны, когда наконец будет достойно похоронен последний погибший за Родину, за други своя солдат. Это только недавно, спохватившись, власть, сначала стыдливо присоседилась, а потом сделала вид, что она и инициировала это святое дело.

Именно за этими молодыми людьми будущее России!

Поисковая полярная экспедиции по следам пропавшей группы В.И. Альбанова экспедиции Г.Л. Брусилова, которую участники экспедиции, каждый еще в юности выбрав своим жизненным правилом девиз: «Бороться и искать, найти и не сдаваться», не случайно назвали «По следам «Двух капитанов», — из того же ряда. Ради постижения истины, разгадки полярной трагедии, чувства гражданского долга по человечески похоронить без вести пропавших каждый из них, отправляясь в единственный в году отпуск в непростую дорогу и отрезая немалый кусок от скромного семейного бюджета, отказывался от многого. Достаточно сказать, что автора этой книги Романа Буйнова не остановило даже то, что перед стартом экспедиции его жена была буквально на сносях: ждали пятого ребенка. Однажды Роман мне признался, что пишет книгу, в которой хочет изложить свое видение гибели экспедиции Г.Л. Брусилова, по крайней мере, гибели береговой группы В.И. Альбанова, и попросил меня прочесть рукопись, когда работа над ней будет завершена. Не очень-то искушенный в писательском и издательском деле, он надеялся ее в короткое время не только написать, но и издать — непременно в 2012 году, в год 100-летия Брусиловской экспедиции. Признаюсь, я ждал рукопись с некоторой настороженностью. Потому что вокруг этой трагической трагедии накручено столько домыслов, в том числе безапелляционных попыток быть судьями людей, попавших в смертельную ситуацию, доходило порой до того, что авторы некоторых статей В.И. Альбанову в вину ставило даже то, что, благодаря своему великому мужеству, он остался жив, а вот

если бы погиб вместе с остальными, тогда бы другое дело, тогда бы и орден можно было посмертно дать.

Рукопись меня подкупила деликатностью анализа «темных» вопросов трагической экспедиции Г.А. Брусилова, безграничным уважением к погибшим, тонким и точным психологическим анализом реальных и предположительных поступков того или иного участника экспедиции, принципиальным отказом делить погибших на героев и подлецов.

Представляя книгу широкому читателю, я благодарю «капитанов» издательства «Вече», которые, только что издав мой документальный роман-поиск «Загадка штурмана Альбанова», тем самым уже отметив 100-летию начала экспедиции Г.А. Брусилова, в этом же году нашли возможность вернуться к этой далеко не сугубо исторической теме.

*Секретарь Союза писателей России,
председатель Аксаковского фонда,
вице-президент Международного фонда
славянской письменности и культуры
Михаил Чванов*

100-летию экспедиции Г.А. Брусилова
посвящается

Глава I

УХОДЯЩИЕ В ВЕЧНОСТЬ

Кто желает знать человеческий дух в его благороднейшей борьбе с суевением и мраком, пусть листает летопись арктических путешествий — историю мужей, которые во времена, когда зимовка среди полярной ночи грозила верной смертью, все-таки бодро шли с развесающимися знаменами к неизвестному.

Фритъоф Нансен

Эта невыдуманная и почти детективная история началась без малого сто лет назад, когда исторические прототипы героев романа Вениамина Каверина «Два капитана» в своей реальной жизни покинули причал в Санкт-Петербурге на парусно-паровой шхуне «Св. Анна» и взяли курс в открытое море. А дело было так...

К началу двадцатого века общественное мнение было буквально взбудоражено событиями, происходившими в заполярных областях нашей планеты. Завершил свой знаменитый

дрейф в Ледовитом океане на шхуне «Фрам» легендарный Фри-тьоф Нансен, не утихали горячие споры о первенстве открытия Северного полюса между американцами Робертом Пири и Фредериком Куком. А чего стоила полная драматизма гонка во льдах Антарктиды между норвежцем Руалом Амундсеном и трагически погибшим со своими спутниками на пути от Южного полюса англичанином Робертом Скоттом? В России того времени все это вызвало необычайный общественный резонанс. Огромный сектор Ледовитого океана, омывающий нашу страну, уже тогда ставил исследование арктических территорий в число приоритетных задач государства. Огромный ледяной фасад могучей державы до сих пор был совершенно не освоен и не изучен. А скольких неудач в недавно оттремевшей русско-японской войне можно было бы избежать, если бы Россия имела регулярный проход судов из Балтики к Тихому океану через гирлянду полярных морей?

В этой атмосфере молодой морской офицер Георгий Львович Брусилов решил предпринять собственную арктическую экспедицию с целью первым в России пройти Северо-Восточным проходом¹ из Санкт-Петербурга во Владивосток. До него это удалось сделать только лишь шведскому геологу и географу Нильсу Адольфу Эрику Норденшельду. В 1877—1878 годах он на пароходе «Вега» совершил это крайне опасное, по тем временам путешествие, снаряженное на средства российского мецената золотопромышленника А.М. Сибирякова.

¹ После открытия регулярной навигации — Северный морской путь.

В 1912 году Г.Л. Брусилов подает рапорт на получение на службе длительного отпуска и организывает акционерное зверобойное общество, предполагавшее, между прочим, извлечь прибыль из попутного зверопромысла в арктических широтах. Для этого предприятия в Великобритании за двадцать тысяч рублей им была приобретена парусно-паровая шхуна «Бленкатра», которую он переименовывает в «Св. Анна» в честь Анны Николаевны Брусиловой¹, выделившей большую часть денег для нужд экспедиции и являвшейся основным пайщиком созданного акционерного общества.

28 июля 1912 года² судно покинуло Санкт-Петербург, белые паруса надежды полной грудью понесли его навстречу неизведанному. Горделиво и величаво идет вниз по течению Невы «Св. Анна». У штурвала в белоснежном парадном кителе стоит с горящим взором его двадцативосьмилетний капитан, на палубе весело работает молодая и дружная команда. Впереди — целая жизнь, полная подвигов и приключений! Во всяком случае, именно так им казалось тем летом.

В Александровске-на-Мурмане³ оказалось, что по различным причинам часть экипажа — судовой врач, второй штурман и нескольких матросов — отказались от дальнейшего плавания, поэтому здесь же в авральном порядке пришлось добирать недостающую команду:

¹ Жена Б.А. Брусилова, дяди Георгия Львовича, урожденная Паризо де Ла Валетт.

² Здесь и далее даты, относящиеся к экспедиции Г.Л. Брусилова приведены по старому стилю.

³ Современный город Полярный.

«28 августа 1912 года. Утром команда пошла подписывать контракт, но вышло недоразумение: многим не хотелось подписывать контракт и подписали уже в последнюю минуту, но некоторые все-таки ушли, тогда пришлось набирать разных промышленников и матросов»¹.

Не явился в оговоренное время и один из акционеров, друг детства Г.Л. Брусилова лейтенант Н.С. Андреев, обидевшись на то, что держатель контрольного пакета акций предприятия — Анна Николаевна Брусилова — в последний момент решила избавиться от мелких пайщиков. Андреев должен был стать руководителем второй вахтенной смены и вторым лицом в команде.

Кто же были эти бесстрашные люди, отправившиеся в столь тяжелую и опасную экспедицию? Вы не знакомы? Я удовлетворю ваше любопытство!

Георгий Львович Брусилов — лейтенант Российского военного флота, капитан парусно-паровой шхуны «Св. Анна» и руководитель этого необычайного путешествия — родился 19 мая 1884 года в Николаеве. Потомственный офицер, Г.Л. Брусилов был сыном вице-адмирала Льва Алексеевича Брусилова и племянником генерала Алексея Алексеевича Брусилова, того самого, который, будучи в Первую мировую войну главнокомандующим Юго-Западным фронтом, организовал знаменитый «Брусиловский прорыв» в 1916 году. В 1904—1905 годах Георгий Львович участвовал в военноморских операциях против японцев, сначала на миноносце, а затем на крейсере «Богатырь». В 1910—1911 годах Г.Л. Бру-

¹ Из дневников А.Э. Конрада.

силлов принимал участие в Гидрографической экспедиции по Северному Ледовитому океану на ледокольных транспортах «Таймыр» и «Вайгач», занимавшейся тогда картографированием берегов Чукотки. Во времена оные капитаном «Вайгача», на котором тогда служил Георгий Львович, был капитан 2-го ранга Александр Васильевич Колчак¹. По свиде-

¹ А.В. Колчак (1884—1920) — российскому читателю известный прежде всего как один из лидеров Белого движения. Крупный полярный исследователь и ученый-океанограф начала XX века. Изданные труды по проблемам Арктики: «Последняя экспедиция на о. Беннетта, снаряженная Академией наук для поисков барона Толля», 1906 г., «Льды Карского и Сибирского морей», 1909 г. При подготовке к Русской полярной экспедиции (РПЭ), участвовать в которой ему предложил барон Э.В. Толль, Колчак изучал магнитологию в Павловской магнитной обсерватории, практиковался в Норвегии у Нансена. В 1900—1902 годах на шхуне «Заря» прошел путь по арктическим морям с двумя зимовками — по одиннадцать месяцев каждая. Во время зимовок совершал дальние, до пяти-сот верст, поездки на собачьих упряжках и на лыжах. Исполнял должности гидролога и второго магнитолога. Во время плавания под руководством лейтенанта Колчака проводились комплексные гидрологические исследования, после которых береговая линия западного Таймыра и соседних островов приобрела совершенно новые очертания на картах; один из вновь открытых у берегов Таймыра островов Толль назвал именем Колчака (с 1937 по 2005 год — остров Расторгуева). После навигации 1902 г. «Заря», добравшаяся до бухты Тикси, была раздавлена льдами и экспедиция, снятая пароходом «Лена», через Якутск прибыла в декабре в столицу. Толль, ушедший с тремя спутниками к острову Беннетта по морскому льду, так и не вернулся. Колчак, прибыв в Петербург, предложил Императорской Академии наук послать туда спасательную экспедицию на шлюпках. Академия дала ему средства и полную свободу действий. Александр Васильевич лично возглавил это предприятие, в котором едва не погиб, провалившись под лед. За участие в Русской полярной экспедиции получил орден Святого Владимира 4-й степени.

тельству сослуживцев Г.Л. Брусилов *«был жизнерадостным, энергичным, смелым, предприимчивым и хорошо знающим морское дело офицером, но не обладал значительным полярным мореходным опытом»*¹. Во время своего плавания по просторам Ледовитого океана на «Вайгаче» Г.Л. Брусилов имел возможность наблюдать несметные богатства Севера и обилие промыслового зверя в Арктике. Все это навело его на мысль организовать свою полярную экспедицию и достичь Северо-Восточным проходом Тихого океана, повторив героический проход Норденшельда. Но собственных средств на организацию экспедиции у Георгия Львовича не было, поэтому окупить данное предприятие он планировал зверобойным промыслом. Мужчины, как известно, те же мальчишки, только игрушки у них более дорогие, а иногда и смертельно опасные. Но люди с частичкой детства в душе — это же так прекрасно! С рьяным упорством взявшись за реализацию своих честолюбивых планов, Брусилов, невзирая на множество возникающих при подготовке к экспедиции проблем, торопится выйти в Ледовитый океан. Как покажет время, слишком торопится...

Валериан Иванович Альбанов — единственный штурман и второе лицо на шхуне «Св. Анна». Родился 26 мая 1882 года в Уфе. В 1899 году Альбанов в тайне от всех поступил в Петербургские мореходные классы. Узнав о самоволии племянника, дядя Альбанова, в семье которого тот воспитывался, лишил

¹ Чванов М.А. Загадка гибели шхуны «Святая Анна». М.: Вече, 2009.

его средств к существованию. Но это уже не могло остановить настырного и мечтательного юношу. Во время учебы Валериан Иванович зарабатывал себе на хлеб изготовлением макетов кораблей, а в каникулы подряжался матросом на различные торговые суда. Здесь-то, в суровой полутолодной жизненной школе, и закалялась стальная пружина его нестигаемой воли. После мореходки в 1904 году он целый год ходил по Балтийскому морю. В 1905 году Альбанов переехал в Красноярск и поступил помощником капитана на пароход «Обь», где занимался перевозкой грузов из Европы на Енисей. В летние навигации 1905—1906 годов Валериан Иванович получил неординарную морскую и лоцмейстерскую практику. А в 1908 году наконец-то сбылась его заветная мечта — Альбанов получает диплом штурмана дальнего плавания. К 1912 году Валериан Иванович считался уже опытным полярным штурманом и, познакомившись в том же году с Г.Л. Брусиловым, сразу же принял его предложение участвовать в экспедиции на «Св. Анне». Справедливости ради нужно сказать, что Георгий Львович никогда не планировал Альбанова в качестве своего заместителя. Изначально эта должность предназначалась лейтенанту Н.С. Андрееву, однако обстоятельства сложились иначе...

Ерминия Александровна Жданко — единственная женщина в экспедиции Г.Л. Брусилова, которой впоследствии вменялась вина чуть ли не во всех бедах экипажа «Св. Анны», якобы из-за нее на судне и произошел конфликт между капитаном и штурманом. Ерминия была дочерью генерал-лейтенанта Александра Ефимовича Жданко и племянницей

знаменитого географа-геодезиста генерал-лейтенанта Михаила Ефимовича Жданко, в 1913—1917 годах начальника Главного Гидрографического управления и члена Конференции Николаевской морской академии. Родилась в 1891 году, на момент выхода экспедиции в море ей едва исполнился двадцать один год. Оставшись без матери, когда ей было всего пять лет, девочка росла с явно мальчишескими наклонностями: однажды, еще совсем подростком, она попыталась убежать к отцу на русско-японскую войну защищать Порт-Артур. На «Св. Анну» девушка попала случайно — доктора прописали ей для лечения свежий морской воздух, и она решила совершить прогулку на корабле до Александровска, а оттуда вернуться домой по железной дороге. Но когда на «Св. Анну» вовремя не явился доктор и стало очевидно, что другого медика в экспедицию искать уже слишком поздно, юная Ерминия, окончившая самаритянские курсы сестер милосердия, не колебалась и минуты. Семьи Брусиловых и Жданко приходились друг другу дальними родственниками и были дружны, к тому же Ерминия ссудила Георгию Львовичу имеющиеся у нее деньги, чтобы рассчитаться с последними закупками, поэтому он после недолгих колебаний разрешил ей остаться. По словам оставшихся в живых, *«ни разу потом на терпящем бедствие судне она не пожалела об этом своем порыве»*.

Итак, окончательно сформированный экипаж состоял из двадцати четырех человек, из которых только семь были профессиональными моряками, включая капитана и штурмана. *«Остальные не моряки и не промышленники»* — так выразил-

ся о них Г.А. Брусилов. Запас продовольствия имелся только на восемнадцать месяцев, правда, из расчета на тридцать человек команды. Остальное предполагалось добывать охотой.

Из-за тяжелой ледовой обстановки ни одно судно, стоявшее на якоре к началу осени 1912 года у входа в Югорский Шар, так и не решилось выйти в море. Это не остановило капитана «Св. Анны», и 3 сентября шхуна все-таки преодолела этот пролив. Запись Брусилова в судовом журнале гласит: *«В 6 ч утра 4-го сентября я снялся с якоря и ушел в Карское море»*. Вскоре шхуна оказалась зажатой тяжелыми льдами у западного побережья полуострова Ямал, всего в нескольких милях от берега на широте 71°45'. Особого беспокойства капитана и команды это событие тоже не вызвало: зимовка так зимовка! Когда возобновится навигация, спокойно продолжим свой путь во Владивосток. Брусилов посылает партию матросов на берег, где планирует построить избу, чтобы более комфортно пережить долгую полярную зиму. Тут же начали заготавливать на дрова плавник¹. Однако вскоре от затеи пришлось отказаться: 28 октября 1912 года под сильным южным ветром оторвавшееся от берега ледяное поле начинает свой дрейф вместе с вмержшим в него судном. С этого момента, несмотря на все усилия команды, вместо намеченного пути на восток, шхуна неуклонно продвигается на север. Белоснежная красавица «Св. Анна», еще совсем недавно так помпезно покинувшая Санкт-Петербург, превращается для своих обитателей в дрейфующую тюрьму. Неумолимый маховик трагедии, пока еще медленно, начинает набирать обороты.

¹ Вынесенные на берег бревна.

Уже во время первой зимовки 1912—1913 года многие члены экипажа переболели цингой. Не минула чаша сия и руководителя экспедиции. Лейтенант Брусилов недужил тяжелее и дольше других. Долгое время он находился в критическом состоянии, сон сменялся бредом и галлюцинациями. Страх неизвестности, пугающий экипаж, усиливался неадекватными командами больного капитана. Бесконечная полярная ночь и вынужденное безделье все больше угнетали личный состав экспедиции:

«31 декабря, канун Нового года, но как печален он. Капитан, штурман, стюард, повар, я, Шпаковский — больны. Капитан уже два дня в бреду и жизнь его в большой опасности. В 12 часов остальная команда салютовала из ружей, а потом все собрались в большом салоне за чашкой пунша и шоколада. Хотя все они собрались, чтобы весело отпраздновать Новый год, но веселья нет. У всех какие-то натянутые физиономии. Все угрюмы и печальны. Перед всеми носится далекая Родина»¹. И еще: «...насталла глубокая, длинная, полярная ночь. Как угрюмы стали дни. Просто невыносима стала темнота. Душа таки рвется к свету, но напрасно»².

В течение нескольких месяцев штурман Валериан Иванович Альбанов фактически выполнял функции капитана судна. К весне, когда наладилась охота и в рационе появилось свежее мясо, Георгий Львович быстро пошел на поправку. Все это время при нем неотлучно находилась сестра милосердия

¹ Из дневника матроса Александра Конрада.

² Из дневника матроса Александра Конрада.

Ерминия Жданко, терпеливо и самоотверженно исполняя обязанности сиделки:

«Трудно ей приходилось в это время: Георгий Львович здоровый — обыкновенно изысканно-вежливый, деликатный, будучи больным, становился грубым до крайности. Частенько в сиделку летели и чашки и тарелки, когда она слишком настойчиво уговаривала больного покушать бульона или каши. При этом слышалась такая отборная ругань, которую Георгий Львович только слышал, но вряд ли когда-нибудь употреблял, будучи здоровым»¹.

К июню 1913 года «Святую Анну» вынесло уже севернее Новой Земли. В течение всего лета ценой невероятных усилий команда пыталась выбраться из сковавшего судно ледового капкана. В нескольких сотнях метров от судна виднелись полыньи, пробираясь по которым можно было дойти до свободной воды, но все попытки пропилить в ледяном поле канал до ближайшей из них были тщетны. Пробовали подрывать лед черным порохом (динамита на «Св. Анне» не было), но он лишь оставлял незначительные воронки. Делать нечего, команде пришлось готовиться ко второй зимовке.

В первый год была еще надежда: вот наступит весна, море откроется, взрывая своей неукротимой мощью пленившие судно льды. Но море не открылось: слишком уж далеко на север ушло судно за эту зимовку, а ледяные оковы все сильнее сжимали вокруг кучки людей свои беспощадные объятья. Альбанов видит, что надежды на благополучный исход экспедиции остается все меньше. Видит, но молчит. Пока молчит. А тем временем на

¹ Альбанов В.И. На юг, к Земле Франца-Иосифа!

фоне череды трудностей и невзгод, выпавших на долю экипажа, отношения между участниками экспедиции стали обостряться. В команде наметился раскол, но самым трагичным было то, что капитан и штурман шхуны уже больше не могли находить друг с другом общего языка. Мелкие разногласия между ними постепенно перерастали во взаимную неприязнь.

«По выздоровлении лейтенанта Брусилова от его очень тяжелой и продолжительной болезни на судне сложился такой уклад судовой жизни и взаимных отношений всего состава экспедиции, который, по моему мнению, не мог быть ни на одном судне, а в особенности являлся опасным на судне, находящемся в тяжелом полярном плавании. Так как во взглядах на этот вопрос мы разошлись с начальником экспедиции лейтенантом Брусиловым, то я попросил его освободить меня от исполнения обязанностей штурмана, на что лейтенант Брусилов, после некоторого размышления, и согласился, за что я ему очень благодарен»¹.

Матросы внимательно наблюдают за противостоянием капитана и штурмана, которое не могло не вызывать у них беспокойства. В выписке из судового журнала шхуны «Св. Анна», который Альбанов по возвращении доставил на материк, Г.Л. Брусиловым была сделана запись:

«9 сентября. Временами туман. Полярники несколько сжало, и на них начали появляться забереги»². За день убито 5 тюленей и 1 медведь. Одна собака не вернулась. Отстранен от исполнения своих обязанностей штурман».

¹ Альбанов В.И. На юг, к Земле Франца-Иосифа!

² Здесь — лед, припаянный к краям полярники.

Вот так и не иначе, сухим тоном судового документа описано событие, значение которого трудно переоценить даже в условиях обычного плавания. Судовой журнал — это не личный дневник капитана, а официальный документ, куда заносятся только наиболее важные события, происходящие на судне, имеющие непосредственное отношение к судьбе экспедиции и самого судна. Неужели факт отставки штурмана, фактически, в данном случае, заместителя капитана, заслуживает быть записанным через запятую после пропажи собаки? Насколько враждебными стали отношения двух интеллигентных и воспитанных людей всего за год арктического плавания!

С этого момента штурману ничего другого не оставалось, как, уединившись в своей каюте, занять место обычного пассажира на судне. Ровно через четыре месяца Г.А. Брусилов делает следующую запись в судовом журнале:

«9 января 1914 года. Надставляли самодельным проволочным линем лот Томсона¹, т.к. имеемых 400 сажен не хватает. Отставленный мною от исполнения своих обязанностей штурман Альбанов просил дать ему возможность и материал построить каяк, чтобы весной уйти с судна; понимая его тяжелое положение на судне, я разрешил. Вечером — сияние».

И вновь, обратите внимание: «разрешил уйти, вечером — сияние». Невольно складывается ощущение, что Георгий Львович не придает этому событию существенного значения. Но тут невольно возникает вопрос: не придает или просто не хочет об этом откровенно писать?

¹ Прибор для измерения глубины моря.

Как бы там ни было, штурман Альбанов принимает твердое решение покинуть судно. Если предположить, что он собирался уходить в одиночку, то это равносильно тому, чтобы пойти на верную смерть! Капитан все это прекрасно понимал, но хладнокровно разрешил. После всех перенесенных штурманом невзгод и обид, можно допустить, что он действительно принял решение уходить один:

«В этой каюте, в последнее время в особенности, я жил совершенно отдельной жизнью. «Там», за стеной, жили «они» своей жизнью, и оттуда временами долетали до меня отголоски «их» жизни, а «здесь» жил «я» своей жизнью, и отсюда к «ним» ничто не долетало. Последнее время моя каюта крепко держала в своих стенах все мои планы, опасения и надежды».

Конечно, Валериан Иванович имел некоторые основания предполагать, что какая-то часть команды уйдет вместе с ним. Но положение штурмана на судне было таково, что его не остановило бы даже отсутствие спутников.

К началу 1914 года «Св. Анну» выносит уже севернее Земли Франца-Иосифа, спасительный берег все более отдаляется. Медлить нельзя! Удачная охота во время первого года плавания (одних только медведей было убито сорок семь штук) позволила несколько пополнить запасы продовольствия. Но корабль слишком далеко ушел на север, и во второй год охоты уже практически не было. Запасов провизии еще на один год для всей команды очевидно не хватит. Ожидается голод, топливо на исходе, и пополнить его запасы нигде. Действительно, узнав о решении штурмана, уже через несколько дней с Альбановым решила уходить и часть экс-

педиции. Люди пришли потолковать в каюту капитана. Как доподлинно происходил разговор, мы уже никогда не узнаем, но матрос Александр Конрад, в числе первых решивший уходить со штурманом, записал в своем дневнике:

«Капитан долго не соглашался, но в конце концов дал согласие на постройку каяков тем, кто хочет уйти. Сколько человек останется — неизвестно. Нам предоставлено право выбора».

А что, собственно, мог сделать в этой ситуации капитан? Запретить всем покидать судно и ожидать открытого бунта команды? Напомню, что экипаж набирался на скорую руку, люди были разные, и, если кто решил уходить с судна, то остановить его вряд ли уже было возможно простыми увещаниями и вызыванием к дисциплине:

«Видя, что они не убеждены этими доводами и что перспектива весной покинуть судно и летом достигнуть культурных стран, избавившись от всем наскучившего здесь сидения, я объявил, что они могут готовиться и отправляться хоть все»¹.

Конечно, Брусилов понимал, что оставаться на судне огромный риск², но, в отличие от штурмана и команды,

¹ Выписка из судового журнала «Св. Анны», напечатанная в приложении к 4 выпуску XXXVIII т. «Записок по гидрографии».

² 13 июня 1881 г. северо-восточнее Новосибирских островов была раздавлена «Жаннетта» американской экспедиции лейтенанта Де-Лонга. Через три года спасательный круг с надписью «Жаннетта» и 57 других предметов этой экспедиции были обнаружены у южных берегов Гренландии. На основании этого норвежский метеоролог, профессор Хенрик Мон вычислил направление дрейфа льдов в Арктическом регионе. Брусилов, безусловно, об этом знал, что и укрепляло его надежду на самостоятельное освобождение судна ото льдов максимум через год.

он-то был связан материальными обязательствами перед родственниками и честью офицера! Чтобы не доводить до греха, капитан вынужден был уступить.

На судне решили остаться, включая капитана, всего десять членов экипажа. Это были преданные капитану люди и те, кто не находил в себе сил или смелости рискнуть отправиться в длительный ледовый поход в неизвестность. 22 января Г.Л. Брусилов записывает в судовом журнале:

«Это то количество, которое необходимо для управления судном и которое я смогу прокормить оставшейся провизией еще на 1 год. Уходящие люди не представляются необходимыми на судне, так что я теперь очень рад, что обстоятельства так сложились».

Таким образом, с января и до самого выхода группы Альбанова в апреле 1914 года, на корабле ведется активная подготовка к походу на Большую Землю, не затихающая даже в самые лютые зимние морозы.

10 апреля 1914 года на 82°55'05" с. ш. и 60°45' в. д. штурман Валериан Альбанов оставляет шхуну вместе с тринадцатью членами команды, решившимися покинуть корабль, чтобы пешком достичь обитаемой земли:

«Накануне нашего выступления в поход Георгий Львович позвал меня к себе и прочитал мне черновик составленного им предписания мне. Вот это предписание, сохранившееся у меня и по сейчас:

10 апреля 1914 года.

Штурману Альбанову.

Предлагаю Вам и всем нижепоименованным, согласно Вашего и их желания покинуть судно, с целью достижения оби-

таемой земли, сделать это 10 сего апреля, следуя пешиком по льду, везя за собой нарты с каяками и провизией, взяв таковой с расчетом на два месяца. Покинув судно, следовать на юг до тех пор, пока не увидите земли. Увидев же землю, действовать сообразно с обстоятельствами, но предпочтительно стараться достигнуть Британского канала, между островами Земли Франца-Иосифа, следовать им, как наиболее известным, к мысу «Флора», где, я предполагаю, можно найти провизию и постройки. Далее, если время и обстоятельства позволят, направиться к Шпицбергену, не удаляясь из виду берегов Земли Франца-Иосифа. Достигнув Шпицбергена, представится Вам чрезвычайно трудная задача найти там людей, о месте пребывания которых мы не знаем, но надеюсь на южной части его — это Вам удастся, если не живущих на берегу, то застать где-нибудь промысловое судно. С Вами пойдут, согласно их желания, следующие тринадцать человек команды — старший рулевой Петр Максимов, матросы Александр Конрад, Евгений Шпаковский, Ольгерд Нильсен, Иван Луняев, Иван Пономарев, Прохор Баев, Александр Шахнин, Павел Смиренников, Гавриил Анисимов, Александр Архиреев, машинист Владимир Губанов, кочегар Максим Шабатура.

Капитан судна «Св. Анна» лейтенант Брусилов
10 апреля 1914 г., в Северном Ледовитом океане
($\varphi=82^{\circ}55' \text{ N-ая}$, $\lambda=60^{\circ}45' \text{ O-ая}$)»¹.

Поскольку план экспедиции Брусилова не предполагал длительных пеших походов, то все снаряжение уходящей группы — каяки, нарты, меховая одежда, обувь, походная

¹ Альбанов В.И. На юг, к Земле Франца-Иосифа!

печь и многое другое — было самодельным, изготовленным людьми без опыта полярных переходов по дрейфующим льдам, в кустарных условиях на борту «Св. Анны». Питание, состоявшее в основном из сухарей, было явно недостаточным для длительного ледового перехода, полозья нарт слишком узки для перемещения по глубокому снегу.

Чистый вес каждой нарты с каяком составлял сорок-пятьдесят килограммов. Продовольствие и снаряжение, грузившиеся на каждые нарты, достигали ста двадцати килограммов. Везти такой груз вдвоем люди, изнуренные болезнями и двумя тяжелыми зимовками, были не в состоянии чисто физически. Поэтому нередко им приходилось перетаскивать нарты по очереди, впрягаясь в одну вчетвером, а затем возвращаться за следующей. Такой способ передвижения не только страшно утомлял путников, но и значительно замедлял скорость передвижения. На третий день самый старший участник похода матрос Гавриил Анисимов (ему было уже 54 года) занемог, и его решено было отправить обратно на судно. Вместо него 13 апреля неожиданно пришел стюард Ян Регальд. А 19 апреля 1914 года М. Шабатура, И. Пономарев и А. Шахнин, пройдя по льду около сорока километров и поняв, что им не выдержать такой сумасшедшей нагрузки, также попросились обратно на судно. Альбанов возражать не стал. Теперь мы можем только предполагать, смогли ли они найти дорогу, чтобы вернуться на «Св. Анну»...

Вместо карты у направлявшихся к островам людей был рисунок Земли Франца-Иосифа, сделанный еще Пайером¹

¹ Поручик Юлиус Пайер (1842—1915) — австрийский полярный исследователь. Руководил вместе с лейтенантом Карлом

и напечатанный в книге Ф. Нансена «Среди льдов во мраке ночи», которая имела в судовой библиотеке. Некоторые выдержки из этой книги штурман специально выучил наизусть. Нанесенный на сетку с координатами рисунок и была той самой «картой», по которой должны были идти путники. Штурманский план был «прост», как Ледовитый океан. Альбанов рассчитывал добраться до архипелага Земля Франца-Иосифа и выйти к мысу Флора на острове Нортбрук, где, как он знал опять же из книги Нансена, почти двадцать лет назад находилась база экспедиции Ф. Джексона. Возможно, что там могли сохраниться какие-то постройки и продукто-вое депо. Всего Альбанов предполагал преодолеть около ста шестидесяти километров, но и это еще не было спасением. Отдохнув и набравшись сил, отсюда группе предстояло про-биваться либо на Шпицберген, либо на Новую Землю, где гораздо вероятнее можно было встретить проходящее судно. В случае крайней нужды, если сразу по каким-то причинам не удастся двигаться дальше, планировалось провести на мысе Флора еще одну зимовку.

3 мая 1914 года в отряде Альбанова первая потеря: матрос Прохор Баев ушел на разведку более ровной дороги и не вер-нулся. Поиски, продолжавшиеся вплоть до 6 мая, результата не принесли, следы моряка обрывались у края свежей майны¹.

Вейпрехтом в 1872—1874 годах на шхуне «Адмирал Тегетхоф» австро-венгерской экспедицией по поиску прохода из Атлантики в Тихий океан. 30 августа 1873 года 79°43' с.ш., 59°33' в.д. с борта дрейфующего второй год во льдах судна ими случайно был открыт архипелаг Земля Франца-Иосифа (остров Галля) и составлена его первая карта.

¹ Майна — полынья, прорубь.

Вокруг полуголодных, замерзающих людей начинается свою полярную пляску жестокая и беспощадная смерть.

Проводимые штурманом в пути астрономические наблюдения и вычисления координат показывали, что полярников в результате встречного дрейфа льдов постоянно сносит на северо-запад, в сторону от намеченной цели. Происходило это за счет неизвестного ранее Восточно-Шпицбергенского течения. Таким образом, проходя за день по четыре-пять миль на юг, нередко путники оказывались гораздо севернее, чем были с утра. Это невообразимо изматывало физически и удручало эмоционально. Полозья нарт то и дело ломались, чинили их, как могли, буквально на коленках. Очень часто, когда не везло с охотой, питаться приходилось лишь горьким хлебом надежды, а ее оставалось все меньше и меньше. Не всегда было время и возможность хотя бы просто растопить снег, чтобы утолить мучившую их жажду. Отряд изматывала снежная слепота. Самодельные солнцезащитные очки, изготовленные еще на судне из затемненного бутылочного стекла, почти не спасали. Люди шли практически с закрытыми глазами, поминутно спотыкаясь и падая друг на друга. Одежда кишела вшами так, что *«вязаная рубашка по ровному месту могла бы далеко уйти самостоятельно»*. Вновь заговорила о себе цинга, ноги пухли и синели, снег обгагрался кровью из легких. Народ начал роптать. Поступали предложения побросать все вещи и налегке добираться до земли. Нервы были взвинчены до предела, ситуация грозила выйти из-под контроля. Альбанов запишет в своем дневнике:

«Как ни горько, но должен сознаться, что есть у меня в партии три или четыре человека, с которыми мне ничего не хотелось бы иметь общего».

Бывали случаи воровства из без того стремительно тающего запаса сухарей. Угрозы штурмана пристрелить пойманного с поличным уже мало чем помогали. Кто-то вообще отказывался идти дальше. Но Альбанов железной волей, угрозами бросить на снег, а иногда и просто не гнушаясь физической расправой, заставлял своих сломленных спутников двигаться вперед с полным снаряжением. В конце концов оставить пришлось лишь тяжелую истрепанную ветрами палатку. Благо начиналась полярная весна, и можно было обходиться уже без нее.

Наконец, 29 июня, больные и изможденные, потерявшие уже всякую надежду на спасение, путники вышли на ледник Уорчестер, а оттуда на южный берег мыса Мэри Хармсворт острова Земля Александры. Здесь они впервые за два долгих года почувствовали под ногами долгожданную землю. Отсюда их путь лежал через пролив Кембридж к следующему острову архипелага — Земле Георга. Спасение уже было совсем близко, если бы не одна существенная проблема: к этому времени на десять человек сохранилось лишь два каяка. Остальные по разным причинам были брошены по пути через торосы. Отряд вынужденно разделился на две партии по пять человек, одна из которых с груженными походным скарбом и нартами пошла на каяках по морю, а другая — налегке — на лыжах по льду. Воссоединились обе группы 1 июля на мысе Ния острова Земля Георга. Альбанов, ушедший с каячной группой, достиг берега раньше. К удивлению штурмана, вместо пятерых человек из пешей группы к месту назначенной встречи пришло только четверо: резко ухудшившееся здоровье матроса Архиреева не позволило ему двигаться дальше, и он был оставлен своими спутниками, лежащим на льду

еще живым! Альбанов приказал им немедленно вернуться за брошенным товарищем. Однако отправившаяся назад группа возвратилась ни с чем — к их приходу заболевший уже был мертв. Надо сразу оговориться, что эти сведения почерпнуты из дневниковых записей Валериана Альбанова. А вот матрос Александр Конрад в своем дневнике на эту же дату описал это событие несколько иначе:

«...они поели и взяли пару лыж, чтобы вернуться к Архирееву и тащить его на высокий ледник¹. Придя туда, где остался Архиреев, они его не нашли. Лед, на котором он лежал, ветром оторвало от берега и унесло в море вместе с ним».

Следующей точкой встречи двух групп был назначен мыс Гранта на том же острове. Пешком по берегу пошли четверо, старшим был назначен Петр Максимов. Пять человек во главе с Альбановым на каяках прибыли в условленное место 3 июля 1914 года:

«Только к пяти часам утра удалось нам подойти к береговому припая, около мыса Гранта. Дорогой нам повезло убить 16 нырков...»².

Путь на каяках занял у Альбанова семнадцать часов. Ни в этот день, ни на следующий ожидаемая пешая группа в условленное место так и не вышла.

«Суббота 5 июля. В 2 часа ночи, пользуясь прояснившейся погодой, мы снялись и пошли к острову Белль, придерживаясь кромки невзломанного льда»³.

¹ Непонятно, зачем вообще нужно было тащить Архиреева на «высокий ледник»? В том месте мыса Нила, где обе группы встретились, совершенно свободный и плавный подход к берегу с моря.

² Альбанов В.И. На юг, к Земле Франца-Иосифа!

³ Там же.

Таким образом, основываясь на записях штурмана нетрудно подсчитать, что «пешеходов» ждали сорок пять часов. Много это или мало? Об этом позже. Но с этого момента никого из оставшихся на берегу людей никто больше не видел¹.

5 июля каяки достигли небольшого соседнего с Землей Георга острова Белл, где на следующий день умирает от цинги матрос Нильсен. Гражданин Дании, он был настоящим старожилом «Св. Анны», так как плавал на ней еще с британским экипажем, когда судно еще носило название «Бленкатра». Команда похоронила его здесь же².

7 июля четверо оставшихся моряков на двух каяках направились к конечной цели своего похода — мысу Флора на острове Нортбрук. Внезапно разыгравшийся в проливе Мирса шторм, на глазах у Альбанова и Конрада унес в море каяк с матросами Луняевым и Шпаковским, к тому времени уже совершенно больными и не способными сопротивляться взбесившейся стихии. Об их дальнейшей судьбе также по сей день ничего неизвестно. Спасаясь от шторма, Конраду и Альбанову удалось вылезти на небольшой айсберг и затащить на него свой каяк. Подняв на вершине айсберга мачту с флагом для потерявшихся товарищей, они, обессиленные, рухнули спать. Но всего через несколько часов ледяной монолит раскололся надвое, и спящие на нем люди с ужасом оказались в стылой воде:

¹ Поиску этой группы П. Максимова и была, в основном, посвящена наша экспедиция.

² Несмотря на многочисленные публикации и даже фотографии могилы, место захоронения датчанина Ольгерда Нильсена до сих пор не обнаружено.

«Мы проснулись от страшного треска, почувствовали, что стремглав летим куда-то вниз, а в следующий момент наш «двухспальный мешок» был полон воды. Мы погружались в воду и, делая отчаянные усилия выбраться из этого мешка, отчаянно отбивались ногами друг от друга»¹.

Позволю себе напомнить, что температура воды в Баренцевом море даже в этот период времени часто держится на отметке ниже нуля. Если в первые секунды сердце человека и выдерживает подобный стресс, то смерть неминуемо наступает в течение десяти-пятнадцати минут от запредельного переохлаждения организма. С невероятными усилиями забравшись на свалившийся с айсберга каяк, Альбанов и Конрад вынуждены были повернуть обратно к острову Белл:

«Боже мой, с каким остервенением мы гребли! Не так заботясь о быстроте хода, как о том, чтобы хотя немного согреться, мы гребли до изнеможения, и только это, я думаю, спасло нас»².

Наконец, 9 июля Альбанов и Конрад добрались до заветного мыса Флора, где в 1895—1897 годах находилась база экспедиции Фредерика Джексона. Казавшиеся такими призрачными надежды штурмана сбылись. Англичане действительно оставили после себя целый поселок с амбаром, кузницей, жилыми помещениями и продуктовым депо. Здания требовали, конечно, некоторого ремонта, но главное, что большая часть продуктов — галеты, мясные и рыбные консервы, соленья, чай, кофе оказались съедобны. Это было

¹ Альбанов В.И. На юг, к Земле Франца-Иосифа!

² Там же.

настоящее спасение! В таких условиях вполне можно было надеяться на еще одну благополучную зимовку, не боясь погибнуть голодной смертью или замерзнуть. Из-за сноса льдов Восточно-Шпицбергенским течением, с момента оставления «Св. Анны» они прошли более четырехсот километров почти за три месяца! Наконец-то изнуряющий ледовый рейд остался позади! В походе умерло и пропало без вести девять человек команды.

В результате тяжелейшего перехода по дрейфующим льдам здоровье «железного штурмана» было окончательно подорвано, и на несколько дней он слег в забытии.

15 июля Александр Конрад в одиночку отправился к мысу Гранта на поиски пропавшей береговой партии:

«С трудом мне удалось добраться до острова Белл, где я остался отдохнуть. Поев, поплыл дальше к мысу Гранта. Скоро я достиг его, но подойти к берегу, ближе чем на три версты было невозможно. Кругом нагнанный ветром лед. Я простоял здесь несколько часов, все время кричал, свистел и стрелял из ружья, но ответа не получил и никого не заметил на берегу. Вернулся обратно на остров Белл и, поужинав, пришвартовал свой каяк и лег спать. 16 июля утром проснулся и смотрю, что я унесен в море. Оказывается, каяк во время сна оторвало и унесло в море. Я тут же вернулся к берегу. 17 июля я опять поплыл к мысу Гранта. Оказалось, такая же штука. Кругом лед. Я опять кричал, свистел, стрелял, но ответа не было. Значит, их нет. Если бы они были, то могли бы ответить ружейным выстрелом. У них осталось пятизарядное ружье, магазинка. Я вернулся на остров Белл и, посмотрев на могилу своего товарища Нильсена, в последний раз заплакал

над ним. Тут же я поплыл обратно на мыс Флора. Прибыв, рассказал все штурману и лег спать»¹.

О том, чтобы в этом же году на одном каяке отправляться на Шпицберген или Новую Землю, не могло быть и речи, поэтому спасшиеся моряки уже начали активные приготовления к третьей полярной зимовке. Но, неожиданно, 20 июля 1914 года к мысу Флора подошла шхуна «Св. Фока» экспедиции лейтенанта Георгия Яковлевича Седова², которая и забрала на борт штурмана Валериана Альбанова и матроса Александра Конрада, вероятно единственных выживших из всей экспедиции Брусилова³. Эту встречу описал в своей книге «В ледяных просторах» художник и фотограф экспедиции лейтенанта Г.Я. Седова Николай Васильевич Пинегин:

«Человек что-то делал у камней. Минуту спустя — как мы отдали якорь — неизвестный толкнул на воду каяк, ловко сел и поплыл к «Фоке», широко размахивая веслом, — хороший каячный гребец.

Каяк подошел к борту, сидящий в нем заговорил на чистейшем русском языке. Слабо звучал голос. Первые слова, кажется — приветствие, затем донеслось:

¹ Из дневника А.Э. Конрада.

² Сам Г.Я. Седов к тому времени скончался 20(?) февраля 1914 года на острове Земля Рудольфа. В 1938 году советскими полярниками на мысе Аук были найдены сломанная лыжа, кормовой флагшток с обрывками флага и медная трубка с надписью: «Polar expedition Sedov» (Полярная экспедиция Седова). Тело лейтенанта не найдено до сих пор.

³ Есть несколько версий, согласно которым кто-то из оставшихся на «Св. Анне» мог спастись. Об этом подробно написано в книге М.А. Чванова «Загадка гибели шхуны «Святая Анна». М.: Вече, 2009.

— Я штурман парохода «Святая Анна»... Я пришел с 83 градуса северной широты. Со мной один человек, четверо на мысе Гранта. Мы пришли по плавающему льду...».

Шхуна «Св. Фока» подошла к мысу Флора в весьма потрепанном состоянии. Топливо в трюмах закончилось давно, в топках паровых машин уже исчезли многие деревянные конструкции судна, а также канаты, запасные паруса, судовая библиотека, десятки убитых тюленей и медвежьих шкур. Идти в условиях полярных льдов только на одних парусах — мероприятие, близкое к самоубийству. Поэтому все постройки Ф. Джексона, за исключением небольшой дощатой корабельной рубки¹, были разобраны на дрова². Собственно для этого «Св. Фока» и бросил здесь якорь.

По просьбе Альбанова судно взяло курс на мыс Гранта, куда к тому времени должна была дойти береговая группа Петра Максимова. Однако сложнейшая ледовая обстановка не позволила приблизиться к берегу ближе чем на четыре мили. Стрельба и свистки с палубы результата не дали:

«Ни одной похожей на человека фигуры мы не могли рассмотреть ни на мысе, ни на льду, отделяющем его от нас»³.

¹ Рубка построена первой экспедицией Ли Смита на Землю Франца-Иосифа в 1880 году. Позднее Ф. Джексон утеплил ее, обнеся бамбуковым частоколом, и законопатил зазоры мхом. В июле 2011 года рубка была разрушена при невыясненных обстоятельствах.

² Наша группа по приезду в Москву выступила с инициативой восстановить эти постройки на прежнем месте, исходя из старых рисунков, нескольких сохранившихся фотографий и чертежей. Сейчас этот вопрос прорабатывается руководством национального парка «Русская Арктика».

³ Из дневника В. Альбанова.

«К самому мысу¹ подойти нельзя: у берега стоял припай из невообразимо нагроможденных торосов — нужно отправлять сухопутную партию. На берегу же — насколько можно рассмотреть в сильные бинокли и подзорную трубу — одни мертвые камни. Пушечные выстрелы и гудки будили только стада моржей. Очевидно, искать людей на мысе Гранта бесполезно; нужно обойти, тщательно осматривая, все берега, — такие поиски займут не меньше трех дней. Мы не могли стоять так долго под парами. Было решено поиски прекратить»².

В июле 1914 года мне не довелось побывать на мысе Гранта. Но, спустя ровно девяносто семь лет, в июле 2011-го, переверачивая на нем в поисках останков людей камень за камнем, я никак не мог понять, почему седовцы не встали на якорь, потушив паровые машины, и даже не попытались высадить на берег с помощью шлюпки поисковую партию. Мыс Гранта не так уж велик, и не найти на нем людей, если они там, конечно, были, просто невозможно! В крайнем случае, можно было оставить провизию, теплые вещи и оружие. Но тогда почему-то этого сделано не было...

Только 16 августа 1914 года Альбанов и Конрад с борта «Св. Фоки» наконец-то увидели Большую Землю. Это был Мурман. А на следующий день они сошли на берег в становище Рында.

К 1914 году сразу три русские арктические экспедиции В.А. Русанова, Г.Л. Брусилова и Г.Я. Седова считались пропав-

¹ Имеется в виду мыс Гранта.

² Пинегин Н.В. В ледяных просторах.

шими без вести. По инициативе Русского географического общества 18 января 1914 года Совет министров дал указание Морскому министерству предпринять их поиски. Главным гидрографическим управлением были организованы сразу несколько поисковых экспедиций.

В западной спасательной экспедиции под руководством капитана 1-го ранга Исхака Ислямова участвовали четыре судна: барк «Эклипс», пароход «Печора», паровые шхуны «Герта» и «Андромеда». «Эклипс» под командованием Отто Свердруп¹ должен был двигаться Северо-Восточным проходом в сторону Камчатки, но ему, в свою очередь, самому потребовалась помощь по время зимовки 1914—1915 годов у северо-западного побережья полуострова Таймыр. Эвакуацию части моряков с «Эклипса» произвела сухопутная экспедиция на оленях под руководством легендарного Никифора Бегичева². Освободившись ото льдов, «Эклипс» достиг острова Уединения в Карском море и осенью 1915 года поднял на нем российский флаг.

Остальные суда должны были обследовать район Новой Земли и Земли Франца-Иосифа. Шхуна «Герта» под командованием Исхака Ислямова на своем пути к острову Нортбрук разминулась с возвращавшимся в то же время в Архангельск «Св. Фокой». Над дверью оставшейся от базы Джексона су-

¹ Отто Свердруп (1854—1930) — норвежский полярный мореплаватель и исследователь. Капитан знаменитого «Фрама» экспедиции Ф. Нансена в 1893—1896 гг.

² Никифор Алексеевич Бегичев (1874—1927) — русский исследователь Арктики, охотник-промысловик, руководитель нескольких полярных экспедиций, «железный боцман», как его за глаза называли матросы.

довой рубки на мысе Флора 29 августа 1914 года Ислямов обнаружил записку Альбанова следующего содержания:

«Штурман паровой шхуны «Св. Анна» В.И. Альбанов и матрос А. Конрад отправляются с мыса Флора на паровой шхуне «Св. мученик Фока» экспедиции старшего лейтенанта Седова.

История экспедиции лейтенанта Брусилова такова: в октябре 1912 года шхуна «Св. Анна» была затерта льдами в Карском море и прижата к Ямалу на широте $71^{\circ}45'$, где и простояла полмесяца. SO-вым ветром шхуна, с окружающим льдом, была оторвана от берега и стала дрейфовать на север. Дрейф этот продолжался до 10 апреля 1914 года, когда штурман Альбанов с 13-ю матросами покинули шхуну на широте $82^{\circ}55,5' N$ и долготе $60^{\circ}45' O$, чтобы пешком достигнуть обитаемой земли. Продолжать дрейф на шхуне осталось всего, считая с командиром Брусиловым, 10 человек, и провизии у них должно хватить еще на полтора года. Через два дня со шхуны было получено сообщение, что ее место: широта $83^{\circ}18' N$ и долгота $60^{\circ} O$. В расстоянии около 40 верст от судна матросы Пономарев, Шабатура и Шахнин повернули обратно на судно вследствие утомления, а Альбанов продолжал путь на юг с десятью человеками, фамилии которых следующие: Максимов, Луняев, Архиреев, Шпаковский, Баев, Губанов, Конрад, Нильсен, Смиренников и Регальд. 3 мая матрос Баев, уйдя на разведку, обратно не вернулся, и, несмотря на поиски в течение трех суток, найден не был. 9 июня идущими была усмотрена земля на SO, куда и направились. Высадиться на эту землю, которая оказалась ледником Уорчестер на Земле Александры,

удалось только 26 июня. 29 июня прибыли на южный берег мыса Мэри Хармсуорт, где увидели свободное ото льда море. Так как на 10 человек осталось только два каяка, могущих поднять только пять человек, то решено было разделиться на две партии, из которых одна пошла на двух каяках, а другая партия пошла на лыжах вдоль берега по острову. Береговая партия, соединившись с плывущими на мысе Ниль, сообщила, что в пути умер матрос Архиреев, который все последнее время был нездоров. Совершенно не имея провизии и затрудняясь добывать ее, решено было каякам двигаться быстрее и постараться достигнуть скорее мыса Флоры. Придя на мыс Гранта, где было назначено свидание с идущими пешком, и прождав их напрасно больше суток, каяки пошли к острову Белл, куда и прибыли 5 июля. Дорогой заболел, а в ночь на 7 июля умер матрос Нильсен, который был похоронен на острове Белл. 7 июля оба каяка направились к мысу Флора. На первом пошли штурман Альбанов и матрос Конрад, а на втором — матросы Луняев и Шпаковский. На полпути поднялся сильный ветер от N, против которого каяки выгребать не могли, и их понесло в море. Первый каяк успел прихватиться за большую плавающую льдину, другой же каяк скоро скрылся из виду. Зыбь была крупная, и помочь каяку было нельзя.

8 июля, при затихающем ветре, первому каяку удалось подойти опять к острову Белл, где он простоял до утра 9 июля. Не дождавшись пропавшего каяка и не видя даже его, решено было идти на мыс Флора, где и высадились того же 9 июля. 15 июля Конрад на каяке отправился на мыс Гранта, но не нашел там партии, идущей пешком, и 18-го утром

вернулся обратно на мыс Флора. 20 июля к мысу Флора подошла шхуна «Св. мученик Фока», и члены экспедиции Седова, узнав историю пропажи людей экспедиции лейтенанта Брусилова, выразили согласие идти на шхуне на поиски пропавших, как только удастся погрузить на судно дрова. На мысе Флора и на мысе Гранта будут оставлены склады провизии и других необходимых предметов.

*Штурман дальнего плавания Валериан Иванович Альбанов. 25 июля 1914 года. Мыс Флора*¹.

Как мы теперь знаем, продуктивное депо на мысе Гранта так и не было оставлено, а до мыса Флора оставшимся людям добраться было не на чем. Более того, прочитав эту записку, Ислямов был уверен, что в районе мыса Гранта поиски проведены силами экипажа «Св. Фоки». Однако это было не так...

В поисках пропавших экспедиций впервые в мировой истории использовалась полярная авиация: летчик Ян Нагурский на гидросамолете «Фарман МФ-11» исследовал с воздуха льды и побережье Новой Земли от Крестовой губы до полуострова Панкратьева. Отважный поручик с огромным риском для жизни налетал около тысячи километров над Ледовитым океаном, пытаясь отыскать следы своих соотечественников, но «Св. Анна» находилась совершенно в другом месте.

С восточной стороны поиск был поручен гидрографической экспедиции Б.А. Вилькицкого на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач». Эта экспедиция также пыталась задействовать

¹ Эта записка хранится в Центральном Государственном архиве Военно-морского флота. Ф. 404. Оп. I. Д. 306, 244.

воздушную разведку, однако гидросамолет «Анри-Фарман» летчика Д.Н. Александрова потерпел аварию в первом же пробном полете.

В июле 1915 года к мысу Флора подошла паровая шхуна «Андромеда» под командованием опытного в полярных плаваниях капитана Г.И. Поспелова:

«Цель этого плавания не только убедиться — нет ли здесь экспедиции Брусилова или Русанова (или их следов), но также и поставить здесь дом-убежище с полным хозяйственным инвентарем, взамен здания Джексона. Кроме того, это судно должно доставить сюда и 300 пудов угля для отопления дома-убежища. В этот дом будут перенесены и все запасы провизии и теплого платья»¹.

Судя по имеющимся фотографиям, этот дом действительно был возведен на мысе Флора, но куда он потом бесследно исчез, остается только догадываться. Правда, пропавшим в четырнадцатом году людям он был уже не нужен...

В результате продолжавшихся в течение полутора лет поисков, следы шхуны «Св. Анна» и оставшегося на ней экипажа так и не были найдены. Все поисковые работы были прекращены. В сентябре 1915 года все спасательные экспедиции вернулись в Архангельск: в Европе уже больше года бушевала Первая мировая война. А затем по стране прокатилась волна революционного движения, Гражданская война и последующие за ней известные события.

¹ Брейтфус А.А. Северные полярные экспедиции 1912 года и их поиски. Типография Морского Министерства в Главном Адмиралтействе, 1915. С. 30.

В 1919 году Валериан Иванович Альбанов выехал в Омск, где пытался убедить Верховного правителя России А.В. Колчака, в прошлом участника полярной экспедиции барона Э.В. Толля, организовать новую поисковую экспедицию¹. Возвращаясь от адмирала, он погиб при неясных обстоятельствах в районе станции Ачинск².

В конечном итоге ни царское, ни советское правительство так по-серьезному и не озаботилось этой проблемой. Для справки: на поиски пропавшей в 1845 году экспедиции Джона Франклина, собиравшейся открыть Северо-Западный проход из Атлантического океана в Тихий, было снаряжено более пятидесяти (!) экспедиций, явивших собой целую эпоху освоения Арктики.

В постсоветское время несколько раз проводились поисковые экспедиции, не принесшие, тем не менее, никаких результатов. Все, что мы знаем до настоящего времени, известно лишь из выписки судового журнала, составленной Ерминией Жданко, а также личных дневников, вернее, их копий двух оставшихся в живых участников экспедиции:

¹ Красивая, но малоубедительная версия. В 1919 году Колчаку уже явно было не до поисковых экспедиций в Арктике. А о том, что Альбанов обращался к большевикам в Петроград, что было бы логичнее, ничего не известно. Вероятнее всего, Валериан Иванович просто примкнул к Белому движению, которому симпатизировал гораздо больше, чем красным.

² По одной из версий, поезд со штурманом попал под бомбежку, по другой — он умер в тифозном бараке. Ни одна из версий документального подтверждения не имеет. Могила В.И. Альбанова неизвестна. Ходили даже слухи, что его видели в 30-х годах у дома матери в Красноярске.

штурмана Валериана Ивановича Альбанова и матроса Александра Конрада.

По дневникам Альбанова очевидно, что со «Св. Анны» он нес большую почту, которую писали в течение недели (!) Брусилов, Жданко и Шленский — внештатный корреспондент архангельской газеты, а также документы ушедших с судна, запаянные в жестяную банку.

«Георгий Львович, Ерминия Александровна и Шленский заняты другим делом: они пишут. Боже мой! Что они пишут с утра до вечера вот уже целую неделю? Мне иногда становится страшно, каких размеров, какого веса дадут они нам почту... Но, к моему удивлению, почта оказалась очень невелика, не более 5 фунтов»¹.

Невелика? Даже если фунт русский, то есть четыреста грамм, то почта занимала два килограмма. Кто-то из исследователей подсчитал, что это тридцать пять школьных тетрадей! А если фунт английский — четыреста пятьдесят три грамма? Однако Н.В. Пинегин и В.Ю. Визе², которые встречали штурмана на «Св. Фоке», утверждают, что у Альбанова на груди был лишь пакет. Так или иначе, в дневниках самого штурмана о банке с документами и почтой в последний раз упоминается на мысе Флора:

«Прежде всего, надо подвести к поселку каяк, оставленный версты за две отсюда, вытащить его в безопасное

¹ Из дневника В.И. Альбанова.

² Пинегин Николай Васильевич (1883—1940) — российский писатель, художник, исследователь Севера, участник экспедиции к Северному полюсу Г.Я. Седова. Визе Владимир Юльевич (1886—1954) — географ, гидролог, метеоролог, член-корреспондент АН СССР, участник той же экспедиции.

место и взять в домик все остатки нашего снаряжения, которого, правда, осталось немного: компас, бинокль, хронометр, секстант, две книжки, паруса, топор, спички да две или три банки, из которых одна была с почтой».

Неоднократно встречаясь после экспедиции с семьей Брусиловых, Валериан Иванович также ничего об этом не сообщает. Александр Конрад же до конца своих дней вообще хранил глубокое молчание об этой экспедиции и всячески избегал контактов с родственниками пропавших товарищей. До последнего дня своей жизни он ни за что не хотел расставаться со своим дневником, который уже после его смерти, как ценный исторический документ в 1940 году был передан его женой Еленой Александровной Конрад в Музей Арктики и Антарктики в Санкт-Петербурге, где он хранится по сей день. Дневник этот, однако, не проливает сколько-нибудь света на всю загадочную трагедию «Св. Анны» и ее экипажа. В нем описываются в основном сцены охоты, погода и несущественные бытовые подробности. К тому же все записи в нем сделаны чернилами, а в экспедиции дневники писались карандашом. Вероятно, что уже по возвращении из ледового похода он был переписан на основе настоящего дневника, судьба которого неизвестна. Кроме того, в нескольких местах дневника есть записи от третьего лица: «Конрад сказал», «штурман и Конрад пошли». Не под диктовку ли умирающего Александра Эдуардовича он был переписан?

После экспедиции Александр Конрад одно время служил с Альбановым на ледорезе «Канада», переименованном впоследствии в «Федор Литке». Он стал профессиональным и, говорят, суровым моряком, до конца своей жизни ходил

матросом на судах советского торгового флота. Незадолго до смерти, в 1939 году, то есть спустя двадцать пять лет после описываемых событий, Александр Конрад все же пройдет по Северному морскому пути до Владивостока, но это уже совсем другая история. Умер Александр Эдуардович от плеврита 16 июля 1940 года в Ленинграде, не дожив до шестидесятилетнего юбилея всего один месяц. Похоронен на Смоленском кладбище.

Не просто сложилась и судьба его семьи. Сын Александр в первые дни войны ушедший фронт, пропал без вести в ноябре 1941 года. А 1943 году по ложному доносу оправдома жену Конрада Елену Александровну и их дочь Тамару забрали в НКВД. Жена практически сразу умерла еще в ленинградской пересылке, а дочь вышла на свободу только через десять лет, была реабилитирована и переехала в Астрахань, где и проживает по сей день. В 2012 году нам удалось ее навестить. Тамара Александровна с особой теплотой вспоминает город своего детства и молодости, мечтает когда-нибудь туда приехать. Между прочим, она рассказала, что незадолго до смерти отца именно она под его диктовку переписывала полярные дневники матроса Конрада, которые сейчас хранятся в Музее Арктики и Антарктики. Оригиналы же дневников остались в отобранной квартире и, вероятнее всего, сгорели в одной из «буржук» блокадного Ленинграда.

Судьба унесенных на каяке в открытое море матросов Луняева и Шпаковского, четырех человек береговой группы Максимова, а также всех оставшихся на «Св. Анне» и ее капитана Г.Л. Бруилова до сих пор неизвестна. Опубликовано множество предположений и версий об их судьбах,

от вполне логичных до вовсе нелепых. Но пока — это всего лишь догадки, не имеющие надежных документальных доказательств. Арктика, как и прежде, надежно и ревностно хранит свои тайны!

Вот, вкратце, и вся давняя история, получившая неожиданное продолжение в наши дни...

Глава II

К ЗЕМЛЕ ФРАНЦА-ИОСИФА

Все полярные экспедиции в смысле достижения цели были неудачны, но если мы что-нибудь знаем о Ледовитом океане, то благодаря этим неудачным экспедициям.

Вице-адмирал С.О. Макаров¹

Это было в июле 2006-го, когда все Подмосковье наслаждалось наступившим, наконец, настоящим летом.

На выходе из спортивного зала у меня зазвонил мобильный телефон. «Леня», — доложил мне определитель номера, и я услышал в трубке знакомый голос:

— Привет, ты не хочешь «сходить» в Арктику? — вопрос был задан без лишних предисловий, впрочем, как всегда.

— Куда?!!

¹ Макаров Степан Осипович (1849—1904) — выдающийся русский флотоводец, океанограф и полярный исследователь. Руководитель проекта по созданию первого в мире морского ледокола «Ермак». Во время русско-японской войны командующий Тихоокеанским военным флотом. 31 марта 1904 года на броненосце «Петропавловск» подорвался на mine.

— Ну, в Арктику, на Новую Землю, на поиски затонувшего в 1695 (!) году корабля Виллема Баренца!

— С тобой? Да хоть в Африку! — сразу ответил я и тут же парировал: — Сейчас?

— Да нет же, в сентябре, — Леня уже понял, что я начинаю придуряться. — Время еще есть, так что ты подумай серьезно и перезвони. Ну, пока!

Минут пять я стоял, не шевелясь, пытаюсь понять, уж не розыгрыш ли это? Да вроде нет, шутить такими вещами не в его стиле. Рассеянно рисуя носком ботинка по асфальту и как-то глупо улыбаясь, я с удовольствием подумал: «Он про меня не забыл!»...

...Холодный февраль 95-го. «Наведение конституционного порядка» в Чечне шло полным ходом. Мы возвращались в поселок Толстой Юрт из залитого кровью фронтового Грозного. Темнело, надо было спешить. Машина «скорой помощи» госпиталя медицины катастроф «Защита» стремительно влетела в ворота и замерла возле оранжевого надувного модуля. В лагере была суета — приехала новая смена отряда «Центроспас» Министерства по чрезвычайным ситуациям России. Бойко перетаскивались вещи, спецоборудование и какое-то немыслимое снаряжение. С удовольствием выкурив папиросу на свежем, без пороховой гари, прохладном воздухе, я по сложившейся привычке заглянул к спасателям.

— Познакомься, это Леня! — на меня из-под черных, как смоль, кудрявых вихров смотрели озорные карие глаза. Я представился...

...Крайний раз со спасателем теперь международного класса Леонидом Радуном мы встречались в сентябре 2004-го,

на похоронах двух наших товарищей из отряда «Центро-спас», погибших во время спецоперации по освобождению заложников в Беслане. Тогда и поговорить-то особо не пришлось. И вот этот неожиданный звонок. Думать нечего, конечно же, еду!

Наступил сентябрь. Купив билет до Мурманска, я с частью экспедиционной группы выехал из Москвы. Скажу прямо — переживал невыносимо: кроме Радуна, я в этой экспедиции никого не знал. Что за ребята, какие у меня будут задачи? А Леонид все успокаивал:

— Работа серьезная, с достаточным количеством здорового экстрима. Мне бы хотелось, чтобы в этой экспедиции были только люди, к которым было бы не страшно повернуться спиной.

— Хороший парень — это не профессия! — напомнил я известную нам обоим поговорку.

— Ну, к тебе это не относится. К тому же ты, кажется, врач, или забыл?

Действительно, в свое время я окончил лечебный факультет медицинского института, и даже с отличием. Но внезапно нагрянувший капитализм лишил меня мечты детства, так что врачом я уже давно не работал. К тому же у экспедиции был свой официальный врач Алексей Богорад.

— Лишних докторов не бывает, особенно там, — Леня многозначительно кивнул в сторону, где, видимо, должен был находиться север, — а в остальном... руки, что, из-под поясицы растут? — мои сомнения окончательно испарились. Так, в общем-то случайно, но без особых колебаний шагнув за Полярный круг, я уже не мыслил себя без Севера.

В мурманском порту нас ожидал целый ворох проблем — вельбот, с гордым названием «Сокол», на котором мы планировали вести поиск, представлял собой груду откровенного металлолома с неисправным дизелем, пробитыми топливными баками и дырой в борту размером с коровью голову. В общем, как говорится, «конь не валялся»! Взялись дружно, работа пошла, да и руки, которые не растут, откуда не надо,годились. А через несколько дней судьба меня свела с еще одним будущим участником экспедиции 2010 года, Евгением Ферштером. Он вылетал из Москвы на несколько дней позже, прихватив с собой переданные ему уже в аэропорту доблестно забытые мною спальный мешок и полиуретановый коврик. «Раздолбай какой-то! Ехал куда, на пляж, что ли?» — подумал тогда Женя, но поделился со мной своими критическими соображениями гораздо позже. Ферштер — опытный спелеолог с огромным экспедиционным стажем, хороший оператор и, кроме всего прочего, серьезный специалист в области металлодетекции. За счет внушительной с проседью бороды и атлетического телосложения он выглядел гораздо старше и солиднее своих лет, производил впечатление законченного флегматика и в экстремальных командировках повидал уже многое. К тому же Евгений давно и основательно увлекался историей России. Именно от него в срывающейся на сатанинский фальцет завывающей выюгой Ледяной Гавани я впервые и услышал фамилии Брусилов, Альбанов, Конрад, Жданко. Октябрьские ночи в тех краях уже достаточно длинные, и я, как замороженный, слушал рассказы о трагической судьбе моряков со шхуны «Св. Анна».

А все началось с того, что еще годом раньше Женя, как и многие другие участники нашей команды, был в экспедиции на Земле Франца-Иосифа. Там, на мысе Флора острова Норт-брук, ребята установили памятный крест в честь невероятного спасения экипажем «Св. Фоки» штурмана Альбанова и матроса Конрада. От руководителя той экспедиции Дмитрия Федоровича Кравченко Евгений и получил первые сведения о беспрецедентном семидесятидневном переходе по дрейфующим льдам отряда Валериана Альбанова и о загадочно пропавшей группе Петра Максимова. Тогда же и родилась идея разыскать следы этих людей, исчезнувших где-то в районе острова Земля Георга. Но мы даже не предполагали, что ждет нас на Земле Франца-Иосифа...

Работы в Ледяной Гавани по поиску затонувшего судна В. Баренца планировалось вести главным образом под водой, поэтому специалистом водолазного дела был у нас каждый второй. Одним из наших тогдашних «подводников» был Саша Чичаев, человек с интеллигентными манерами, окладистой бородой, умным, всегда немного грустным и спокойным взглядом. Ох уж мне это его спокойствие! Сколько раз за ту экспедицию я внутренне готов был взорваться — нельзя же *абсолютно все* делать настолько основательно и до мелочей! Наблюдая, как он вяжет узлы, проверяет водолазное снаряжение или запускает компрессор, я, еще не имевший тогда никакого арктического опыта и даже элементарного представления о дайвинге, чуть не с пеной у рта отходил к соседним скалам, так сказать, от греха подальше, постоять, отдышаться и поматериться вслух за такую медлительность. Гораздо позже я убедился, что у серьезных дайверов мелочей

не бывает, а «дотошный» Саша спас мне жизнь, когда во время подледных погружений два года спустя он вытаскивал меня из-под шестидесятисантиметрового льда в майну на Селигере...

С остальными участниками экспедиции-2010 знакомился уже в процессе подготовки. Все это были люди, до конца преданные своему делу и безнадежно влюбленные в Арктику. Да и можно ли ее не полюбить? Впрочем, я лукавлю: для остающихся на Большой Земле наших близких Арктика навсегда останется только разлучницей.

По давно заведенной привычке, в экспедиции на Землю Франца-Иосифа я вел подробнейший дневник о том, что с нами происходило и что я обо всем этом думаю. На основе этих полевых записей и родилась, в основном, моя книга.

26 июля 2009 года.

Мы выезжаем на поиски следов экспедиции Г.Л. Брусилова. Куплены билеты на поезд «Москва—Воркута». Там, 29-го, уже будут ожидать два борта Ми-8, которые перенесут нас на архипелаг Земля Франца-Иосифа. Упаковано последнее экспедиционное снаряжение, заботливо сложены теплые вещи, погода прекрасная, настроение на все сто, но... Гром прогремел среди ясного неба! С судна «Михаил Сомов», которое должно было забрать нас после окончания экспедиции в конце августа — начале сентября на материк, пришла радиограмма от тогдашнего руководителя экспедиции: «Все отменяется, билеты сдать, вы никуда не едете, экспедиции не будет!» Ни слова о причинах отмены, ни вообще каких-либо объяснений. К сожалению, за все эти годы не раз в своей

экспедиционной деятельности наша группа сталкивалась с препонами, связанными с пустыми амбициями людей, завистью, подозрительностью и дележом каких-то непонятных для нас предпочтений. В любых исследованиях, к сожалению и в полярных тоже, всегда находятся люди, которые, презрев здравый смысл, из-за собственной мелочности, а то и просто корысти и глупых интриг будут ставить палки в колеса поиску истины и исторической справедливости.

Предательство, а по-другому мы это назвать не могли, переживалось болезненно, целый год ожиданий пошел насмарку! Теперь придется все начинать сначала и ждать еще год, а это для нас почти что вечность. По возвращении в Москву «завернувший нас товарищ» не удосужился даже объяснить с брошенной им командой! Снова бесконечно медленно потянулось время, новые документальные поиски, работа в архивах, встречи и переписка с другими исследователями, прокладка новых маршрутов, верстание логистики и изменения в снаряжении.

Принципиально новую транспортную схему предложил нам тогда почетный полярник и президент клуба «Живая природа» Олег Продан. Бывший десантник и инженер-конструктор, он, по его собственному высказыванию, «подхватил арктический вирус» еще в 1994-м. На его счету десятки проведенных полярных экспедиций и огромный опыт их организации. Знаменитое десантное «Никто, кроме нас!» с годами трансформировалось в жизненное кредо «Обещал — умри, но выполни!». В свойственной ему манере Олег без колебаний принял предложение нашей группы возглавить экспедицию на Землю Франца-Иосифа в 2010 году.

Говорят, что Бог ни делает, то к лучшему! Несмотря на то, что почти уже начавшаяся экспедиция сорвалась, заход на мыс Флора, откуда нас должны были забирать, «Михаил Сомов» все же сделал — маршрут движения по морю расписывается задолго и соблюдается строго. Только пришел он туда почему-то не в начале сентября, как было запланировано, а в конце месяца. Наша продуктовая раскладка была рассчитана всего на один месяц, то есть до начала сентября! Не повезло бы нам и с амуницией — к этому времени на архипелаге уже *настоящая* зима. Да и весь наш поиск мы собирались вести совсем с другого места, другими методами и в несколько ином направлении. Запланирован был непочатый край задач, а времени положено на все ровно месяц. В общем, как писал Маяковский: «Я планов наших люблю громадьё!». Сейчас, по прошествии стольких событий и наработанного опыта, меня поражает наивность тех наших планов. Только расчетного пешего хода мы предполагали около четырехсот километров, аккуратно как у Альбанова! Хватило бы нам сил и времени на все маршруты? Тогда мы этого не знали, теперь, своими ногами пройдя по этой земле не одну сотню километров, могу однозначно ответить: конечно же, нет! Слишком изрезанны и неприступны были ледники в районах поиска, не везде возможен спуск к мысам, на двухнедельные автономные вылазки пришлось бы тащить на себе очень много «лишнего» снаряжения и провианта. Работать в такой ситуации пришлось бы не месяц, а минимум два, причем сентябрь — далеко не самое удачное время на Земле Франца-Иосифа.

Переосмыслив все это, для поиска нам пришлось начисто поменять всю схему экспедиции — идти нужно *именно от*

мысов, по более логичному и «легкому» пути, так как у пропавшей экспедиции не было ни опыта, ни сил, ни снаряжения двигаться иначе. К тому же далеко уходить от береговой линии как от единственного достоверного ориентира, имея сомнительную карту, крайне опасно.

К маю 2010 года, когда стало окончательно ясно, что экспедиция теперь уже точно состоится, техническая работа закипела с новой силой. База подготовки традиционно расположилась у Сашы Чичаева. Весь дом и прилегающая к нему территория были буквально завалены экспедиционным снаряжением. Дом превратился в настоящий проходной двор: постоянные совещания, затягивающиеся порой далеко за полночь, нескончаемый визг различных дреелей, пил, стук молотков, рассыпанная крупа, гарь от жарки сухарей и «ароматы» сушеного мяса. И по всей этой разрухе постоянно циркулировали люди — участники будущей экспедиции и те, кто хоть чем-то хотел им помочь. Собраться вместе к столу не представлялось никакой возможности, поэтому жевали на ходу, кто на что наткнулся. Иногда терпению наших женщин наступал предел и нас «под конвоем» отправляли перекусить. Ну, тут уж начинал бушевать поток вариантов поиска и сотни раз суженного-пересуженного маршрута передвижения пропавшей группы.

В один из таких суматошных дней на пороге появился еще один участник нашей экспедиции — Александр Унтिला, который вместе с Леонидом Радуном работал спасателем. Никто больше на тот момент его не знал. Я же вообще настороженно отношусь к новым людям, особенно если с ними потом придется есть не один пуд соли. Несмотря на это, Сашу

в душе принял почему-то сразу: то ли обезоруживала его бесхитростная улыбка, то ли резко очерченные, словно высеченные из камня черты лица, создающие ореол мужественности и надежности. Характер у него тоже, надо сказать, оказался твердый и прямолинейный. «Как топор», — подшучивал Ленья. Такие люди никогда ничего не носят за пазухой и без обвиняков выложат всю сермяжную правду, совершенно не заботясь, нравится она вам или нет. Коротко поздоровавшись, он бесцеремонно вломился в общую работу, как танк в березки. Что ж, думаю, с нашего поля ягода!

Но вот и закончена подготовка к экспедиции. Теперь уже окончательно проложен маршрут поиска на карте архипелага. Готова новая транспортная схема. Оставалось только заранее доставить весь экспедиционный груз на погранзаставу «Нагурское», откуда будет дан старт экспедиции, и терпеливо ждать в Москве начала июля. Как говаривал великий Нансен: «Терпение — величайшая полярная добродетель!»

23 мая 2010 года.

Погода великолепная. Из аэропорта Шереметьево вылетает Ан-72 с грузом на борту для предстоящей экспедиции на Землю Франца-Иосифа, запланированной на июль этого года. Сопровождающие груз четверо участников нашей экспедиции немало удивились, когда спустя всего два часа полета самолет вдруг приземлился близ «какого-то крупного города».

— Что, разве уже Мурманск? — спросили ребята.

— Москва, Шереметьево, — как-то коротко и неожиданно жестко отрезал командир лайнера и отрешенно уставился на фюзеляж. Потом, не глядя на пассажиров, добавил:

— Перегружаемся быстро вот на ту машину!

Через два часа ящики со снаряжением перегрузили на другой самолет. Снова взят курс на Мурманск. Только теперь «по секрету» удалось узнать, что в один из двигателей попала металлическая стружка, сработал контрольный датчик, и пришлось экстренно возвращаться. Короче говоря, повезло!

Но вот и город-герой Мурманск. Северный порт встретил ребят неприветливо. Погода дрянь: ветер, слякоть, да к тому же, по доброй традиции, конец рабочего дня. Естественно, заправку самолета перенесли на утро. А утром 24-го спустился такой туман, что про полет пришлось забыть на целых три дня. Когда же метеоусловия, наконец, наладились, то пришло сообщение с погранзаставы «Нагурское» о том, что ледяная взлетная полоса раскисла и принять большую авиацию они не смогут теперь уже до июля, когда все подсохнет. Обматерив от чистого сердца непогоду, все снаряжение пришлось возвращать обратно в Москву. Снова перегрузка ящиков, замена части продуктов и перетряхивание снаряжения. Так уже во второй раз нас отвергла далекая Земля Франца-Иосифа.

С 1 по 18 июля 2010 года участники нашей экспедиции, в отличие от всех нормальных людей, жили уже совсем в другом измерении: объявлена «готовность номер один», ждали только отмашки пограничников с архипелага о готовности взлетной полосы. В эти дни все близкие мне люди сходились в одном: кроме Альбанова, Брусилова, «Св. Анны» и всего что с этим связано, говорить со мной больше было не о чем. Аналогичная ситуация была и у других ребят. Арктический вирус поразил в самое сердце, полярная лихорадка уже полностью заняла все наше сознание. Север звал даже во

сне. Мысленно мы уже карабкались по скалам, преодолевали изнурительные переходы и штурмовали ледники. Уже не вспомню, откуда у нас взялась настолько подробная карта Земли Франца-Иосифа, которая имеется разве что в Генштабе и, естественно, является строго секретной. Некоторые места ее были настолько залапаны и засалены, что едва читались названия объектов. Я и сейчас могу нарисовать эту карту по памяти с мельчайшими подробностями. В общем, наш коллектив жил единой мечтой, втайне надеясь, что на этот раз удача, наконец, нам улыбнется.

19 июля 2010 года.

«Почему вы думаете, что ездите в экспедиции в полярные страны ради науки? Я считаю, вы ездите туда, потому что принадлежите к породе людей, которые хотят путешествовать и готовы ради этого заниматься наукой, раз это позволяет вам осуществить свое желание. Когда-то, очень давно такого же типа люди из-за страсти к путешествиям шли освободить Гроб Господень и воевать с неверными, становясь крестоносцами. Потом тот же тип людей поплыл за моря, чтобы искать новые земли для своих королей. Но на самом деле они просто хотели увидеть мир. Ну а потом люди бросились осваивать мир ради рынков сбыта в колониях, ради денег. Но я уверен, что умирали от лихорадки в джунглях, страдали от жажды в пустынях или замерзали во льдах полярных морей люди, подобные тем, что сегодня, осуществляя свое стремление к путешествиям, думают, будто делают это ради науки».

Этот разговор произошел на даче академика, лауреата Нобелевской премии по физике Петра Леонидовича Капицы. А обращался он не к кому-нибудь, а к своему сыну Андрею Петровичу Капице и Игорю Алексеевичу Зотикову, которые собирались в свою очередную экспедицию на Антарктиду. Отъезжающие не были зелеными юнцами, мечтающими продемонстрировать себе и окружающим собственную значимость. Отнюдь! Оба уже тогда были членами-корреспондентами Российской академии наук.

А действительно, что движет этот особый тип людей в забытые Богом места, где буквально каждая пядь земли вымощена жизнями исследователей? Ведь если быть откровенным до конца, то, скорее всего, не будь в человеке этой непреодолимой тяги к неведомому и труднодоступному, его не мотивировать никакими идеями, сколь благородны и величественны они бы ни были. Эта самая непреодолимая тяга и собрала 19 июля 2010 года группу людей у рампы грузового Ан-72 в аэропорту Шереметьево.

Неужели пять лет подготовки к экспедиции позади? Пять долгих лет надежда, разочарований, сборов, технической суеты, волнений близких! Забылись прошлые обиды и неудачи, теперь все это уже не имело никакого значения, впереди масса интереснейшей работы!

17: 45. Идет погрузка снаряжения. Желтые экспедиционные ящики длинной гусеницей исчезают в недрах белого фюзеляжа. Ребята прощаются с близкими. В груди неприятно заныло — беременная жена уже чисто физически не могла меня проводить и осталась дома с полуторогодовалым сынишкой. Старшие дочери в отъезде. Пусть! Так

даже легче: длинные провода — лишние слезы. Прощальное интервью перед камерой у рампы самолета. Говорящие осторожничают в прогнозах, страхуются на случай неудачи. Шутка ли, прошло почти сто лет!

Наконец, ровно в 19:00 железная птица Ан-72 поднялась в небо, взяв курс на Мурманск. Борт готовился специально под нас, но, несмотря на это, вместительное грузовое чрево его было заполнено почти доверху: двадцать один тяжеленный ящик со снаряжением, лодка, лагерные палатки, рюкзаки и несколько негабаритных тюков. Мы, как корнишоны в банке, набились в маленький салон за кабиной пилотов. Небольшой столик, два кресла и узкий диван — для одиннадцати человек явно тесновато. Но традицию нарушать не хотелось, поэтому расположившись, где Бог послал, стойко дождались, когда смолкнет гул убирающихся шасси. Разлили «за отрыв колес» и только теперь полезли занимать лежащие места на ящиках в грузовом отсеке, поминутно цепляя головами коммуникации на потолке самолета.

Мне не спалось. Нужно было как-то убить полетное время. В невероятной позе дотянувшись рукой до своего рюкзака, я нащупал брошюру: Зигмунд Фрейд «Табу девственности». Вытащив закладку, начал читать. Помогло почти сразу: смысла прочитанного начал уходить куда-то в сторону, строки поплыли, смешиваясь в монотонную вязь. На третьей странице я уже спал беспробудным сном.

Проснулся от тяжести в груди — Серега Рябцев протискивался через меня к своим вещам. Далеко не хрупкое тело профессионального каскадера замерло, глаза удивленно уставились на обложку раскрытой книжки, лежавшей на мне.

— Парни, вы только посмотрите, что он тут читает! — злополучный Фрейд пошел по рукам, начались сальные шуточки с казарменным юмором.

— Да это не книга, это такое снотворное, — пытался отшучиваться я, — будут проблемы со сном, обращайтесь. Действует безотказно и основательно!

К моему облегчению, в это время открылись закрылки, и самолет стал заметно терять скорость.

— Полундра, снижаемся!

22: 15. Посадка в Мурманске. Погода +17°С. Назойливая мошка и изголодавшиеся комары мгновенно атаковали нас с необычайной прытью. Прохладный ветерок поднимал «шерсть дыбом», но в целом после московского изнуряющего зноя было очень комфортно. Дозаправили самолет, и в 23: 00 вылетели на остров Земля Александры, погранзаставу «Нагурское».

20 июля 2010 года.

02: 07. Шасси нашего самолета зашуршали по щебенке взлетной полосы близ погранзаставы. Спустившись по трапу, я осторожно и недоверчиво пощупал холодную землю: неужели сбывается? Крайний Север встретил экспедицию в штывы — шквалистый ветер при температуре воздуха около нуля. И это после сорокаградусной жары! Пока разгружали самолет, сразу поняли, где мы находимся: моментально «остекленевшие» уши, слезы в глазах, потекший нос и другие прелести внезапно наступившего холода. Хороша акклиматизация!

Самый северный форпост нашей страны приятно удивил нас своей современностью. Высокие, более трех метров,

фундаментные сваи не дают возможности в зимнюю стужу замести этот островок жизни никаким метелям. Само здание имеет форму кольца, внутри которого располагается закрытый от непогоды двор, накрытый куполом. Таким образом, находясь в помещении, можно наблюдать две абсолютно разные картины окружающего мира. За наружными окнами царствует вечная мерзлота: перемешанный с водой и грязью снег с полузаметенными следами белых медведей. Вдали — величественные шапки белоснежных ледников, отливающие на обрывах глубокой синевой. Где-то в море, за умирающими под июльским солнцем ропками¹ — юркие тюлени в полыньях и временами завывающая вьюга. Внутренние окна выходят в так называемый атриум — зимний сад. Растения в нем, конечно, искусственные, но зато есть настоящие бильярд, теннисный стол, большой плазменный телевизор на стене и даже... детская площадка. Покрывающий все это купол разрисован и подсвечен так, что сразу и не определишь, что бескрайняя синева неба с кучевыми облаками над головой, восходящее и заходящее солнце являются творением человеческих рук. Такая вот своеобразная психологическая разгрузка для маленького гарнизона людей, волею долга оказавшихся в прямом смысле слова на самом краю света. По сравнению с промысловыми избами и даже полярными зимовками метеорологов, здесь был настоящий земной рай.

Оружие сдали в оружейную комнату, основное экспедиционное оборудование осталось в армейских «Уралах».

¹ Отдельно торчащие ребром льдины, образующиеся при сжатии ледяного поля.

За пределы базы приказано было не выходить — прошлой ночью наведалься белый медведь и растерзал замешкавшуюся сторожевую собаку. Несмотря на усталость с дороги, самые неугомонные из нас строили планы еще несколько часов и, возбужденные предстоящей работой, спать отправились уже ближе к шести утра.

Ночь, а вернее сказать, раннее утро стало для меня настоящим кошмаром. Пока разгружали самолет, я умудрился окончательно окоченеть. Расплата последовала незамедлительно: проснулся от невероятного озноба. Трясло буквально всего до кончиков ногтей. С огромным трудом дошел до кухни — руки и ноги отказывались подчиняться, в груди появился неприятный холодок. Пожалуй, никогда в жизни я еще не ощущал себя таким беспомощным. Горячий чай с доброй порцией коньяка принес временное облегчение. Надев на себя все что можно, с головой накрылся одеялом, уже было начал засыпать, но тут стремительно полезла вверх температура, а потом холодный липкий пот. Как же это все некстати! Заболеть в тот момент, когда впереди самые трудные дни экспедиции — обустройство лагеря, налаживание быта, рекогносцировка — было бы непозволительной роскошью. Свалиться сейчас — значит подвести всю команду. Выручила многолетняя «привычка» болеть не более суток. Не подвела она и сейчас: к обеду, собрав все силы, я был уже почти в форме.

Еще в Москве установка базового лагеря предполагалась на мысе Нила острова Земля Георга. Около полудня четверо наших участников вылетели туда на вертолетную разведку.

Мыс Нила был открыт и назван в 1880 году в честь английского арктического исследователя и врача Уильяма

Генри Ниля, участника двух арктических экспедиций на Землю Франца-Иосифа под командованием шотландского яхтсмена Ли-Смита на паровой яхте «Эйра». Во время второй экспедиции на Землю Франца-Иосифа в 1881 году яхта была раздавлена паковыми льдами и затонула в трех милях от острова Нортбрук. Протяженность береговой линии мыса Ниля около шести километров, ширина нижней террасы местами достигает ста пятидесяти метров. Какими-то особенными достопримечательностями не отличается. Мыс как мыс, коих на архипелаге сотни.

После разведки лагерь решили установить в южной его оконечности, в двухстах метрах от поднимающегося ледника. Пляж здесь наиболее ровный и самый широкий на мысе, поэтому есть возможность поставить палатки, не забивая себе голову тем, что их рано или поздно смоев в море штормом. Отсюда будет очень удобно забрасывать группу на ледник, в сторону мыса Гранта. Рядом есть далеко не самый плохой подъем через каменный кулуар прямо к нависающим над головой скалам, которые тоже необходимо будет обследовать! В общем, начинаем установку и обустройство базового лагеря.

23 июля 2010 года.

Несколько последних дней писать дневник совершенно не было времени. Но, обо всем по порядку.

20 июля, когда вернулась вертолетная разведка, началась погрузка экспедиционного снаряжения на Ми-8. Тремя бортами, да еще с наружной подвеской, так как часть оборудования была негабаритной, нас закинули к месту установки

базового лагеря. Вот и Земля Георга, самый большой и наименее изученный остров архипелага Земля Франца-Иосифа. За все время с Рождества Христова здесь побывало едва ли больше полусотни человек. Всего каких-то пару часов назад на пестреющей зелены лужайке, по уверениям наших разведчиков, было настоящее лето: полнейшее безветрие, ласковое солнышко, безудержная какофония птиц и звенящие трели ручьев. Но погода в Арктике в считанные минуты меняет свой нрав. Сейчас стихия распоясалась не на шутку: жестокий колючий ветер, доходящий в порыве до тридцати метров в секунду, температура минус 2 °С и неприятная липкая морось. Достать свою теплую экспедиционную одежду на погранзаставе я так и не успел, а по закону подлости ящик с моими вещами шел крайним бортом. Теперь до его прилета меня спасали теплой одеждой кто чем мог. В течение нескольких часов одиннадцать здоровых мужиков ставили спальную палатку — на таком ветру это занятие не из веселых. Порой даже возникали сомнения, удастся ли вообще ее установить в такую хмарь. Но другого выбора у нас просто не было: «вертушки» улетели, с моря надвигался густой туман, и на сегодняшний день помощи со стороны уже не будет. Как говорится: не будете копать — ямы не получится! А опалевший от свободы ветер, поминутно меняя румбы, свежел, все крепче сжимал свои стальные объятья, достигая в апогее силы жестокого шторма. Вспененное, сине-свинцовое море клоками врезалось в низкий берег, протягивая к нам свои длинные руки. Установку лагеря мы заканчивали уже исключительно на кураже под надсадный стон стервенеющей выюги.

Несмотря на непогоду и усталость, нам пришлось, тем не менее провести разведку местности вокруг лагеря на предмет наличия нежелательных «соседей». Для людей, имеющих хоть мало-мальский полярный опыт, белый медведь всегда незримо присутствует рядом. Следов хищников в окрестности мы, к нашему великому удовольствию, не обнаружили. Кое-где между камней попадались, правда, их старые «визитные карточки», но, судя по внешнему виду, оставленные, скорее всего, в прошлом году.

В базовый лагерь возвратились уже ближе к полуночи. Каким восхитительно вкусным показался нам тогда горячий чай без сахара, когда, накарячившись с палаткой, уставшие, но, вполне довольные сегодняшним суматошным днем, набились мы в спальный отсек. Увы, человечество почти разучилось радоваться простым вещам!

21 июля выюга все еще пела нам свою заунылую полярную песню. Из палатки выходили только по хозяйственным делам и только в случае крайней необходимости. Бешено несущийся снег и буквально сбивающий с ног ветер. Мой охотничий карабин в пластиковом кофре с боеприпасами общим весом около десяти килограммов, лишь на минуту неосмотрительно оставленный на транспортном ящике, еще вчера улетап метров на пятнадцать! Но нет худа без добра. Так некстати испортившаяся погода позволила нам отоспаться после вчерашнего аврала — о том, чтобы ставить вторую палатку, можно было на время забыть, так как кухонная имела еще большую парусность, чем спальная. Заниматься парашютизмом на побережье Баренцева моря в ближайшие

планы группы не входило, поэтому весь день мы вынужденно гоняли чай и травили полярные байки.

Погода соблаговолила к нам только к обеду 22 июля. Беременные снегом тучи, освободившись от непомерной тяжести своего плода, наконец-то умчались прочь, а на небосклоне появилось некое подобие солнца. Оценив по достоинству такой подарок природы, нам удалось произвести первую пешую разведку на мысе Нила. Расстояние это около шести километров. Медленно продвигаясь к западу, мы с мальчишеским волнением осматривались по сторонам. Перед нами предстала грубая красота этого сурового края, несущая во всем своем величии отпечаток незыблемой и неизменной вечности. Ледяное полярное море лениво перекачивало тяжелые серые волны. На отступившей полосе прибоя валялись принесенные неведь откуда стволы вековых деревьев, обвитые свежими лентами выброшенной недавним штормом ламинарии. В двух километрах от лагеря, среди изрезанной ручьями стены чернеющих скал, высоченной стелой устремлялся к небу остроконечный утес. Потеряв осторожность, престарелая серая туча зацепилась за шпиль неподобным подолом, в раздумье остановилась на миг, но тут же ловко освободилась и продолжила свой бессмысленный путь на восток. Мы назвали этот утес в память английского исследователя этих мест «палец Джексона». И с моря и с берега он оказался прекрасным ориентиром. Заканчивался мыс Нила большим ледником с длинной зоной образования айсбергов. Сюда не пристать на каяках и не забраться пешком. Значит это и есть конечная, а точнее, начальная точка отсчета. Мы углубились в поиски у подножья ледника. Здесь, на самой за-

падной оконечности мыса, есть маленькая тихая бухта, очень удобная для причала на каяках, хотя и не совсем подходящая под описание в дневнике Альбанова:

«Вторник, 1 июля 1914 года. В 10 часов вечера мы подошли к мысу Ниль и прошмыгнули на сильной зыби между массой льдов в тихую закрытую бухточку. Тут была тишина и даже значительно теплее, настоящее «тихое пристанище».

Мыс этот представлял собой небольшую площадку, постепенно поднимающуюся, по мере удаления от берега. Она сплошь была покрыта, как зеленым ковром, толстым слоем мха. Много ручейков прорезывали эту прелестную площадку по всем направлениям и сбегали в море. С двух сторон она была защищена очень высокими отвесными базальтовыми утесами. Эти утесы, как стеной, закрывали площадку до самого берега, и забраться на них со стороны площадки было совершенно невозможно. С третьей же стороны возвышалась узкая гора ледника, одинаковой высоты со скалами. Уклон этого ледника был настолько крут, что идти по нему на лыжах нельзя, надо было их снимать, иначе вы неминуемо скатывались вниз».

Сотканный из мха зеленый ковер с редкими ледяными проплешинами, приятно пружинящий под ногами, действительно покрывал всю бухточку. После нескольких километров пути по ломаному базальту ходить здесь было легко и приятно. Окружающие нас утесы были далеко не так отвесны, как об этом писал штурман, да и гора ледника совсем неодинаковой высоты со скалами. Сюда совершенно спокойно можно было подняться по относительно пологой морене. И все же

нельзя забывать, что прошло почти сто лет с описываемых Альбановым событий. Кроме того, мы застали на острове гораздо более мягкое лето, чем наши предшественники, а заснеженные вершины, которые видел штурман, в ненастную погоду так обманчивы. Сюда ближе всего было идти по припаю¹ от Земли Александры. В ясные дни ее очертания видны отсюда как на ладони. Поэтому именно здесь мы развернули свои первые детальные поиски. Однако в тот день, несмотря на все предпринимаемые нами усилия, уходить пришлось несолоно хлебавши. Результаты обследования этого маленького пятачка суши появились только к концу нашей экспедиции, при очередном прочесывании мыса. В нескольких местах под мхом, каждую пядь которого пришлось основательно перевероршить, были обнаружены остатки обуглившихся бревен. Но ведь этот остров необитаем и находится в стороне от судовых маршрутов! Возможно ли, что именно здесь каячная и пешая группы встречались в последний раз вместе? Почему бы и нет. Иногда в течение сотен лет эта земля бережно хранит все оставленное на своем теле в почти нетронutom виде. Вполне логично предположить, что как раз отсюда, сварив гаг и поделив их поровну с товарищами, ушли по берегу и навсегда пропали старший рулевой Петр Максимов, матрос Павел Смиренников, механик Владимир Губанов и стюард Ян Регальд.

К вечеру заходило, и снова полетели настырные белые мухи. Снег зарядил на всю ночь.

¹ Неподвижный лед, образующийся у берегов замерзающих морей.

23 июля природа все-таки устала кобениться и в лагере забурлило настоящее броуновское движение. Внезапно улучшившиеся погодные условия позволили нам снаряжить сразу три поисковые группы: вертолетную, морскую и альпинистскую. Первой в базовый лагерь вернулась альпгруппа. Они нашли на скалах два невысоких полуразваленных гурия¹, которые, как мы предполагали, были оставлены английской экспедицией Фредерика Джексона 1895—1897 годов. У одного из гуриев, более западного, были обнаружены две медные гильзы 12-го калибра с отчетливо читаемой надписью: «London». Группа по рации запросила помощь археолога, и через час вертолет с Артемием Дановским уже висел у них над головами. Находки сфотографировали, зарисовали схему расположения и оставили до завтра на месте. В 17 часов вернулась вертолетная группа с операторами, проводящая рекогносцировку предполагаемого маршрута пешей группы Максимова: скалы Полосатые — мыс Краутера — залив Грея — мыс Гранта. Результаты неутешительные: везде, между видимыми мысами стелются непролазные языки ледников, изъеденные глубокими трещинами. Между прочим, на мысе Краутера обнаружена каменная пирамида экспедиции Джексона, а на мысе Форбса — разрушенное строение, оставленное норвежской экспедицией 1930 года на судне «Братвааг» в рамках программы норвежской

¹ Гурий — искусственное сооружение в виде островерхой груды камней, используется в качестве ориентира либо для хранения посылок (обычно в капсулах или контейнерах).

экспансии в Арктике¹. На том же месте найдены четыре винтовочные гильзы иностранного производства. Гильзы взяты для идентификации.

Через полчаса вернулась и морская группа. И очень вовремя: море неожиданно стало разыгрываться. На надувной лодке ребята провели обследование побережья западной и северо-западной оконечности Земли Георга, изучали и фиксировали с моря предполагаемое место высадки группы Альбанова на остров, наиболее подходящее под описание штурмана. Эта группа полностью подтвердила наши предположения, что на запад мыс Нила пройден нами полностью, далее вдоль побережья идет отвесная ледяная стена, куда альбановцы высадиться не смогли бы ни пешком, ни на каяках.

24 июля 2010 года.

Утро выдалось необычайно морозным и подозрительно ясным. Я вышел из палатки и нетерпеливо потербил подбородок: раскинувшаяся под северным солнцем кустистая борода, уже начинала почесываться.

После завтрака к Ферштеру подошел Володя Мельник:

— Жень, покажи, как пользоваться этой прибудой, — и указал на целый арсенал разнообразных металлодетекторов, лежащих у края спальной палатки.

Скосив глазом через плечо на эту картину, я отправился за пресной водой для обеда. Над головой с шумом пролетала огромная стая люриков.

¹ Gjertz I., Morkved B. 1998 Norwegian Arctic Expansionism, Victoria Island (Russia) and the Bratvaag Expedition. - ARCTIC. Vol. 51, NO. P. 330—335.

— Ну, не дай Бог... — не успел я закончить мысль, как об голову характерно хлопнуло, — вот гады!

Я еще раздумывал, не пригрозить ли для пушей важности хулиганам кулаком, как услышал за спиной:

— Это к деньгам, Петрович, — нагнал меня Сергей Рябцев, веселый и неунывающий парень. Вместе с Андреем Николаевым они уже давно работали каскадерами на одной московской киностудии. Рукодельные и изобретательные, они могли смайстричь, что хочешь из чего хочешь. Среди нашей экспедиции мы прозвали их «энерджайзеры» за неиссякаемую энергию, изобретательность и жизнелюбие.

— Спасибо, Серега, но деньги нам здесь не пригодятся, а дома их все равно не будет, с нашими-то увлечениями.

— Да уж. Прямо как в поговорке: «Сытость и достаток порождают трусость и предательство. Нищета — мать героев!» Давай помогу!

Подходя с полными ведрами к лагерю, мы заметили, что с другой стороны к нему, как на крыльях, несется Володя Мельник:

— Посмотрите! — с лицом, сияющим как новый гривенник, наш фотограф развернул ладонь.

На руке лежали две совершенно целые, лишь слегка окисленные винтовочные гильзы.

— Ну что, дилетантам везет? — Женя потирал руки от удовольствия, глаза поисковика азартно заблестели, из палаток потянулись ребята. Гильзы Володя нашел в каких-то ста метрах от базового лагеря. Они оказались от патрона калибра 6,5×55 мм, которые выпускались еще с 1881 года для винтовок «Крейг-йоргенсен» и «Маузер». Это оружие стояло на

вооружении Норвегии и Швеции, а также имело широкое охотничье хождение по всему миру. На донце найденных гильз четко пробитая дата изготовления: 1910 год. Но ведь у группы Максимова была именно норвежская магазинка и к ней семьдесят патронов! Надо ли говорить, насколько эта находка прибавила сил и уверенности нашей команде. Два маленьких, позеленевших от времени кусочка металла ясно давали нам понять, что мы идем по верному следу! Все совпадало — производитель, дата изготовления, калибр! Возможно, путники остановились здесь, чтобы перед трудным переходом по леднику (они не могли знать его протяженность и степень сложности!) отдохнуть, запастись мясом и яйцами птиц. А, может быть, это был уже сигнал бедствия, ведь обе гильзы лежали совсем рядом — человек стрелял, не сходя с места? Осторожно, боясь спугнуть удачу, делались нами тогда робкие предположения об их дальнейшем маршруте.

Альпгруппа вернулась на скалы к месту вчерашней находки гуриев Джексона. Проведя необходимые замеры и отсняв их на фото и видео, мы аккуратно приступили к послойному вскрытию гуриев. В западном из них, прямо над береговой стоянкой Джексона, кроме найденных накануне двух, были обнаружены еще шесть аналогичных гильз. Английский исследователь провел на архипелаге в общей сложности три года, при этом вел очень подробные дневниковые записи, которые опубликовал сразу по возвращении в книге «Тысяча дней в Арктике». Книга эта неоднократно переиздавалась во многих странах. К сожалению, на русском языке ее до сих пор еще не существует. Нас спасало то, что Володя Мельник хорошо читал по-английски и имел при себе электронную

версию этой книги, так что примерное расположение гуриев и их содержимое более-менее были известны. Поэтому одновременно с альпинистами береговая группа обнаружила нижний гурий, оставленный Джексонем на месте его базового лагеря. Надо сказать, что англичанин, повсеместно оставляющий гурии в местах своего пребывания, ставил их по одному принципу: как правило, это бамбуковая палка, воткнутая в каменную пирамиду с привязанной к верхней части запаянной гильзой, в которой сообщалось, что основное послание находится в глубине каменной насыпи. В данной записке конкретно сообщалось: «*Jackson-Harmsworth July 28 96 Polar Expedition. A letter is deposited in a tin at the foot of this piece of wood/ Frederick G. Jackson, Commanding the expedition*»¹. В июле 1896 года лагерь Фредерика Джексона располагался здесь в течение недели. За это время мыс Нила был очень подробно обследован и картографирован англичанами. Здесь было оставлено продуктовое депо, которое вполне могли найти Максимов со спутниками, ведь Джексон побывал здесь менее двадцати лет назад, а это по меркам Арктики почти ничто!

Для многих экспедиция англичан стала спасительной нитью. В июне 1896 года изнуренные восьмимесячной зимовкой в своем каменном голомо, покрытом моржовой шкурой, Фритьоф Нансен и Фредрик Яльмар Йохансен встретились на мысе Флора с самим Ф. Джексонем и полу-

¹ Джексон—Хармсворт 28 июля 1896. Полярная экспедиция. Письмо вложено в жестяную банку, находящуюся на дне деревянного ящика. Фредерик Дж. Джексон. Командующий экспедицией.

чили приют в его поселке Эльмвуд. Через месяц были доставлены судном «Windward» домой в Норвегию. В 1898 году американо-норвежская экспедиция В. Уэлмана разобрала на Флоре дощатый сарай Джексона и перевезла его на мыс Тегетхоф острова Галля. 16 мая 1904 года сюда пришла часть американской экспедиции Циглера—Фиала, после зимовки в бухте Теплиц и гибели своего судна «Америка» в январе того же года. Остальные строения разобрала экспедиция лейтенанта Г.Я. Седова, которая, после гибели своего командира 21 июля 1914 года причалила к мысу Флора, уже отправив в топку паровой машины все, что только могло гореть на судне. Именно сюда, как к единственной надежде вел свой немногочисленный отряд и Валериан Иванович Альбанов, а дошел 11 июля 1914 года только с матросом Александром Конрадом.

Может быть, Ф. Джексон невольно оказал услугу и группе, которую ищем мы? Вдруг группа Максимова нашла депо и, восстановив силы, отправилась дальше? Время пока скрывает от нас эту тайну, но никаких следов продуктового депо наша экспедиция так и не нашла. Должно же оно куда-нибудь деться? Рядом с руинами каменного гурия лежал поломанный деревянный столб из плавника пятиметровой длины. Запаянная гильза с обрывком веревки, которой она крепилась когда-то к столбу, была обнаружена недалеке взвизгнувшим металлодетектором. Однако банки с основным письмом не было, как не было и никакого деревянного ящика с продуктами. Возможно, люди, обнаружившие склад провианта, забрали с собой и почту? Может, все-таки Максимов?

Тем временем альпгруппа, после исследования верхних гуриев, сложила их на прежнее место, укрепив и сделав их немного повыше. В западный гурий, где накануне были найдены гильзы, мы вложили свою записку в пластиковом контейнере, в которой сообщали о находке, а также о составе, дате и целях нашей экспедиции.

Вертолетная группа в этот день занималась разведкой и видеосъемкой на мысе Мэри Хармсворт острова Земля Александры. К этому мысу после почти семидесяти дней похода по дрейфующим льдам и подошла группа Альбанова в составе десяти оставшихся человек (к тому времени в ледяных торо-сах пропал без вести матрос Прохор Баев). Здесь в 1914 году альбановцы обнаружили и вскрыли один из гуриев с запиской Джексона, позволившей им окончательно определиться со своим местонахождением.

Из дневника Валериана Альбанова:

«Воскресенье 29 июня 1914 года. Сегодня Шпаковский и Конрад, уйдя на SW оконечность острова на охоту, сделали замечательную находку. Недалеко от моря они увидели небольшой каменный холм. Их поразила правильная форма этого холма, и они заинтересовались им. Подойдя ближе, они увидели недалеко бутылку из-под английского пива с запатентованной завинчивающейся пробкой. Ребята сейчас же разбросали холм и скоро под камнями нашли железную банку, окрашенную коричневой краской. В банке оказался очень хорошо сохранившийся, как новый, английский флаг, а под ним такая же бутылка, какая лежала и около холма. На бутылке была приклеена бумажка с несколькими именами, написанными по-английски, а внутри была найдена записка:

«The Jackson-Harmsworth Polar Expedition.

This Expedition landed upon this cape — Cape Mary Harmsworth — on August 7 th, 1897, having left Cape Flora on the S.Y. Windward.

We intend to proceed north-west in the ship to ascertain if any land exists near this cape in that direction and then, If possible, to reach the Iohannsen Islands.

All well on board

Frederick G. Jackson, Commanding the Expedition».

(См.: Jackson F. A thousand days in the Arctic. London—New-York, 1889. P. 359. — Примеч В. Альбанова)

По-английски я очень мало понимаю, но кое-как соединенными усилиями с Нильсеном и с помощью имеющегося у меня краткого словаря мы разобрали, что английская полярная экспедиция, под начальством Джексона, отойдя в августе месяце 1897 года от мыса Флора для поисков земли, лежащей к северо-западу от Земли Франца-Иосифа, прибыла на мыс Мэри Хармсуорт, где и положила этот английский флаг и записку. В конце сообщалось, что на судне «Винворд» все благополучно. Подписана бумага начальником экспедиции Джексоном».

С вертолета на мысе Мэри Хармсворт нашли ребята впервые в этой экспедиции увидели белую медведицу с маленьким медвежонком, гуляющими у побережья. Мамаша преспокойно занималась воспитанием любимого чада, совершенно не проявляя никакого интереса к зависшему в небе железному

монстру, позволив ребятам провести очень красивую фотосессию. Вообще, к нашему великому удивлению и облегчению, с медведями, вернее, с их отсутствием на острове Георга пока везло. Не очень-то нам хотелось вступать в пререкания с мохнатым хозяином этих мест, слишком близка была еще та памятная встреча...

...Октябрь 2006 года, залив Ледяная Гавань на карской стороне острова Северный архипелага Новая Земля. Полярная ночь еще не полностью вступила в свои права, но светлого времени для проведения работ было уже явно недостаточно. Из-за сильного волнения моря наш вельбот «Сокол» при заходе в бухту напоролся на рифы и получил большую пробоину ниже ватерлинии, поэтому пришлось немедленно причалить к ближайшему берегу. Судно со всего ходу ударилось килем о подводные камни, накренилось на левый борт и встало замертво, неуклюже уткнувшись носом в прибрежный щебень. Светлое время, если позволяла погода, использовалось нами в основном на проведение поисковых работ в Карском море¹, а ночью, под тусклым светом фонарей, из плавника устанавливались распорки под борта, чтобы, переваливаясь на волне через киль из стороны в сторону, наш вельбот не разбился окончательно. Приливами и нагонной волной распорки постоянно сносило и следующей ночью, а то и два-три раза за ночь приходилось все начинать сначала. Уже несколько дней как выпал свежий снег, и ночью уви-

¹ В тот год мы искали останки затонувшего корабля Виллема Баренца.

деть на нем белого медведя практически нереально. Черной оставалась только узкая полоска прибоя, размываемая еще не замерзшим морем. Медведя мы заметили, когда уже было поздно — не разбирая дороги, он стремительно направлялся к работавшим по пояс в воде людям. Подошел он, как всегда, против ветра, поэтому за шумом прибоя услышать его мы тоже не могли. Все происходило как в замедленной съемке. До трагедии оставалось не более четырех метров. Выстрел резиновой пулей отвлек внимание хищника лишь на мгновение. Вторая заставила его замешкаться. Растерявшись от неожиданности, медведь потерял драгоценные секунды, но для нас этого было достаточно — с пластичностью пантеры все, кто были в воде и на берегу, буквально взлетели на борт. Услышав выстрелы, находящиеся в кубрике ребята включили единственный прожектор. Кто-то достал шумовые гранаты — зверь неохотно отступил в темноту. Отдышавшись от внезапного волнения, я зашел в кубрик. В гробовой тишине усевшись к столу, разобрал ружье до последнего винтика и вычистил его так, как никогда ни до, ни после этого не делал — слава Богу, не подвело! Помповые ружья, в особенности отечественные, очень капризны к качеству патронов, мне много раз приходилось убеждаться в этом на охоте. Но другого ружья у нас просто не было! Молчали все около часа, а потом хлынули эмоции... Дальше — больше. Утром мы обнаружили на берегу единственное остававшееся у нас плавсредство — надувную лодку «Фрегат» — разорванное в мелкие клочья. Не сумев добыть себе на ужин мяса (между прочим, *нашего мяса!*), медведь решил отыграться на снаряжении. Поодаль валялось покореженное оборудование

для погружений и измусоленная техническая палатка. Это был крах всему. Без лодки, с пробитым вельботом, крепко сидящим на мели, работы по поиску судна Баренца продолжаться не могли. Наша цель, к достижению которой, как нам казалось, мы подошли очень близко, так и осталась недостигнутой. Вдобавок ко всему на берегу появились еще несколько белых медведей. Они все шли и шли из глубины острова, рассаживаясь полукругом и неподвижно застывая невдалеке от вельбота, словно полярные сфинксы. Временами мы насчитывали их более десятка. Берег буквально был оцеплен ими! Уходить медведи не собирались, и мы поняли, что попали в осаду. Прошел еще один день напрасных надежд. Медведи не отступали. В довершение всех бед руководитель той экспедиции Дмитрий Федорович Кравченко еще в самом начале нашего похода сломал себе два ребра. Во время шторма костные отломки травмировали легкие, началась пневмония с запредельной температурой, временами он впадал в забытие. Дмитрий Федорович, посвятивший изучению этой истории тридцать лет своей жизни, настаивал, во что бы то ни стало на продолжении экспедиции. Наш доктор Алексей Богорад делал все возможное, но лечить в таких условиях воспаление легких у немолодого уже человека, занятие неблагодарное. Все понимали, что Кравченко не красна девица, а полярник с огромным опытом, но, опасаясь потерять капитана, мы были вынуждены все-таки подать сигнал SOS. На вертолеты рассчитывать не приходилось — из-за туманов видимость была отвратительной. Да и судно в заливе Дмитрий Федорович ни за что бы не оставил. На помощь пришли с разницей всего в несколько часов два атомных ледокола «Арктика» и «Вайгач».

Все закончилось благополучно, но экспедиция по поиску затонувшего корабля Виллема Баренца была сорвана...¹

Мы хорошо запомнили эти уроки. В связи с этим с первых же часов пребывания на архипелаге нами были установлены круглосуточные вахты, из двух человек каждая, для наблюдения за окрестностями. Вахтенные постоянно обходили территорию лагеря по периметру и менялись каждые два часа.

24 июля 2010 года.

23: 45. На крутом склоне скалы близ базового лагеря, почти под ее вершиной, между двумя ручьями камнепада уныло сидят три неприкаянных полярника и мерно курят, грязными пальцами аккуратно стряхивая пепел вниз: Женя Ферштер, Леня Радун и ваш покорный слуга. Забрались эти люди сюда незачем, видимо, недобрав ярких впечатлений за уходящий день.

— Надо попробовать завтра же рвануть через ледник в сторону Гранта, — ни к кому конкретно не обращаясь, сказал Женя, отправляя очередную порцию золы на головы пролетающим снизу люрикам.

— Хорошая мысль, — тоже в никуда ответил Леонид, — я предлагаю взять с собой Унтилу.

— Только давайте, пожалуйста, в разумном ритме, — я могу идти сколь угодно долго, но бешеный ритм наших «лосей» меня напрягает.

¹ В 2010 году Д.Ф. Кравченко по старым рисункам и чертежам восстановил в Ледяной Гавани зимовку В. Баренца.

— Понятное дело, что в разумном. В Арктике вспотел — замерз! Пойдем размеренно, мне вас еще на камеру поснимать надо, — пообещал Женя.

Мне оставалось лишь согласно кивнуть головой, но про себя подумал: «Ну, конечно! Так я тебе и поверил!».

Минут через сорок мы спустились к спальной палатке:

— Олег, спишь? — я тронул командира за плечо.

— Конечно, нет. Вы где болтаетесь?

— Тут одна идея... Пошли на кухню!

Олег слушал молча и внимательно детали нашего завтрашнего похода, время от времени углубляясь в нюансы. В целом же план был одобрен:

— С собой еще кого-нибудь берете?

— Мельника и Унтилу, альпинисты там не лишние.

— Добро! Снаряжение брать с собой обязательно, а то я вас, отморозков, знаю. И по дороге, пожалуйста, без чудес. Все, ложимся спать!

25 июля 2010 года.

Кроме похода на ледник, на сегодняшний день планировалось также детализировать несколько интересных площадок на мысе Ниля. Все-таки на Земле Франца-Иосифа мыс — это не просто твердая земля под ногами, а еще и топливо, дичь, морской зверь, птичьи яйца, это возможность выжить! Именно поэтому каждый мало-мальски свободный ото льда клочок земли осматривался нами с особой тщательностью.

Местная погода переменчива, как сердце красавицы. Еще с ночи лег плотный туман, и проход через вершину ледника к мысу Краутера стал невозможен. Жалко из-за каприза

природы терять целый день. Посоветовавшись, решаем проложить маршрут нашей группы ближе к линии прибоя и идти непосредственно траверзом зоны образования айсбергов, не оттягиваясь вглубь острова, чтобы, по возможности, не терять визуального ориентира. Мыс Краутера расположен примерно на полпути от Ниля до Гранта. Нам предстояло выяснить, насколько далеко группа Максимова могла продвинуться по берегу в этом направлении, сколько на это потребуется времени и возможно ли вообще достичь мыса Гранта вдоль береговой линии. Переход через ледник, а по карте это около пяти километров, занял у нас чуть больше двух часов. Пять километров пятеро спортивных, хорошо одетых и снаряженных здоровых мужчин, не изнуренных двухгодичной полярной зимовкой, многомесячным холодом, голодом и болезнями, более двух часов преодолевали этот ледник! Нельзя сказать, что этот путь вызвал у нас какие-то особые трудности, но мы шли, соблюдая все правила безопасности, а это отняло немало лишнего времени.

В конце ледяного языка мы вышли к морене¹, вдоль которой спустились к каменистому пляжу в маленькой бухточке около двухсот метров в длину и до пятидесяти в ширину. Пляж этот ограничен с севера высокими многотеррасными скалами, а с запада и востока языками глетчера со щетинистыми хребтами морен. Как зачарованные, смотрели мы на многометровые массивы льда, нависающие над рокочущей морской пучиной.

¹ Скопление обломков горных пород, валунов, сдвигаемых с гор подвижными ледниками.

— Да тут настоящая Антарктида! — Леня ностальгирующе оглядывался по сторонам.

...Всего несколько месяцев назад Леонид Радун вернулся из полугодовой командировки в Антарктиду. Там, на другом краю света, отряду «Центроспас» была поставлена задача извлечь с тридцатиметровой глубины тело полярника, два года назад провалившегося вместе с трактором в трещину недалеко от российской полярной станции «Мирный». Работа была тяжелой и крайне опасной. Пробивать пологий шурф к месту катастрофы приходилось и днем и ночью: спасателям нужно было успеть на уходящее в марте судно, ведь на Большой Земле их колоссальный опыт очень востребован. Порой случались ситуации, едва не закончившиеся очередной трагедией. Но для российских спасателей это всего лишь обычные трудовые будни, никто там и глазом не поведет. Справились с честью. Мы напряженно наблюдали из Москвы за их работами, периодически связываясь по спутнику. К концу зимы, когда работы были окончены и мы облегченно выдохнули, неожиданно позвонил Леня.

— Ну, вы и негодяи! — послышалось гулким эхом с другого края планеты.

Мы попадали со смеху. Все сразу же поняли, что спасатели вскрыли нашу посылку к празднику, которую мы передали им еще в Москве с предписанием вскрыть 23 февраля. В посылке, кроме открыток и поздравлений от близких, лежал и наш «подарок»: бутылка хорошего коньяка, крем для рук и ...глянцевый журнал для мужчин.

— Между прочим, — рассказывал он потом по приезде, — журналчик-то пользовался успехом у полярников!..

Видимо, вспомнив эту шутливую историю, стоя между двумя огромными глетчерами, Леня подозрительно покопился на нас:

— Ух, умники!

Рваные пласты насыщено-бирюзового льда, изъеденные трещинами, возвышались величаво и торжественно, контрастируя унылому и необъяснимо тоскливому пейзажу грязно-серого пляжа. Птиц здесь было значительно меньше, во всяком случае, на скалах гнезд не было совсем. Мох лишь кое-где мелкими клочками чуть пробивался из-под камней. Под полинявшим, будто выстиранным небом, сиротливо жалась к земле блекло-чахоточные полярные маки. Цветочный век здесь недолог, и они очень торопятся жить, беззастенчиво подставляя такому редкому солнцу свои нежные лепестки. Огромные каменные исполины высокомерно разглядывали эти жалкие ростки жизни: их-то время не подгоняет, у них еще все впереди...

Мы нарисовали схему пляжа, разделили зоны ответственности и, разбившись цепью, метр за метром начали прочесывать пляж. Внезапно раздался истошный крик всегда очень сдержанного на эмоции Саши Унтिला: «Мужики, здесь могила!» Несколько секунд мертвой тишины и оцепенения. А потом, не удосужившись даже сбросить оттягивающие плечи рюкзаки, поминутно спотыкаясь и чуть ли не ломая ноги, падая и разбивая руки в кровь, опрометью мы броси-

лись к основанию западной морены. Между несколькими крупными, удивительно правильной шестиугольной формы осколками столбчатого базальта, там, где склон морены переходит в монолитную террасу, торчали три фрагмента крупных костей с обрывками истлевшей одежды. В висках бешено стучало от бега и возбуждения. Этого не может быть! Вот так, просто шли-шли и нашли?.. За такие минуты можно отдать многое!

Первое желание — превратиться в маленький бульдозер и перекопать здесь все к ядерной матери.

— Так, спокойно! Медленно сели, перекурили и пришли в себя, а то наломаем дров! — остудил наш пыл Женя Ферштер, многие годы принимавший участие в раскопках.

Переборов в себе нетерпение, еще не веря в реальность происходящего, мы присели на острые камни, нервно загнулись, тупо уставившись горящими глазами на находку. Из всех сил я пытался правильно понять свое душевное состояние. Что это было: полное опустошение или же переполнение чувств? Возможно, было и то и другое. Но именно тогда я понял истинный смысл слов «величие мига».

Когда первое волнение улеглось, мы аккуратно и тщательно осмотрели окрестности — более мелкие костные останки были повсюду в радиусе до десяти метров. Пройдешь — не заметишь! Судя по крупным костям, получалось, что здесь лежат как минимум два человека. Каждый из нас в эти минуты был готов работать сутками, пока не разберем весь этот пляж до последней песчинки, благо полярный день был в самом разгаре. Как обычно бывает в подобных случаях, станция УКВ к этому моменту уже «села», поэтому вызвать

остальную команду возможности не было. Посокрушавшись на судьбу-злодейку, хоть и грех нам было жаловаться, мы достали карманный GPS: 80°15'282'' северной широты, 046°54'068'' восточной долготы — координаты человека, столетие назад обретшего здесь вечный покой. Внутренне умоляя себя ничего не трогать руками, мы еще мучительно долго производили предварительную съемку. А потом скрепя сердце повернули в сторону базового лагеря — дальше требовалась работа археолога и наличие специального оборудования для того, чтобы начать раскопки. До лагеря не шли — летели, совершенно забыв и про трещины в леднике, и про еще более сгустившийся туман, и про то, что в рюкзаках так и остались лежать позабытые сухари и сублиматы. Теперь уже не вспомню, кто первый додумался до этой идеи, но на подходе к базовому лагерю мы решили сделать ребятам сюрприз и до ужина никому ничего не рассказывать.

Подходим к палаткам. Встречать выходят все кто был в этот момент в лагере:

— ???

— Да так, ничего. Мыс как наш, только поменьше, — выручил Унтила: никогда невозможно понять, что у него внутри.

А вот мне пришлось закусить до боли губу и отвернуться к морю, чтобы своей дурацкой улыбкой не сдать всех нас с потрохами. Не озвучить тотчас же такое событие оказалось очень непростым испытанием — хотелось кричать, носиться по берегу, делать какие-нибудь глупости. Изю всех мы удерживались от захлестывающего искушения. До позднего вечера мы старательно пытались заставить себя заниматься текущи-

ми делами. Тишето! Все буквально валилось из рук. Топор не рубил, пила не пилила, кастрюли переворачивались, примус не загорался. Эмоции теснились, стремительно обгоняя друг друга. Где-то в глубине души ребята почувствовали, что с нами что-то не так, но никому и в голову не могло прийти, что можно удержать в себе *такое*! Временами мне самому казалось, что вот-вот и с языка сорвется: «Да, да, да! Мы все-таки сделали это!!!» И тогда приходилось хватать первые попавшиеся ведра и бегом нестись за никому не нужной сейчас водой, только чтобы в стороне привести свои эмоции в порядок.

И вот, наконец, долгожданный ужин. За столом Женя Ферштер неожиданно достал сбереженную для особых случаев бутылку какого-то заморского виски, разлил по кругу даже тем, кто категорически отказывался, и подчеркнуто небрежно сказал короткий тост:

— Ну, за то, что мы их все-таки нашли!

Мы впятером дружно выпили, теперь уже не пряча своих хитрых глаз. Мне довелось посмотреть бессмертную комедию Н.В. Гоголя в театре. И все же, гениально сыгранная актерами немая сцена ни шла ни в какое сравнение с этой. В какой-то момент я даже услышал, как хлопают собственные ресницы. В углу кают-компания нервно скулила пес Арни: «Что с вами, люди?» Мы, как малые дети, с переполняющим нас восхищением наблюдали за реакцией своих товарищей. Первым взял себя в руки командир:

— Ну-ка ты давай, дураков-то из нас тут не делай, — как и положено командиру, Олег Продан пытался говорить серьезно, но видно было, что с обветренных губ вот-вот соскользнет предательская улыбка, — ну, рассказывай, давай!

И тут нас как прорвало. Эмоции, пропахнувшие потом уходящего дня, непростено полезли наружу. Перебивая друг друга, мы захлеб снова и снова рассказывали, как все это было. Сначала нас попросту хотели убить за то, что не выложили все сразу. Но какие у ребят были глаза! Ведь это была настоящая победа! Какое теперь значение имела погода, летная обстановка и вообще все, что происходит на Большой Земле? Здесь, сейчас произошло то, к чему мы стремились долгие пять лет! Народ высыпал из тесной палатки на улицу, грянул праздничный салют.

— Качнем Унтилу! — предложил кто-то. Через секунду, не успев опомниться, герой этого дня уже полетел вверх, щедро посыпая нас из многочисленных карманов зажигалками, карабинами от альпинистской обвязки, сухарями и сигаретами.

— Тихо, ребята, урónите, я же еще детей не нарожал! — а мы все не хотели униматься. Наконец, вволю натешившись, еще тяжело дыша, вернулись в кают-компанию и теперь уже все вместе выпили за удачу.

Невозможно описать на бумаге, сколько версий и предположений было в тот памятный вечер! То и дело, ломая от волнения грифель карандаша, мы рисовали карты, схемы маршрута, переставляли как шахматные фигуры камни возле трепещущей на ветру палатки.

Уже запоздно нехотя расползлись по спальным мешкам: к завтрашнему дню нужно хорошенько отдохнуть. Впереди — огромная и трудоемкая поисковая работа, сбитые ногти и мозоли на руках.

В целях экономии времени было решено базовый лагерь к месту находки не переносить, а, оставив дежурного, выдвигаться на поиск в полном составе.

Странные чувства посещали меня, когда, наконец, я закутался в спальник. Когда-то, девяносто восемь лет назад, в море вышли люди навстречу манящей приключениями неизвестности, что-то планировали, радовались удачам, огорчались поражениям, верили... Судьба распорядилась иначе. В тот роковой 1912-й, в связи с чрезвычайной ледовой обстановкой, много трагедий произошло в Ледовитом океане¹ — растворился в неизвестности «Геркулес» Владимира Александровича Русанова вместе со всем экипажем, не вернулся из похода на Северный полюс, вышедший в том же году лейтенант Георгий Яковлевич Седов. Вот и печальная судьба экспедиции Георгия Львовича Брусилова...

Говорят, дорога домой начинается в тот самый момент, когда его только покидаешь. И вот люди, останки которых мы сегодня нашли, вышли навстречу своему дому девяносто восемь лет тому назад! Девяносто восемь лет — почти что век. Это время кажется почти нереальным, когда смотришь на эти стоящие здесь с сотворения мира скалы, это бесконечное туманное небо, на синеву ледников, изъеденных бездонными трещинами. Страшно подумать — девяносто восемь лет до-

¹ И не только в Ледовитом океане. На обратном пути от Южного полюса 29—30 марта 1912 года погибла экспедиция Роберта Фолкона Скотта. Кстати, 14 апреля все того же злосчастного 1912-го столкнувшись с дрейфующим айсбергом, затонул пассажирский лайнер «Титаник», похоронив на дне Атлантического океана 1513 пассажиров и членов экипажа.

роги домой! И вот теперь они вернутся. Вернутся несмотря ни на лютый холод и спящий снег, ни на жестокий голод и отчаяние, ни на полное отсутствие сил и всякой надежды, несмотря ни на смерть... Они вернутся через девяносто восемь лет!

Перед глазами снова и снова пестрым калейдоскопом пролетали события прошедшего дня. Погода постоянно стояла туманная, на солнце не было и намека, однако недалеко, метров двести-триста в море ярким пятном светилась водная гладь. Так бывает, когда сквозь разорванные тучи пробивается одинокий лучик солнца. Шли мы с различной скоростью, то ускоряясь, то замедляя свой шаг. Но всякий раз пятно перемещалось параллельно нашему движению и останавливалось с нами во время привала. Когда же мы собрались в обратный путь, оно вдруг распалось на четыре части, потом снова слилось в единое целое и исчезло. Может быть, подсказанные богатым воображением картины не имеют ничего общего с реальностью? Спорить не буду, но все это происходило на глазах у всех пяти участников той группы. «Души погибших обретают покой!» — сказал кто-то, и по спине пробежал легкий холодок. В Арктике вообще много всякой мистики, может быть потому, что и теперь, когда на дворе уже вовсю расправляет свои плечи двадцать первый век, она до сих пор остается для человека такой же таинственной, загадочной и непостижимой, как и сто лет назад!

26 июля 2010 года.

Непогода. Ветер треплет палатку так, что начисто отбивает всякое желание из нее выходить. Вахтенные кутают лицо

шарфами и надвигают шапки на самые глаза. Из-за тумана не видно даже контуров близлежащих скал. Совершенно очевидно, что сегодня к леднику не подступиться. Море свирепствует, заглушая даже истерический хохот пернатых негодников, уже изрядно нам поднадоевший за эти дни. Вне палатки разговаривать приходится криком. Как бы ни было обидно, но весь день экспедиция вынуждена была провести в лагере, пребывая в сдержанном возбуждении.

Бесцельно сидеть в лагере, когда всего в нескольких километрах отсюда непочатый край интереснейшей работы — испытание, убийственное для терпения. Чтобы хоть как-то скоротать время, мы с Володей Мельником решили сделать ребятам кулинарный праздник и занялись творческой стряпней. Володя оказался настоящим затейником на кухне. К самым обыкновенным отечественным макаронам он наделал несколько видов фантастических соусов, ни одного названия из которых я не в состоянии даже воспроизвести вслух. Из кухни головокружительно пахло поджаренными овощами и чесноком, на раскаленной сковороде заворачивающе шипело масло и что-то весело булькало в котелке. Несмотря на бушующий шторм, время от времени откидывался полог палатки — это выныривала из «спальни» очередная изголодавшаяся и любопытствующая физиономия и нетерпеливо выпрашивала:

— Ну, долго еще?

— Не делайте культа из еды! Ибо сказано: наказывай помыслы скудостью питания, чтоб думать не о блюде, а о голоде! Вы же мешаете творческому процессу, всеядные. Для особо изголодавшихся есть еще пол-ящика сублиматов, — и мы

продолжали свое священнодействие на камбузе в неспешном режиме.

— Ты где готовить научился? — поинтересовался я, нашинковывая продукты для мясной солянки.

— Известно где, в командировках, конечно, — взгляд мечтательно затуманился.

Володя всего на год старше меня. Интересно сложилась его судьба: детство прошло в Крыму, там он увлекся походами, горами, морем, пещерами. Потом, как у многих в нашем поколении, служба в армии, погранвойска. Окончил МГИМО, но вопреки здравому смыслу стал не дипломатом, а спасателем. Участвовал в становлении спасательной службы России, впоследствии реорганизованной в Министерство по чрезвычайным ситуациям. Работал в Центральном аэромобильном спасательном отряде, в международных организациях, ООН: гуманитарные и спасательные операции в России и за рубежом — Танзания, Турция, Монголия, Босния, Иран, Афганистан; принимал участие в деятельности Международного Красного Креста. А потом вдруг Крайний Север, Якутия, Чукотка, Магадан. Лет десять назад увлекся фотографией. Увлекся так, что это стало основной профессией: его работы публикуются в тематических фотоальбомах в России и за рубежом, многие из них являются победителями и призерами различных национальных и международных фотоконкурсов.

— Ну, а ты где поднаторел? — прервал ход моих мыслей коллега по сковородам и кастрюлям.

Признаться честно, я ни одного блюда в жизни дважды одинаково не готовил. Всякий раз это очередной эксперимент

по утилизации пищевых продуктов, правда, многие уверяют, что вполне удачный.

— А меня всегда окружали женщины, которые не любили готовить! Шучу! Ладно, давай заканчивать, а то нас, если не медведи, так свои оглоеды сожрут, не поперхнувшись. Вон, слышишь?

Сквозь хлопанье палаточного тента «на дворе» отчетливо слышался топот потерявших терпение полярников.

27 июля 2010 года.

К обеду туман развеялся ровно настолько, чтобы появилась возможность пройти ледник и возобновить работы в районе находки. Оставив в лагере дежурного, пошли все. Группу вел Женя Ферштер. Темп, как я и предполагал, взвинтили сразу. Наклонившись под грузом рюкзака, я шел, исподлобья упершись недобрым взглядом в его широкую, раскатистую в плечах спину, отсчитывая мерные шаги. Раз-два, раз-два... Буквально через десять минут у меня было ощущение, что я нырнул в одежде в горячий бассейн. Расстегнув на одежде все, что расстегивалось, и, закатав все, что закатывалось, я парил, как чайник на плите, и от нечего делать вдохновенно философствовал. Боже правый! Ты, который все для меня делаешь, скажи мне убогому, какого рожна я, взрослый, вроде бы разумный мужик, оказался на этой позабытой тобой земле? У меня дома остались трое детей и беременная жена, а я прыгаю на краю света как сайгак через трещины ледника, рискуя сорваться туда, откуда мою глубокозамороженную тупку не достанут даже с помощью современных нанотехнологий! Под ногами глухо и монотонно чавкал снежно-ледовый фарш.

Я оглянулся на своих спутников: десять человеческих фигурок под огромными рюкзаками, окутанные клубами пара. Десять интереснейших судеб, о каждой из которых можно написать отдельную книгу, с оставленной на материке грудой домашних дел. Нет, видать всякий несет тот крест, который полагается именно ему. Мы несем *свой* и, кстати, могу искренне заверить, что делаем это с нескрываемым удовольствием. В конце концов, ведь это великое счастье, подаренное далеко не каждому: заниматься тем, что умеешь и, главное, любишь! А все мои саркастические измышления — это так, чтобы побубнить себе под нос. Старею я, что ли?

В качестве компенсации за пропавший накануне день, сегодняшний был поистине неслыханно щедр на находки. Артемий Дановский — наш экспедиционный археолог — почуяв, что пробил его звездный час, рьяно принялся за работу.

— Как ты держишь рейку? Да не ты, а вот ты! Ну вправо ее наклони! Нет же, вправо от меня, а не от себя! Да, что ж ты...

Мы стоим на хребте морены под нависающими скалами, щурясь от ветра, кося глазом на осыпающуюся со склона щебенку. Проклятая нивелировочная рейка, выдвинутая на всю длину и гуляющая на ветру как былинка, грозила вот-вот огреть меня по голове, которую вполне еще можно было использовать и для более высоких целей.

— Заколебал умничать, — буркнул я себе под нос, и уже громко, — ну записывай ты свои цифры уже поскорей, руки больше не держат!

Наверное, для того чтобы понять археолога, нужно быть археологом. Я никак не мог взять в толк, как от этой нудной, кропотливой и однообразной, на мой взгляд, работы можно получать удовольствие. А ведь он получал! Все предыдущие дни я смотрел на своего спутника с недоумением: Дановский явно не верил, что из экспедиции выйдет какой-то прок, и откровенно скучал. Мне было жаль его. По стечению обстоятельств Артемий был прикомандирован к нашей группе институтом археологии неожиданно для себя, поэтому никак не мог вписаться в нашу команду и не знал, чем себя занять. Как же изменился он за последние несколько часов! В глазах появился блеск, твердый голос отдавал короткие распоряжения. И ведь злился, да еще как, когда что-то делали неправильно! Никогда не подумал бы, что в этом худощавом, спокойном молодом человеке может быть столько эмоций!

После тщательной зарисовки, фотовидеофиксации и других мучительно долгих археологических заморочек, из-под намертво смерзшегося конгломерата камней и льда мы начали извлекать многочисленные костные фрагменты и обрывки одежды. Прежде всего, сразу стало ясно, что найденные кости принадлежат одному человеку, а не двум, как я думал раньше. Дело в том, что при первичном осмотре мы ничего руками не трогали, и три большие кости, вмерзшие в лед и торчащие из-под камней, я в лихорадочной эйфории принял за бедренные. Однако сегодня, когда они были извлечены из завала, оказалось, что это два бедра и одна большеберцовая кость. Дальнейшие находки только подтвердили это предположение. Признаться честно, меня тогда несколько сконфузили позавчерашние поспешные выводы. Конечно

тот, кто когда-нибудь что-нибудь страстно искал и в конце концов нашел, меня поймет: уж очень нам хотелось найти сразу всех!

Большая часть костей лежала под огромным валуном у того места, где склон морены переходит в небольшую террасу. Поодаль, около двух метров в стороне от тела, среди камней валялась совершенно истлевшая малица¹, рядом с которой мы не нашли ни единой кости. Это говорило в пользу того обстоятельства, что в момент гибели она была снята. Зачем же человек скинул ее? Во время перехода через торосы малицы иногда снимали, когда тянули груженные нарты. Но люди по берегу шли уже налегке. Может, так сильно пригрело солнце, и погибший прилег отдохнуть, бросив малицу себе под голову? Но с момента, как две группы расстались на мысе Ния, по крайней мере, еще неделю стояла ветреная, туманная погода, а то и вовсе шел снег! Значит, пешая партия все-таки решила не спешить на мыс Гранта, надеясь, что «каячники» благополучно доберутся до Флоры, обживутся там и вернутся за ними. Или за ним?

Все, что осталось от малицы, представляло собой прелый фарш из оленьей шерсти, крошеного льда и мелкого щебня. Рядом лежали развалившиеся в труху пимы². Ребра, позвонки и более мелкие фрагменты скелета мы находили и на расстоянии до пятнадцати метров отсюда. Чем больше становилось находок, тем больше стало возникать вопросов.

¹ Верхняя меховая рубаха с капюшоном у ненцев и некоторых других северных народов из собачьего или оленьего меха. Носится мехом вниз.

² У северных народов меховые сапоги.

Судя по положению тела, напрашивался однозначный вывод, что этого человека никто не хоронил. Можно предположить, что просто не было сил вырыть могилу, но в таких случаях тело укладывают на лед и придавливают камнями, чтобы не растащили хищники. Но и этого не было сделано. Значит ли это, что в момент своего смертного часа он находился один? Или его спутники были уже настолько обессилены, что не смогли вообще ничего сделать для покойного товарища? Но ведь со времени расставания с Альбановым они прошли всего около десяти километров, и в дневниках штурмана участники пешей группы описываются чуть ли не как самые сильные! Возможно ли, что шли все четверо, а с одним внезапно случился несчастный случай — снежная лавина, камнепад, провалился в трещину — и его просто не смогли извлечь? Но все найденные костные фрагменты были без единого видимого повреждения, только застаревший перелом левой лучевой кости. Нападение диких зверей тоже можно исключить, так как никаких явных следов от их зубов обнаружено не было¹. Скелет «собрался» почти весь, кроме мелких костей кистей и стоп. Но главное и самое загадочное было то, что черепа мы не нашли. А ведь по нему можно было бы воссоздать внешний облик человека. Расширение и углубление района поиска никаких результатов и не дали, череп таинственным образом исчез. Можете представить себе наше разочарование! Из за-

¹ Уже в Москве заведующий отделом судебно-медицинской идентификации личности Российского центра судебно-медицинской экспертизы профессор В.Н. Звягин в лабораторных условиях все же сумел обнаружить следы зубов мелких и крупных хищников, но они были, скорее всего, уже посмертного происхождения.

ключения судебно-медицинской экспертизы, проведенной потом в Москве, стало ясно, что кости принадлежат молодому мужчине 27—29 лет, крепкого телосложения, ростом около 170 сантиметров.

Что же все-таки здесь произошло? Все возникающие вопросы отнюдь не были простым человеческим любопытством. Ответ на каждый из них мог направить нас в нужное направление поиска остальной группы. Куда идти: вверх на ледник, назад еще раз переворачивать мыс Ниля или вперед к мысу Гранта? Опять же возникал вопрос, как они шли: по берегу или сокращая путь по припаю?

Из-за плохих погодных условий наш вылет из Москвы задержался почти на три недели, существенно сократив сроки нашей экспедиции. Мы понимали, что времени на поиски в этом полевом сезоне оставалось катастрофически мало. Поэтому, чтобы не расплыться, основные силы были сосредоточены на тщательнейшей зачистке места уже сделанной находки.

Рядом с человеческими останками, покрытыми грязно-обесцвеченными фрагментами одежды, мы нашли рюкзак с остатками какой-то тонкой ткани. Не был ли это тот самый английский флаг экспедиции Джексона, который нашли на Земле Александры Конрад и Шпаковский? Сказать трудно. За столько лет ткань превратилась в бесформенную серо-бурую массу.

Несколько реберных костей уходили под огромный базальтовый монолит. Попробовали сдвинуть его вчетвером.

Куда там, он даже не шелохнулся! Выдолбили узкую щель, вставили лом. Раз! Лом согнулся, словно пластилиновый. Сколько же весит эта махина?

После обеда прилетели вертолеты, привезли пятиметровые металлические балки. Смастерили хитроумный рычаг. На длинном плече виноградными гроздьями повисли все, кто там был, даже летчики. Хотя и с трудом, но глыба подалась. В образовавшуюся нишу вставили деревянный клин и опять переставили рычаг. Наконец, сотрясая у нас под ногами землю, камень покати́лся вниз, сметая все на своем пути. Открывшаяся площадка два на полтора метра затянута смерзшейся глиной и мелким щебнем. Медленно, сантиметр за сантиметром все это начали отогревать теплой водой. На поверхности стали появляться кости грудной клетки. Но что это? В обрывках истлевшей одежды что-то блеснуло. Отогреваем землю дальше и извлекаем на свет карманные часы из белого металла. На задней крышке выбито клеймо изготовителя «Endre Lind». Стекло на циферблате треснуло, но хорошо видно, что стрелки застыли на 12 часах 23 минутах. Незаведенный механизм, скорее всего, пережил своего хозяина всего на несколько часов. Рядом с часами, видимо когда-то здесь был нагрудный карман, лежал корабельный свисток с гравировкой «The Acme Thunderer», что означает «Громовержец». Не удержались! Звонящий почти столетие назад звук свистка гулким эхом вернулся из небытия. После долгого заточения среди льда, каменных глыб и останков человека он зазвучал также призывно-тревожно, как и в тот день, когда подавал последние тщетные мольбы о помощи...

Метрах в пяти от тела, на спуске к морю, изо льда протаял ржавый кусок железа, оказавшийся почти разрушенным от времени жестяным ведром, в котором путники готовили себе на костре пищу. Попросту это большая жестяная банка с проволочной ручкой, приспособленная под походный котелок. Извлекать его пришлось, тоже растапливая по частям ледяную глыбу. Можно только догадываться, как дорожили этим ржавым, сплюснутым теперь куском железа люди. Ведь это единственная емкость, в которой можно приготовить живительный горячий бульон или растопить снег, чтобы утолить жажду!

Наш фотограф Володя Мельник решил забраться на хребет морены, чтобы сделать панорамное фото производимых работ. Подыскивая нужный ракурс, он забрался на самый верх кручи и в изумлении замер. Мать честная! Прямо на стывших камнях, на куске плоского базальтового скола, словно указывая острием направление, в котором ушли спасительные каяки Альбанова, лежал самодельный финский нож. Выточенная из дерева, треснувшая ручка, ржавое лезвие «щучкой» с прочным обухом, широкая гарда. Нож лежал так, как будто его специально положили туда пару минут назад. Удивительно! Прошло столько лет жестоких штормов, снежных вьюг и камнепадов, а он преспокойно лежал себе на плоском камне на самой вершине морены.

Анализируя схему находок, мы сразу же обратили внимание, что существует определенная закономерность их расположения: большая часть останков человека, нож, малица и ведро по расположению на склоне морены складывались в одну прямую линию. Создавалось впечатление,

что все это «ехало» по склону вместе со льдом, который потом просто растаял. За эту версию говорит и тот факт, что под огромным многотонным камнем мы не нашли ни одной поломанной кости, то есть тело не было раздавлено внезапно скатившейся глыбой, а только крайне медленно в процессе таяния ледника получало нагрузку сверху. Это навело нас на мысль углубиться в мерзлоту вдоль этой воображаемой линии. Вскоре догадка подтвердилась: при более тщательном осмотре склона морены по этой линии, были найдены эмалированная кружка и поясной ремень, совершенно невидимые с высоты человеческого роста. Обнаружить их удалось, только ползая в прямом смысле на карачках и заглядывая под каждый камень склона снизу вверх. Следуя этой же логике поиска, в груде крупного щебня мы нашли довольно большой комок бумаги, однако нельзя было сразу заключить, было ли на ней что-либо написано. После того как верхний «живой» слой был снят, прочесывание склона мы продолжили уже с помощью металлодетекторов. И снова удача не отвернулась от нас — три неотстрелянных патрона того же калибра и года выпуска, что и две гильзы, найденные тремя днями ранее недалеко от нашего базового лагеря.

Чем больше появлялось артефактов, тем сильнее было ощущение, что это какой-то болезненный сон. Я ушипнул себя за ухо. Да нет же, все наяву! Неужели до нас никто не мог их найти? А может, и не искал? Или последние, аномально теплые годы в Арктике привели к такому активному таянию ледника, что для нас приоткрылся занавес великой тайны? Если это так, то нам повезло еще больше,

ибо непрекращающийся камнепад и сход морены через какие-нибудь год-два просто-напросто похоронили бы это все во второй раз!

На вершине морены имелось углубление в виде каменной чаши. Талая вода отсюда уходила вглубь, увлекая за собой песок и мелкий щебень. С годами в этом месте образовалась широкая воронка. На дне ее вот уже несколько часов методично копались Андрей Николаев и Сергей Рябцев — это была их зона ответственности. Откидывать камни здесь было некуда, поэтому их приходилось перекладывать с места на место по нескольку раз. Наконец-то поисковое счастье улыбнулось и для них. Награда была велика: нарочито серьезно они извлекали из завалов солнцезащитные очки-консервы, сделанные еще на «Св. Анне». В своем дневнике Валериан Альбанов описывает их так:

«В конце апреля почти у всех нас стали болеть глаза. На «Св. Анне» только некоторые из нас страдали этой болезнью, и обыкновенно она скоро проходила после того, как больной просидит несколько дней в помещении. Настоящих предохранительных снеговых очков у нас не было. Еще на судне машинист Фрейберг сделал нам всем по паре очков, но нельзя сказать, чтобы эти очки достигали своего назначения. Стекла для них делали из темных четырехгранных бутылок от «джина». Одев такие очки, мы ничего не видели впереди, поминутно спотыкались в ропаках, переворачивали нарты, падали сами, но глаза по-прежнему болели невозможно, и слезы текли горячими струями. В передних нартах обыкновенно шли счастливицы, «зрячие», а «слепцы» тянулись по следам, с закрытыми глазами, только по вре-

менам посматривая сквозь ресницы на дорогу. Но бывали дни, когда глаза болели у всех и болели нестерпимо, тогда уж приходилось целый день сидеть в палатке, ожидая, когда отдохнут глаза от этого нестерпимого, сильного света. Глаза болели не только при ясной солнечной погоде. Часто небо было покрыто облаками, солнца не было видно, даже горизонт был закрыт какой-то мглой, но глаза болели не меньше. Если утихала самая резь в глазах, то в них оставались еще какая-то муть, и все предметы мы видели как бы в тумане».

Тем, кто хотя бы раз в своей жизни занимался сваркой металла, наверняка знакомы эти ощущения. Очки сохранились практически полностью: мягкая проволоочная оправка, обмотанная тканью, аккуратно обкусанные коричневые бутылочные стекла от емкости из-под джина. Уцелели даже веревочные крепления. Сколько терпения и заботы об уходящих товарищах вложил в их изготовление мастер!

Всего в двух метрах от очков из глубины щелбня торчало самодельное деревянное кольцо от лыжной палки, которое вначале мы приняли было за поломанный снегоступ. Но в дневниках В.И. Альбанова снегоступы не упоминаются:

«Они взяли с собой наш длинный линь, которым мы мерили глубину и которым я приказал им связаться, сложив его вдвое, причем идти обязательно «гуськом» и прощупывать палками покров ледника. Для того чтобы лучше прощупывать дорогу, мы с лыжных палок сняли даже кружки».

Это и был один из тех кружков с лыжной палки.

Тем временем совсем рядом всполошился металлодетектор. И снова с замиранием сердца пришлось растаскивать камни. Когда сняли первый слой, сигнал существенно усилился. Но дальше базальт был прочно спаян вечной мерзлотой. Опять греем воду для растопки льда. Клабы мягкого пара оседают у Андрея на бороде и ресницах. Посмотреть со стороны — снежный человек, не иначе. Но вот на глубине около полуметра блеснула идеально сохранившаяся посеребренная ложка. Аккуратно смываем глиняный слой. На ручке четко выбитое клеймо изготовителя «HENRY LAWRYL PLYMOUTH». Переворачиваем ложку и видим ... инициалы хозяина! Всего-то две буквы, полустертые неаккуратно накарябанные через точку две буквы — «П.С.». Это уже серьезная зацепка! Невозможно описать в книге, что чувствуешь, когда изваскаешь все эти находки из неподатливого чрева Великого Севера. Ведь про каждую из этих вещей Альбанов писал почти сто лет назад! Мы, живущие этой историей последние годы, прикасались к ним почти благоговейно. Время как будто случайно, на призрачный миг, раздвинуло рамки дозволенного, и перед нами, пока еще скрытые вязким туманом, шагали суровые образы смелых людей, уходящих колонной в бессмертие:

«Как в белом одеянии, лежит и спит красавица «Св. Анна», убранная прихотливой рукой мороза и по самый планширь засыпанная снегом. Временами гирлянды инея срываются с такелажа и с тихим шуршанием, как цветы, осыпаются вниз на спящую. С высоты судно кажется уже и длиннее. Стройный, высокий, правильный рангоут его кажется еще выше, еще тоньше. Как светя-

щиеся лучи, бежит далеко вниз заиндевеливший стальной такелаж, словно освещая заснувшую «Св. Анну». Полтора года уже спокойно спит она на своем ледяном ложе. Суждено ли тебе и дальше спокойно проспать тяжелое время, чтобы в одно прекрасное утро незаметно вместе с ложем твоим, на котором ты почил далеко в Карском море у берегов Ямала, очутиться где-нибудь между Шпицбергом и Гренландией? Проснешься ли ты тогда, спокойно сойдешь с своего ложа, ковра-самолета, на родную тебе стихию — воду, расправишь широкие белые крылья свои и радостно полетишь по глубокому морю на далекий теплый юг из царства смерти к жизни, где залечат твои раны, и все пережитое тобою на далеком севере будет казаться только тяжелым сном?

Или в холодную, бурную, полярную ночь, когда кругом завывает метель, когда не видно ни луны, ни звезд, ни северного сияния, ты внезапно будешь грубо пробуждена от своего сна ужасным треском, злобным визгом, шипением и содроганием твоего спокойного до сего времени ложа, с грохотом полетят вниз твои мачты, стеньги и реи, ломаясь сами и ломая все на палубе?

В предсмертных конвульсиях затрещат, ломаясь, все суставы твои, и через некоторое время лишь кучи бесформенных обломков да лишний свежий ледяной холм укажут твою могилу. Вьюга будет петь над тобой погребальную песню и скоро запорошит свежим снегом место катастрофы. А у ближайших ропачов кучка людей в темноте будет в

отчаянии спасти, что можно из своего имущества, все еще хватаясь за жизнь, все еще не теряя надежды...»¹.

20 июля 1867 года в Великобритании на судовой верфи в Пембрук-Док сошел со стапеля четырехпушечный военный корабль «Ньюпорт», специально построенный для плавания в полярных морях. В 1881 году судно было выкуплено у Британского Адмиралтейства Аленом Уильямом Юнгом и переименовано в «Пандора II», а затем хозяином шхуны стал английский судовладелец Либурн Пофам, который не просто дал ей новое имя «Бленкатра», а практически перестроил заново. Прежде всего, он укрепил корпус судна, снабдив его тройной дубовой обшивкой, в результате чего толщина борта, обшитого ниже ватерлинии листовой медью, составила двадцать семь дюймов. Это около семидесяти сантиметров. Старая 40-сильная паровая машина сменилась современной, мощностью четырехста индикаторных сил. В 1912 году выдавшее виды судно для своей экспедиции приобретает Георгий Львович Брусилов. Когда под восторженные крики толпы «Св. Анна» отходила от причала в Санкт-Петербурге, у нее за кормой уже было сорок пять лет полярного плавания. Менялись владельцы и экипажи, менялись названия, но это нелегкий путь судна пролегал на просторах Северного Ледовитого океана. И всегда ему сопутствовали успех и удача. Всегда — до поры...

Все-таки удивительно, как хитроумно пересекаются судьбы в Арктике! В 1893 году в рейсе «Бленкатры» к бере-

¹ Из дневника В.И. Альбанова.

гам Сибири принимал участие Фредерик Джексон, обследовав более 3000 миль побережья между Обью и Печорой. В 1895 году вышла в свет его книга об этой экспедиции. Знал бы тогда великий полярный исследователь, что всего через двадцать лет запасы продовольствия и жилище, оставленные им на мысе Флора, спасут от неминуемой гибели штурмана и матроса с этого судна!

Снова и снова всплывают в памяти зачитанные до дыр страницы штурманских записей. Все-таки из чего же, из какой стали были сделаны эти люди, на долю которых выпало множество испытаний и воистину нечеловеческих усилий? Поневоле задумаешься: а смогли бы мы преодолеть все то, что удалось осилить этим неподготовленным, в общем-то, путешественникам? Или в бескрайней, безлюдной пустыне, где и зверю-то дикому приходится нелегко, смирившись под ударами судьбы, мы покорно легли бы пропадать на снег? Смерть как избавление всегда очень заманчива! Ощувив на себе только малую толику перенесенных ими невзгод, можно весьма приблизительно составить представление о том, *что* испытали наши предшественники на этой суровой земле! Но мы живем в свое время и должны выполнять *свою* работу, а потому в эти бесконечные полярные дни перед глазами и в руках только огромные базальтовые глыбы, щебень, да навечно вмерзшие в лед останки человека, идущего наперекор беспощадной судьбе. Я держу в руках карманные часы, принадлежавшие погибшему...

Когда десять путников 9 июня 1914 года увидели землю, до нее еще было полмесяца ходу по торошенным льдам. Только 25 июня нога штурмана наконец-то коснулась земной тверди. Но еще 17 июня произошло событие, которое впоследствии сыграло роковую роль в судьбе многих членов экспедиции: взяв с собой дополнительного провианта и снаряжение, ушли, как будто на разведку, и не вернулись, бросив группу, неразлучные друзья Александр Конрад и Евгений Шпаковский. В своей книге Валериан Иванович Альбанов умышленно не называет фамилии беглецов, но несколько раньше, а именно 28 мая, он делает в своем дневнике следующую запись:

«Положение наше, конечно, не особенно завидное, это я сознаю давно и сам. Поэтому я не особенно удивился, когда сегодня вечером, сначала Конрад, а потом и еще 4 человека, выразили желание, бросив нарты и каяки, идти на лыжах вперед... Я постарался разъяснить им, что они могут очутиться в очень рискованном положении, бросивши в океане, хотя бы и покрытом льдом, наши каяки, на которых так хорошо плыть, в чем мы уже имели случай убедиться, и которые, в конце концов, не так уж тяжелы. Как они будут жить, если даже доберутся до земли, без теплого платья, без топора, посуды и массы других вещей, которые сейчас лежат в каяке и представляют, правда, некоторый груз, но которые так нужны будут на первой же земле, где им вздумается пожить и отдохнуть. «Лыжники» приумолкли, но я вижу, что не убедил их»¹.

¹ Альбанов В.И. На юг, к Земле Франца-Иосифа!

А теперь сравним дневники Альбанова и Конрада:

Штурман Валериан Альбанов	Матрос Александр Конрад
Вторник 17 июня. Вчера вечером два человека, фамилии их называть не буду, вызвались утром часа в 4, отправиться на поиски дороги... В 12 часов дня я уже начал беспокоиться... стали собираться на поиски, то обнаружили очень неприятный сюрприз: оказалось, что разведчики взяли с собой пару лучших сапог Луняева, почти все теплые вещи, принадлежащие Максимова, мешок с сухарями весом в 23 фунта, двустоволку и все, около 200 штук, дробовые патроны...	17 июня. Тронулись в путь в 10 часов. Дорога довольно хорошая, ровная, хотя и встречались ропаки. Видели моржей у майн, лед поломан, погода стоит скверная, густой туман. Ветер NO. Прошли около пяти верст и стали на ночлег
Среда 18 июня. Ночью шли до 3 часов и прошли еще верст 5... Утром проснулись поздно около 9 часов... Снялись мы в 1 час дня и шли до 6 часов, пройдя верст 5.	18 июня. В 10 часов тронулись в путь. Дорога скверная, огромные ропаки, и на льду много воды. Обувь плохая, и ноги сильно промокают. Прошли пять верст.
Четверг 19 июня ...В 3 часа мы пошли и до 7 часов утра прошли верст 5. Ветер SW, баллов 5. В 2 часа дня мы тронулись в путь. Дорога и сегодня довольно хорошая. Молодой лед с неглубоким снегом и невысокими редкими торосами... В 6 часов 30 минут вечера мы остановились ужинать, пройдя верст 6.	19 июня. После завтрака в 11 часов тронулись в путь, дорога очень скверная. Чем ближе к берегу, тем лед становится более ломаным и торошенным. Прошли верст 6. Густой туман. Ветер SSW.
Пятница 20 июня. Опять сильно болят глаза и писать очень трудно. Снялись мы в 3 часа ночи и шли до 6 часов 30 минут утра по плохой, на этот раз, дороге. Прошли версты 4. Масса полыней преграждает нам путь... Вследствие болезни глаз, сам в разведку идти не могу и послал двух человек.	20 июня. Позавтракав в 10 часов, тронулись в путь. Дорога скверная, кругом майны и торошенный лед... Прошли около 5 верст...Наконец подошли к берегу: лед страшно поломан, приходится переходить с одной льдины на другую, но все-таки приблизились к самому леднику...Долго не могли забраться, но в конце концов это удалось. Двое влезли наверх, привязали лямки к нартам и с большим трудом втащили их. Пошли на запад и остановились на ночлег, штурман и Луняев отправились на разведку...

Штурман Валериан Альбанов	Матрос Александр Конрад
Воскресенье 22 июня ... за день, в два приема, мы сделали не менее 10 или 12 верст. Остров так приблизился, что завтра к ночи надеемся добраться до него. Господи! Неужели возможно такое счастье?	22 июня. Переплыли на площадку на западной стороне. Тут было много гаг, чему мы очень обрадовались и сразу занялись охотой на них и сбором яиц, которые были очень вкусные.
Среда 25 июня ...трещина, шириною до сажени, идущая во всю выпину ледника...делая топором ступени и забивая в него для опоры гарпун, нам удалось, наконец, забраться на желанный остров.	23 июня Я и Шпаковский занимались охотой и сбором яиц на дорогу. Остальные чинили нарты и каяки, которых у нас осталось только 2.

Таким образом, Александр Конрад оказался на архипелаге 20 июня, а идущий вместе с ним штурман лишь 25-го. И это при том, что все остальные даты и события в их дневниках полностью совпадают! Кроме того, в ситуации, когда все дни тянутся однообразной вереницей, трудно «не заметить» бегство двоих человек и удержаться от соблазна занести это происшествие в свой дневник, пусть даже не называя имен. Однако Конрад этого почему-то не сделал. Не упомянул он и о неожиданной встрече с беглецами на Земле Александры. С 20 по 25 июня 1914 года в дневнике Альбанова упоминаются почти все участники, покинувшие вместе с ним судно. Конрада и Шпаковского в этом списке нет. Почему штурман не назвал беглецов по имени? Мне видится, что для человека сурового, но, безусловно, благородного, расстрелять беглецов на месте, как это было в экспедиции Грили¹, Валериану Ива-

¹ Адольф Вашингтон Грили (1844—1935) — американский метеоролог и полярный исследователь. В 1881 году в рамках 1-го международного полярного года руководил научной экспедицией в Гренландию. Из 26 участников экспедиции 18 погибло от голода и цинги и один расстрелян за то, что украл у своих товарищей не-

новичу было бы легче, чем придать факт бегства публичности. Но совсем не рассказывать об этом бессмысленном поступке матросов он тоже не мог, потому что это, в определенной мере, инициировало череду последующих трагедий ушедшего с судна отряда.

Но я отвлекся. Далее штурман в своем дневнике пишет о своих безымянных беглецах:

«Попутно они прихватили с собой пару лучших сапог Луняева, почти все теплые вещи, принадлежащие Максимо-ву, мешок сухарей весом в 23 фунта, двустволку и все, около 200 штук, дробовые патроны, (...) дюжину коробок спичек, бинокль, при нем был маленький компасик, запаянную жестяную банку с почтой и документами и ... единственные наши карманные часы, принадлежащие Смиренникову».

...На ветру старые карманные часы быстро холодят ладонь. Полуистертые инициалы на найденной ложке «П.С.». Постой, постой! Ну, конечно же, Павел Смиренников! Его ложка, его часы. Но ведь часы и ложку мог забрать у умершего кто-либо из спутников! Мог и наверняка забрал бы, поэтому, как ни хотелось сразу же сделать свои выводы, но придется ждать возвращения в Москву. Нужно попытаться найти родственников этих людей и провести генетическую экспертизу.

Как бы там ни было, а день 27 июля вышел очень насыщенным в плане находок и эмоций, и мы, преисполненные смешанным чувством усталости и удовлетворенности, воз-

сколько ремешков тюленьей кожи. Грили был ярким противником экспедиции к Северному полюсу Ф. Нансена.

вращались по леднику в свой базовый лагерь. Но проказница Арктика потому до сих пор и манит к себе людей, что для нее совершенно неважно, какой на дворе год: 1914-й или 2010-й. Возвращаясь на «ночевку», мы попали в сильнейший туман, видимость упала до двух метров. Складывалось ощущение, что выпростанная вперед рука пронизывает молоко и воздух можно потрогать руками. От моря пришлось оттягиваться подальше, так как количество трещин на леднике и их ширина резко увеличивались ближе к урезу воды, так что местами можно было неожиданно оказаться на краю ледяной бездны. Звуки моря тонули в густом тумане, и удаленность от береговой линии не позволяла ориентироваться на шум прибоя. Два навигатора в группе только сбили нас с панталыку — они показывали совершенно по-разному записанные треки возвращения. Остановившись для принятия решения, достали старый добрый компас, и тут кто-то вспомнил, что на одном из GPS записан этот же путь, но... с борта вертолета, и по нему мы стали поджиматься к куполу ледника. Вот так, даже имея современные приборы, можно легко оказаться в затруднительном положении. Каково же было тем, кто, имея только непроверенный хронометр и секстан, который при отсутствии солнца просто ненужный кусок железа, шли, гонимые тягой к жизни, по бесконечным просторам архипелага практически на ощупь!

Вдоволь позубоскалив на тему «как далеко мы могли бы уйти за улетевшим вертолетом», примерно через час мы спустились с морены на юге мыса Нила возле нашего лагеря. В кухонной палатке нас уже поджидал горячий чай с суха-

риками... Сухарики! Сколько раз во время своего ледяного странствия мечтали о них штурман и его спутники!

«Когда вы садитесь за стол и вам подают обед, в котором встречается и зелень, и крупа, и картофель, то вы обращаете внимание на эти горячие или холодные блюда, совершенно игнорируя те несколько кусочков тонко нарезанного хлеба, которые не составляют собственно обеда, а служат как бы приложением к нему. Вы даже не обратите, может быть, внимания, какой вам подали хлеб, сколько дали и сколько вы съели. Я тоже раньше был в таком положении, что не придавал особенного значения хлебу и никак не предполагал, что по хлебу или даже сухарю можно тосковать, буквально тосковать, даже тогда, когда вы сыты от одного мяса..

...Без мяса легче прожить, чем без хлеба или без сухаря; я убедился в этом после того, как не видел его только полмесяца. Понял тогда я действительную цену хлеба! И теперь, когда мы нашли целых пять ящиков сухарей, то мы были счастливы, как никогда!»¹

28 июля 2010 года.

Вчерашний туман, увы, так и не захотел развеиваться, поэтому помощи от авиации мы в этот день не ждали. Ну, что ж, пешком нам даже привычнее!

Ни крошечный мысок, ни бухточка в месте находок на самой подробнейшей карте названия до сих пор не имеют —

¹ «Подвиг штурмана Альбанова» под. ред. Н.Я. Болотникова. Географгиз, 1953.

просто заброшенный клочок земли между мысом Ниля и скалами Полосатыми. Для удобства внутреннего пользования мы дали этому месту рабочее название «бухта Смиренникова». Так и буду ее пока называть. Сегодня сюда мы выдвинулись рабочей группой из четырех человек. В последние дни аномально-теплая для здешних мест погода сослужила нам плохую службу: ледник, разделяющий лагерь с местом работ, оплутимо «поплыл». Те трещины, которые мы наблюдали всего несколько дней назад, увеличились местами до полутора метров. Точнее сказать, мы просто не видели их истинных размеров и ходили прямо по снежным «козырькам». Перепрыгивать разломы глетчера становилось все труднее, а наводить переправы слишком долго. Время, отведенное на экспедицию, таяло на глазах — десятого августа вертолеты улетали на остров Диксон и до этого срока должны были снять нас с острова. Добраться до основного места раскопок теперь можно было только в обход, через купол ледника. Это довольно далеко и отнимало массу драгоценного времени. Поэтому в «бухту Смиренникова» решено было отправить мобильную автономную группу с легкими палатками, продовольствием и снаряжением. Сказано — сделано! Сборы заняли всего несколько часов. Загружались минимально — на мысе Ниля тоже было предостаточно работы, и группы сопровождения у нас не было. Ледник переходили необычайно медленно, тщательно выбирая дорогу. Рабочий лагерь установили всего в ста метрах от места находки. У нас были самые обыкновенные легкие «пикниковые» палатки, которые мы взяли в экспедицию для того, чтобы укрываться от непогоды во время длительных переходов. Они хороши разве что ле-

том в лесу Подмоскovie, но плохо спасали во время ночевки в суровом, пусть и аномально теплом климате архипелага. Даже без дождя и снега, пробыв около часа в густом тумане, одежда быстро отсыревала, и, в отсутствие здесь печки, приходилось сушить ее прямо на себе. Засыпать в такой палатке тоже было определенным испытанием. К тому же сильно холодило от ледника. Местные скалы время от времени напоминали о себе шумным камнепадом, поэтому ставить лагерь близко к ним мы не решились. Ветрозащитную стенку делать тоже было не из чего — плавник здесь на вес золота. Растянутый для этих целей брезентовый тент не столько защищал, сколько создавал проблемы, хлопая и развеваясь на незатиhaющем ветру. Поначалу площадка поиска была слишком мала, и больше двух человек на ней не помещалось. Решили работать попарно, сменяя друг друга каждые шесть часов. Таким образом, работа у нас велась круглосуточно. Для охраны от хищников бодрствующая смена, как говорится, без отрыва от производства постоянно крутила «одним глазом» по сторонам. Белый медведь, в сущности, славный малый, но терять от него голову в буквальном смысле этого слова желания ни у кого не было.

Тем временем ребята, оставшиеся в лагере, детализировали раскопки в районе гурия Джексона на средней террасе мыса Ния и нашли там остатки жестяной банки с письмом. Обрывки бумаги, которые оказались сморзшимися с проржавевшими обломками банки, были написаны аккуратным каллиграфическим почерком и даже в некоторых местах хорошо читаемы. Восстановить не сохранившиеся фрагменты текста нам помогло английское издание дневников полярника:

«The Jackson-Harmsworth Polar Expedition

We the undermentionald six members of the above Expedition arrived here in their whale-boat Mary Harmsworth by from Elm-wood, cape Flora, on Sunday morning at 2 a.m., July 2 th, 1895.

We intend to endeavour to push round cape Neale when we get a favourable wind. All well.

Frederick G. Jackson, commanding the expedition, ct.»¹

Несколько в стороне от полуистлевшей банки был найден листок из английского женского журнала, в котором было опубликовано несколько кулинарных рецептов, модели одежды и реклама мебели. Не контактируя с окислами металла, сохранился он гораздо лучше, чем послание Джексона. Хочется верить, что и наши записки в пластиковых контейнерах, спустя столетия, тоже можно будет прочитать.

1 августа 2010 года.

4:30. Температура воздуха +4 °C. Вот уже полчаса как идет моя ночная, если так можно сказать в полярный день, вахта в базовом лагере. Появилось время спокойно и обстоятельно изложить на бумаге события последних дней июля.

29 июля совершенно неожиданно для себя, по технической необходимости, я был вынужден вернуться в наш

¹ «Полярная экспедиция Джексона—Хармсворта. Мы, нижеупомянутые шесть членов названной выше экспедиции прибыли сюда в вельботе «Мэри Хармсворт» из Эльмвуда, мыс Флора, в воскресенье в 2 часа утра 2 июля 1895 года. Мы намереемся обойти мыс Нила, когда дождемся благоприятного ветра. Все хорошо. Фредерик Г. Джексон, командующий экспедицией, к-н».

базовый лагерь. Мне на смену на вертолете прилетели Саша Чичаев и Володя Мельник. «Окно» для полетов образовалось отнюдь ненадолго — только произвели смену, как запланированная видеосъемка близлежащих мысов была сорвана Бог весть откуда свалившимся густым туманом. Ветер в последние дни значительно ослаб, но стабильности погоде это не добавило. В течение двух дней нам приходилось довольствоваться только зачисткой тех мест, где уже были сделаны находки. Но уж и выжимали мы из этого максимально!

Ранним утром автономная группа, расширяя площадь поиска в «бухте Смиренникова», наткнулась на одинокий тетрадный листок. В основании террасы с найденными останками, между двумя каменными выступами, образовалась довольно глубокая впадина, почти полностью забитая снегом и льдом. Сюда-то и залетело послание из прошлого. В это было трудно поверить, но бумага, пролежавшая во льду добрую сотню лет, практически полностью сохранила все записи, сделанные неизвестным автором. Чтобы достать невредимым из ледового сейфа этот ценный документ, пришлось проявить недюжинное терпение и изобретательность, теплой водой ведь для этого не воспользуешься. Из двух имевшихся у группы металлических вилок сделали хитроумные крючки и по крупице, распластавшись на снегу, боясь повредить бумагу, осторожно выкрашивали ими льдинки. Буква за буквой открывались глазу исследователей дневниковые записи, повествующие невыдуманную историю давно минувших дней. Пожелтевший от времени лист бумаги еще полностью не извлекли, но с первых же строк стало

ясно, что перед нами именно то, что мы искали: фрагмент дневника участника экспедиции лейтенанта Брусилова на судне «Св. Анна». Листок практически весь был заморожен в лед. Лишь маленький уголок его беспомощно трепался на холодном ветру, постепенно обращаясь прахом. Запись, сделанная простым карандашом, гласила:

«... мая 11 час ночи вахтенный Анисимов заметилъ медведя, заявилъ к штурману... взяли ружья и пошли и убили... оказалась медведица, а маленький медвежонокъ убежалъ, а когда ее везли, то маленький медвежонокъ очень кричалъ, но его не видали. 20 мая глубина океана 270 сажень, погода въ обедъ 8°^Р тепла. Сегодня получилъ опоследнею плитку табаку а спички уже кончались давно, работаемъ по вечерамъ»².

Вот теперь у нас появилось неоспоримое документальное доказательство, что здесь упокоился один из участников экспедиции Брусилова. Из записи понятно, что сделана она 20 мая 1913 года, когда ее автор еще находился на борту «Св. Анны». Вахтенный, о котором идет речь в отрывке

¹ Градус Реомюра (°R) — не употребляемая в наши дни единица измерения температуры. За 1 градус Реомюра принято такое изменение температуры, при котором происходит расширение смеси вода—спирт на 1 промилле. Смесь вода—спирт при температуре кипения воды (100 градусов Цельсия) расширяется на 8 %, исходя из этого, температура кипения воды была принята за 80 градусов Реомюра. Отсюда из равенства 100 градусов Цельсия = 80 градусов Реомюра получается $1^{\circ}\text{C} = 0,8^{\circ}\text{R}$ (соответственно $1^{\circ}\text{R} = 1,25^{\circ}\text{C}$). Предложен в 1730 году Р. А. Реомюром.

² Сохранена орфография дневника.

дневника, — матрос Гавриил Анисимов. Тот самый, который поначалу даже собирался уходить с Альбановым на Большую Землю, но через несколько дней был вынужден вернуться на судно. Подвело здоровье, да и почтенный для таких предприятий возраст — все-таки пятьдесят четыре года. Похоже, что он был самым «старым» матросом «Св. Анны».

Новая находка еще больше добавила нам энтузиазма. Фирновый снег¹ во всех окрестных ложбинах был полностью расчищен всего за несколько дней. Результатом этой трудоемкой работы стала находка почти целой тетради с дневниковыми записями. Написана она тем же почерком, что и отдельный листок и, судя по датам, тоже еще на судне. Большинство страниц хорошо сохранившееся и вполне читаемое. Арктика, забирая у человечества самых смелых и настойчивых, иногда запоздало платит по счетам, возвращая хоть частицу того, ради чего погибали ее исследователи. Невероятно, но факт, что бумага столько лет хранила частичку жизни этих людей, протянула тонкую нить к великому прошлому.

О чем думали они, эти смелые и отчаянные люди, уходя под завывание беспощадной вьюги со своего обессиленного, но пока еще крепкого корабля в снежно-ледяное никуда. Ведь у них с собой не было ни настоящей карты, ни точных приборов определения своего местонахождения. У них даже не было сколько-нибудь внятного плана спасения себя и тех своих товарищей, оставшихся на судне и ожидающих

¹ Фирн, фирновый снег — крупнозернистый уплотненный снег, состоящий из связанных между собой ледяных зерен.

помощи, чью судьбу едва ли когда-нибудь возможно будет отследить.

Валериан Альбанов — сильный, волевой и мужественный человек, вот их последняя зацепка за жизнь, единственный шанс быть спасенными. Он штурман, знающий дорогу, выведет всех к земле, а если остаться, то на судне ждет мучительная смерть от голода и морозов. Возможно, именно так думали те, кто уходил с корабля 10 апреля 1914 года. Ну, а те, кто оставался, на что надеялись они? Георгий Брусилов настойчиво убеждал экипаж, что если повезет, то в том же году «Св. Анна» должна будет освободиться от сковывающих ее льдов где-то у берегов Гренландии. С уходом половины команды на остальных провизии должно хватить. Если же все пойдет не так, то на исходе лета можно будет также предпринять пеший поход к земле, взяв с собой спасательную шлюпку. В конце концов, на судне можно было еще как-то жить, а если повезет с охотой, то можно протянуть еще одну, уже третью, зимовку, пусть в холодном, теперь уже ненадежном, но все-таки доме.

Сначала решили уходить почти все, потом почти все решили остаться и так до последнего дня, до последней минуты расставания со «Св. Анной». «Каждый выбирает для себя женщину, религию, дорогу...»

Немаловажными в принятии решения многих были личностные качества штурмана и капитана. У каждого были свои достоинства и недостатки, но оба они были настоящими лидерами. Только лейтенанта Брусилова еще тяготил груз ответственности перед финансировавшими экспедицию родственниками. Оставить судно он полагал только в самом

крайнем случае, честь офицера не позволяла поступить иначе. Команду же он не держал: уходили и оставались все на добровольных началах, о чем им сделана собственноручная запись в сопроводительном письме, которое он передал штурману при расставании.

В январе 1914 года на сыром, промерзшем насквозь судне, ежась от холода перед чадающей остатками медвежьего жира коптилкой, горстка голодных людей задавалась вопросом, как поступить правильно. Можно ли выдержать все те терзающие душу сомнения, которые мучили их столько месяцев? И можно ли понять их, сидя дома в мягком кресле с кружкой горячего кофе? Думаю, едва ли.

Но здесь, на далекой Земле Франца-Иосифа, где почти век назад разыгралась эта трагедия, наиболее остро ощущается связь времен, и, пользуясь этим, я упорно стараюсь постичь этих людей. Будто и не было вовсе этого сумасшедшего столетия. Здесь же все осталось по-прежнему! Все те же скалы, покрытые сединой снежных шапок, то же беспокойное синее море, то же надсадное небо, те же мертвые камни, и, кажется, что если закрыть глаза и прислушаться, то услышишь шаги уставших, измученных людей, идущих навстречу Надежде!

1 августа 2010 года.

09: 30. Наконец-то прояснело, и над побережьем засуетились заполошнные чайки, наши операторы начали готовиться к очередной вертолетной съемке. Военные пилоты подтвердили вылет, и через полтора часа Ми-8 со съемочной группой уже скрылся за куполом ледника.

Из-за скал проглядывало солнце, обагрывая своими лучами соседний ледник, море беспечно-спокойно, по-прежнему полнейший штиль. Даже на лужице у палатки нет и намека на мелкую зыбь. В дымчато-голубом небе, вдоль линии прибоя с завидным постоянством проносятся стайки люриков, очень напоминающих маленьких летающих пингвинчиков. Эти славные и удивительные создания живут только там, где летняя температура воды не поднимается выше 0 °С. Питаются в основном мелкими рачками, которых поштучно (!) ловят в толще воды, ориентируясь по зрению и набивая в клювик от тысячи до трех тысяч козявок. Иногда им приходится летать за кормом за двести километров от гнездовой колонии, чтобы прокормить ненасытного отпрыска, а в день приходится делать по две, а то и три ходки. Наблюдая за ними в течение нескольких дней, я заметил, что все они почему-то летят в одном направлении — с юго-востока на северо-запад и никогда не возвращаются назад. Кажется, заглянешь за соседнюю скалу, а там их несметные полчища. Объясняется это просто: обратно они пролетают высоко над скалами, скрытые от человеческих глаз.

За последние дни нам еще несколько раз приходилось «бегать» через ледник к автономной группе: приносить кое-какие вещи, батарейки для связи и видеокамеры, бензин, генератор и многое другое. Видимо, тяжело проходящая у меня акклиматизация наконец-то закончилась, и мы с Олегом Проданом, несмотря на окончательно расквасившийся ледник, нарезали через него в эти дни не по одному десятку километров. Дорогу осилит идущий!

Птичий гомон, не смущаемый теперь порывистым ветром, слышится с утра до утра со всех сторон. Даже в нашем базовом лагере, где скалы наиболее высоки и нет никакой возможности даже увидеть-то пернатых сорванцов, ощущается их незримое присутствие.

Уютно пригревает походная печка, ворчливо шипит закипающий на ней фруктовый компот, хитроумно смешивая свой аромат с терпким запахом наших носков и ботинок, развешанных здесь же на просушку. Эх, жизнь экспедиционная! Интересно, сколько в мире осталось клинических романтиков?

К вечеру спустился туман и придавил сильный ветер, в который раз напоминающий об удивительном непостоянстве погоды в этих краях. В обеих палатках, несмотря на печки, как-то сразу стало зябко и сыро. В целом день прошел в обычном рабочем режиме: утренний вертолет забрал с базового лагеря руководителя экспедиции и нашего второго доктора Михаила Майорова, а из автономной группы двух операторов Женю Ферштера и Володю Мельника. Все они вылетели на съемки мысов Форбса и Стивенсона. На последнем, кстати, был найден очередной гурий Джексона с практически целой запаянной жестяной банкой. Банку решили не вскрывать, а оставить до Москвы, так как ее документальное содержимое в наших основных поисках никакой помощи оказать не может¹.

¹ Как оказалось потом в Москве, банка была не совсем герметична и за долгие годы вода и ржавчина сделали свое дело — все ее содержимое, к сожалению, было разрушено полностью.

Я остался один в базовом лагере. Особых хозяйственных дел не было, поэтому перед отлетом командира я получил у него одобрение походить с металлодетектором на западе мыса Ниля, потому как нет ничего муторнее вынужденного безделья. Однако после ухода борта мне пришла в голову совершенно иная мысль. Я приготовил «автономщикам» горячей луковой подливки, залил ее в термос, потушил обе печки и, прихватив альпверевку, отправился через ледник в «бухту Смиренникова». Путь мой проходил через этот ледник уже с добрый десяток раз, и мне была известна на нем, пожалуй, каждая мелочь.

Размеренный шаг всегда навевает на меня философские размышления. Когда-то у советских полярников была заветная мечта: построить здесь, в Арктике, настоящие города, где будут жить много счастливых людей, покоряющих этот суровый край. Но когда я все это себе живо представил, у меня вдруг сжалось сердце. Внутри все так и протестовало: нет, не надо никаких городов и «покорителей сурового края». Пусть хотя бы здесь все останется нетронутым и честным! Мы уже достаточно «напокоряли» необъятных просторов, в том числе и на Крайнем Севере, где и по сей день мать-природа зализывает раны. Наверное, такой же была ревность первобытного дикаря, на землю которого ступала нога «носителя цивилизации».

Через час с небольшим я уже был в автономном лагере и угощал ребят горячей подливой, к которой мы тут же на примусе смастерили макароны. Было приятно видеть, как с

каждой ложкой у ребят поднимается настроение. Наскоро перекусив за компанию, я отправился восвояси.

Аккуратно ступая по леднику по дороге в лагерь, вспомнил историю, описанную Валерианом Ивановичем Альбановым. Когда его группа навсегда покинула «Св. Анну» и, с огромным трудом волоча неподъемные нарты, двинулась на юг, в течение трех дней гарпунер Михаил Денисов и матрос Густав Мельбард догоняли его отряд с «гостинцами с судна»:

«И сегодня неугомонные Денисов с Мельбартом догнали нас и принесли горячей пищи. Они прямо издеваются над нашим черепашьям движением и грозят еще неделю догонять нас. Денисов, этот неугомонный полухохол-полунорвежец, прямо неутомим. Он, кажется, способен ежедневно делать на лыжах верст по 50—60, если бы не боялся потерять следы свои, что может случиться при передвижке льда. Это самый деятельный, самый предприимчивый из всех оставшихся на судне. Слишком тяжело должно быть положение, чтобы он не выбрался и погиб».

Мечтательно отождествляя себя с членами экспедиции Брусилова, возвращался я в базовый лагерь. Даже начинающийся туман не нарушал моего романтического настроения. Откровенно наслаждаясь этими мгновениями внутреннего покоя, я остановился и шмаркнул ботинком подмерзший фирн. Хрустит-то как!

Уже на подходе к лагерю я увидел поднимающийся с площадки вертолет: это вернулись с воздушной разведки командир и доктор Майоров. Улыбаясь своим мыслям, откидываю полог кухонной палатки.

— Ты получил «добро» на поиски в районе мыса, а не по ледникам скакать в одиночку! Это залет! — брызнуло давно подзабытой армией. Сделав суровое «десантное» лицо, Олег уперся в «изучение» документов.

Сюда же было приперчено еще несколько очень емких, но не слишком лестных любезностей, но в книгах столь емкий лексикон неприемлем. Я опешил от неожиданности и откровенно не очень понимал, в чем обвиняюсь. Сначала попытался как-то объяснить, но командир не захотел ничего больше слушать. Разговор был закончен. Молчали до следующего утра. Каждому было что сказать, но слова почему-то не слетали с языка. Ну, вроде какой криминал? Все опасные места и трещины на переходе изучены и хорошо знакомы. К тому же простая арифметика: около двух часов пути на северо-запад до конца мыса Нила плюс минимум два-три часа на обследование, которое, кстати, можно провести в любую погоду, когда в лагере уже кто-то есть. Итого в лучшем случае уйдет полдня. И хотя ситуация с белыми медведями в эту экспедицию была крайне благоприятная, оставлять базу так надолго все же не стоило. А тут я уложился всего в три часа. Это понимал и командир, но, кроме всего прочего, ему приходится нести ответственность за жизнь и здоровье каждого участника экспедиции, пусть даже все взрослые и многоопытные люди. В общем, получилось не совсем хорошо. Мое глупое мальчишество привело к неприятной напряженности, которую теперь надо было как-то снимать. Ну, да ладно, утро вечера мудренее!

2 августа 2010 года.

03: 15. Ночная вахта. Ветер стихает, крупными ватными хлопьями пошел снег. Настроение паршивое. На душе кислый коктейль из обиды и чувства вины. Я вышел из палатки. За спиной со скалы посыпались камни, и палец инстинктивно упал на курок карабина. Пытаюсь приглядеться — не видно ни зги. Обойдя широким кругом вокруг лагеря и удостоверившись, что это всего лишь камнепад, вернулся на кухню. Скверно!

К восьми часам утренний снег закончился так же внезапно, как и начался, наступила ясная и почти что солнечная погода. Умывшись и размявшись, я как бы невзначай заглянул в кают-компанию: командир «сурово корпел над документами».

— Доброе утро! — с надеждой поздоровался я, услышав в ответ невнятное «угу».

— Ну, ладно тебе, Олег, с праздником! Сегодня же день ВДВ!

— Вот только поэтому-то и амнистия! — морщины на лбу командира разгладились, а у меня полегчало на сердце.

Операторы отправились на вертолете доснимать окрестности для фильма, а нас попутно забросили прочесывать очередной безымянный клочок земли по направлению к мысу Краутера.

Это сказочно живописное место, раскинувшееся на нескольких зеленых, поросших густым мхом террасах. То тут, то там нарядными островками пестрели маленькие колокольца полярных каменоломок. С запада и востока этот уютный оазис ограничен ледниками, а с севера — непри-

ступными скалами. Местами каменные хребты спускались в самое море и торчали из воды черными спинами причудливых животных. Здесь было много окаменевшего дерева, валяющегося буквально повсюду. Трудно даже себе представить, что когда-то в этих местах рос гигантский лес, по которому бродили экзотические звери, сокрушая окрестное побережье своим воинственным ревом. Отказаться от сувениров природы, над которыми она трудилась миллионы лет, не было сил, и без того нелегкий рюкзак постепенно начал оттягивать плечи.

В течение всего дня метр за метром мы исследовали базальтовые нагромождения, однако следов группы Максимова так и не обнаружили. Да и не мудрено — при ближайшем рассмотрении западный ледник, который мы преодолели на вертолете и отделяющий нас теперь от «бухты Смиреникова», даже на вид был страшен. Все его изорванное тело не обещало ничего жизнеутверждающего всем ступившим ему на спину. Но проблема была даже не в этом. Там, где заканчивались разломы глетчера, начинался крутой откос, покрытый свежим, гладким, как каток, льдом, отбрасывающим на солнце слепящие блики. А вот это уже настоящая проблема.

— Лень, скажи мне как художник художнику: реально им было здесь пройти?

— Если сто лет назад ледник был такой же — однозначно нет, — опытный спасатель и альпинист даже не задумался над ответом, — а он ведь мог быть и еще хуже.

— Ну, а ты на их месте без снаряжения пошел бы? — я репил добить эту тему до конца. Леня помрачнел:

— Понимаешь, если выбирать между голодной смертью на голых камнях, без всякой надежды на помощь и этим ледником, *пришлось бы пойти*. Только... ничего хорошего из этого все равно бы не вышло. Шансов — один из ста. Практически это верная смерть!

Да уж, выбор не богат. Неужели они выбрали «один из ста»? Или...

— А может быть, все же надежда на помощь, — продолжил я свою мысль вслух.

Но этот вопрос лучше было задать соседним скалам — они-то уж знают наверняка.

По всему получается так, что реально попасть на этот мысок можно только с восточной стороны, обойдя ледник сверху. Но тогда возникает вопрос, а зачем? С купола уже хорошо видны скалы Полосатые и мыс Краутера, а там и до мыса Гранта рукой подать. Тратить драгоценное время на лишнюю остановку не имело смысла.

Видимо, не учитывая ситуацию с ледниками, а он и не мог с воды и объективно оценить их поверхность, Альбанов крайне мало дал времени своим спутникам для достижения мыса Гранта. Хотя в том, что кто-нибудь из них вообще туда дошел, теперь для участников нашей экспедиции более чем сомнительно. Так где же искать? Неужели, кроме Павла Смиренникова, никого из этой четверки больше не суждено найти? Но ведь в Москве даже самые отъявленные наши оптимисты отпускали не более пяти процентов на то, что вообще что-либо удастся обнаружить! «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» И это не пафос. Это есть суть психологии странных людей, позабросивших личное и отправившихся

на край света, чтобы вернуть для себя маленький кусочек позабытой истории.

Вечером, когда все группы вернулись в базовый лагерь, экспедиция в полном составе расселась смотреть отснятый за сегодня материал, пытаясь найти хоть малейшую зацепку для дальнейшего направления поиска.

3 августа 2010 года.

06: 20. Репортажи о работе нашей экспедиции ежедневно передавались по спутниковому телефону на Большую Землю, где они выкладывались в Интернете. Неравнодушные к этой теме пользователи нередко сетовали на то, что практически нет никаких бытовых подробностей нашей экспедиции. Ну что же, извольте-с!

Начнем с устройства нашего лагеря. Основная спальная палатка размерами пять на три метра из войлока с четырьмя оконцами и прорезиненным тентом была установлена в первый же день нашего пребывания на острове, хотя и с большим трудом — мешал штормовой ветер. В установке палатки не участвовала только наша специализированная охрана — ньюфаундленд Арни. Не понимая, над чем бьются одиннадцать взрослых бородатых мужиков, он удобно устроился между рюкзаками и с сомнением взирал на все наши потуги. Забивать в вечную мерзлоту колья — занятие неблагодарное и практически неосуществимое, поэтому растяжки тента мы крепили к большим многотонным валунам, в которых сверлили отверстия для дюбелей. Там, где валунов не было, собирали по два-три картофельных мешка более

мелких камней и связывали их вместе. Потом всю «юбку» тента завалили крупными валунами в два слоя. Установка этой палатки заняла у нас около шести часов. Мы даже не попытались переждать, когда, наконец, утихнет шторм. Судя по тому, как разгулялась стихия, думали, что уже никогда. Временами казалось, что поставить такую машину на этом ветру не получится и придется неопределенное количество времени ждать, когда утихнет шторм. Печь установили без особых проблем, правда, защитный грибок сверху трубы почти сразу снесло ветром, и больше его никто не надевал. Внутри палатки установили ящики со снаряжением, провизией и личными вещами. Их размер специально был продуман из расчета того, что два ящика, поставленные рядом, дают одно спальное место. Основных ящиков было двадцать, итого получалось десять спальных мест, потому что еще в Москве предполагалось круглосуточное дежурство минимум одного вахтенного. Сверху импровизированные койки покрывались полиуретановыми ковриками, на которые затем стелили спальные мешки.

Воздух внутри установленной палатки нагрелся быстро (относительно «улицы», конечно), на скорую руку приготовили легкий ужин. Вахтенных на всякий случай выставили двух, все остальные попадали спать. Смену караула производили каждые два часа.

Наутро стало ясно, что если ветер хоть еще чуть-чуть поднажмет, то лететь нам вместе со своим полярным снаряжением и палаткой куда-нибудь в сторону ледника. Не уповав на авось, пришлось соорудить с западной стороны (оттуда чаще и сильнее дует ветер) деревянную защитную стенку.

Натаскали с берега плавник, благо его здесь предостаточно, распилили на полубревна и взялись за молотки. Стенка получилась достаточно прочной, так что теперь наше жилище намного надежнее!

Метрах в семидесяти от спальной палатки, за небольшой лужицей, служившей нам посудомоечной машиной, среди камней, покрытых густым мягким мхом, обосновалась семейка поморников. Хотя, если по справедливости, то это мы со своими палатками и скарбом обосновались недалеко от их территории. В июле у этих птиц появляются птенцы, чаще всего двое. Никакая другая птица не устраивает своего гнезда около поморника, так как все боятся этого опасного соседства. По дерзости и бесстрашию в этих краях среди птиц им нет равных. Проходить даже поодаль их гнездовья нам приходилось, отмахиваясь руками — взрослые птицы все время норовили пробить кому-нибудь голову: их мощные клювы были приспособлены для этих целей великолепно. При этом они не боялись даже нашей собаки Арни. Впоследствии я читал, что жители Фарерских островов на севере Атлантического океана иногда прикрепляют к своей шапке острый ножик стоймя, на который птица натывается при нападении. Чем ближе подходишь к гнезду, тем теснее кружатся родители над непрошеным гостем. Мне все очень хотелось заснять их жилище на видеокамеру. Однажды, решив, видимо, что я перешел все границы приличия, терпению птичек пришел конец, и одна из них все же огрела меня клювом по голове. От травмы спасла только толстая шапка. Пришлось быстренько отступать, и, осерчав, впредь я перестал их навещать.

Только на третьи сутки, когда немного стих ветер и перестал валить снег, нам удалось установить кухонную палатку, одновременно служившую нам и кают-компанией. Она представляет собой полусферу около трех метров в диаметре основания. Это простой капроновый тент, не имеющий ни внутренней теплой обшивки, ни полов. Но если в ней топится печка, то в безветрие тут можно комфортно посидеть, даже раздевшись до пояса. Здесь мы установили полки для продуктов и сколотили деревянный столик для примусов и приготовления пищи. Сюда же пришлось перенести и три спальных места, так как в основной палатке оказалось довольно тесно. Правда, спать в нашей экспедиционной кухне не совсем удобно: тонкий тент просвечивается, поэтому в ней постоянно светло. К тому же к утру на стенках скапливается конденсат и начинает капать на спальные. Зато теперь у каждого есть свое закрепленное за ним место. Возвращаясь с работ или вахты, не нужно заниматься поиском своего спального мешка и свободного пространства для отдыха. Сюда переехали Андрей Николаев, Сергей Рябцев и Саша Унтила.

Пришло время для постройки «самого нужного» сооружения. У нас это называется «Объект № 21». Двадцать первый — это номер ящика из-под негабаритного оборудования, специально сделанный таких размеров, чтобы потом из него можно было сделать стенки туалета. Так уж устроен человек, что, выполняя даже самые великие задачи, он неизбежно вынужден думать о банальном, а уж тем более здесь, на Севере. «Объект № 21» тоже пришлось приковывать к большим валунам и обкладывать «фунда-

мент» камнями, чтобы в самый ответственный момент не дай Бог кого не унесло. Со стороны данное сооружение выглядело как замысловатая смесь современных технологий и каменного века. Зато в нем всегда было надежно, относительно безветренно и практически сухо — хоть книжку читай.

Впоследствии неутомонный Унтила добавил к этому шедевр архитектуры еще одну опцию: вырезал в потолке дыру, в которую опускалась пластиковая канистра с водой, а на пол откидывался дощатый настил. Получилась великолепная душевая кабина. Вообще-то творческая смекалка в условиях экспедиции работала постоянно. Если задаться целью и запатентовать все приспособления и приспособленьица, которые там изобретались, то получится довольно увесистая книжица. По окончании экспедиции «Объект № 21» был торжественно законсервирован нами до лучших времен. В нем мы оставили некоторые инструменты, ведра и другие необходимые в быту вещи.

Воду для питья и приготовления пищи брали сначала из небольшого ручейка недалеко от палаток, но потом что-то там подо льдом поменяло русло, и он внезапно «высох». Пришлось обустраивать большой ручей в двухстах метрах от лагеря. Выложили каменную плотину, а из нее пропустили деревянный желоб, выпиленный здесь же из плавника. Теперь стало очень удобно умываться и стираться в ледниковой воде, сколько хочешь, если, конечно, захочешь. Невдалеке от палаток стоит бочка с авиационным керосином для печек — подарок от вертолетчиков. Печки наши довольно экономичные — максимальный расход около де-

сяти литров в сутки при постоянной работе. Учитывая, что пользовались ими в основном только для просушки одежды во время сна, то за топливо особо не переживали. А вот в автономном лагере печей нет, и это очень ощущается. Не столько важно погреться, этого можно добиться, выбирая на раскопках камни покрупнее, сколько обсушить вечно мокрые одежду и обувь.

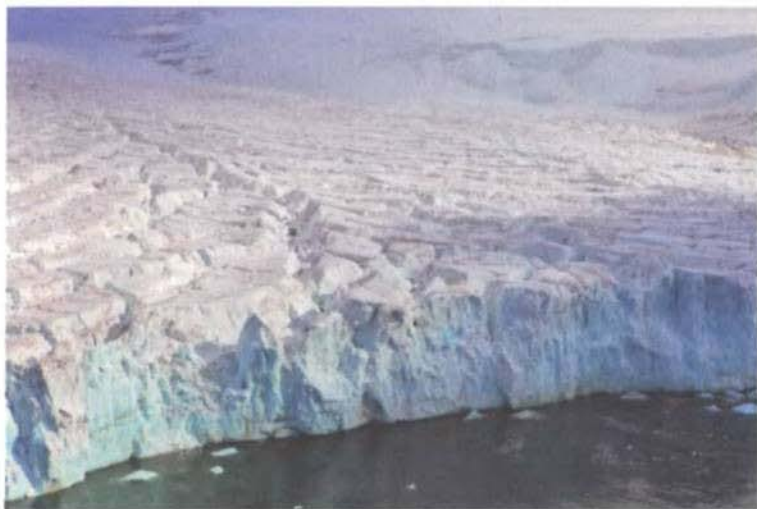
Основу нашего рациона питания составляют сублиматы, которые становятся даже почти вкусными, если их сдобрить определенным количеством приправ, лука, чеснока. А еще лучше, если сыром или колбасой. Все это, конечно, у нас было, так что нельзя сказать, что мы в этом отношении бедствовали. Другой вопрос, что время на застолье, особенно в первую неделю нашего пребывания на архипелаге, когда только еще шли поиски в плотном графике, находилось не всегда. Поэтому в карманах у каждого медленно отсыревали хлебные сухарики или баранки. Время от времени оказией с «Нагурского» нам переправляли очень вкусный свежий хлеб — ну это вообще был праздник какой-то!

23: 10. В этот день усиливающийся снег так и не дал нам возможности провести сколько-нибудь серьезных поисков. Все работы сводились в основном к жизнеобеспечению базового лагеря.

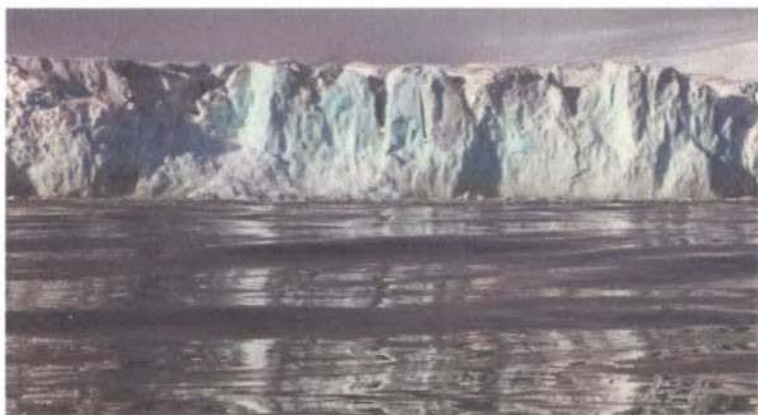
После ужина с обсуждением бурных событий прошедших дней отправляемся спать. Уже засыпаю, а перед глазами все идут и идут силуэты людей, уходящих в вымороженную безнадежность...

Из огня да в полымя. С трудом вернувшись из похода, А. Конрад (крайний справа) попадает на Первую мировую войну

Этот ледник мы штурмовали более пяти часов. Можно только догадываться, каково было группе Максимова. Фото В. Мельника

*С моря штурман Альбанов не смог оценить всю сложность ледника.
Фото В. Мельника*

Наша экспедиция 2010 г. Слева направо: В. Мельник, А. Николаев, М. Майоров, А. Унтила, С. Рябцев, Е. Феристер, О. Продан, Л. Радун, Р. Буйнов, А. Чичаев, А. Дановский. Фото В. Мельника

Загрузка на вертолеты в Назурском. Фото В. Мельника

Базовый лагерь 2011 г. Фото В. Мельника

*Поисковики и вертолетчики экспедиции 2011 г. Слева направо:
О.Продан, А. Чичаев, Р. Еришов, Е. Ферштер, А. Волобуев, В. Звягин,
Р. Буйнов, А. Скоров, С. Кирюшкин, А. Аксенов, Е. Громов, А. Унтила,
В. Мельник, Н. Морохин, Н. Кочемасов. За кадром М. Карганов
и П. Морозов. Фото В. Мельника*

Через несколько минут после первых находок. Фото В. Мельника

Работы на основном месте находок. Фото В. Мельника

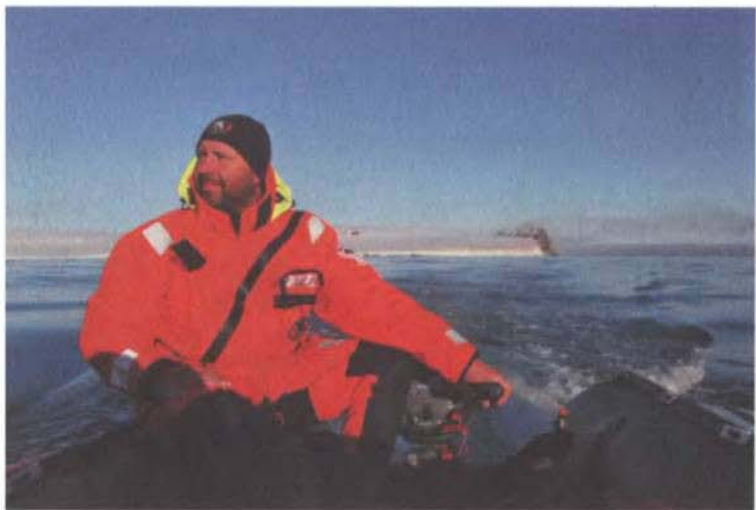
Вот так, порой, природа хранит важные исторические документы

*Так нам впервые представились останки участника экспедиции
Г.А. Брусилова. Фото В. Мельника*

*Не остановят ни морозы, ни медведи. Комэска С.М. Кирюшкин.
Фото С. Кирюшкина*

*Работать приходилось на суше, с воздуха и с моря. А. Чичаев.
Фото В. Мельника*

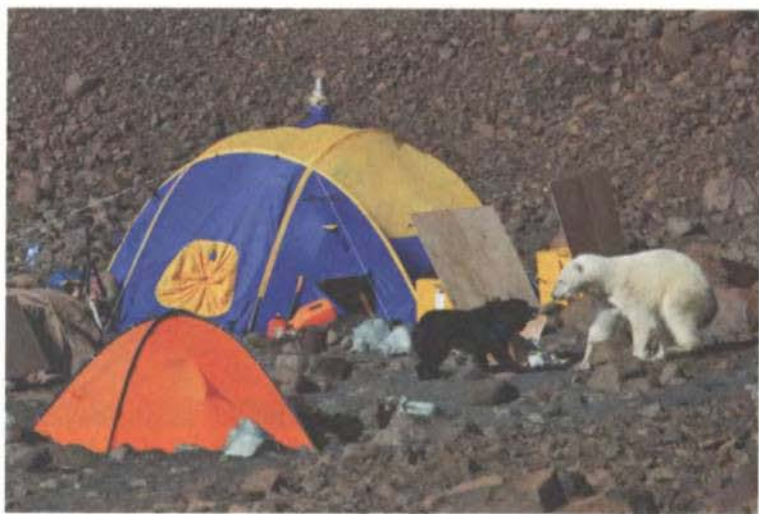
Археолог покоя не давал. Фото В. Мельника

*Поисковую работу совмещать с написанием книги удастся не всегда.
Автор в редкие минуты отдыха. Фото В. Мельника*

Нашу лодку «Фрегат» медведь буквально растерзал на части

*Охрана не дремлет. Арни даст отпор непрошеному гостю.
Фото В. Мельника*

*Там, где не видно глазами, на помощь приходят металлодетекторы.
Фото В. Мельника*

Послание из прошлого столетия спустя. Фото В. Мельника

Время навек остановилось. Часы П. Смиренникова. Фото В. Мельника

Извлеченные из вечной мерзлоты находки: пояс, очки-«консервы», ложка, нож, патроны, гильзы, часы, свисток, остатки кольца от лыжной палки. Фото В. Мельника

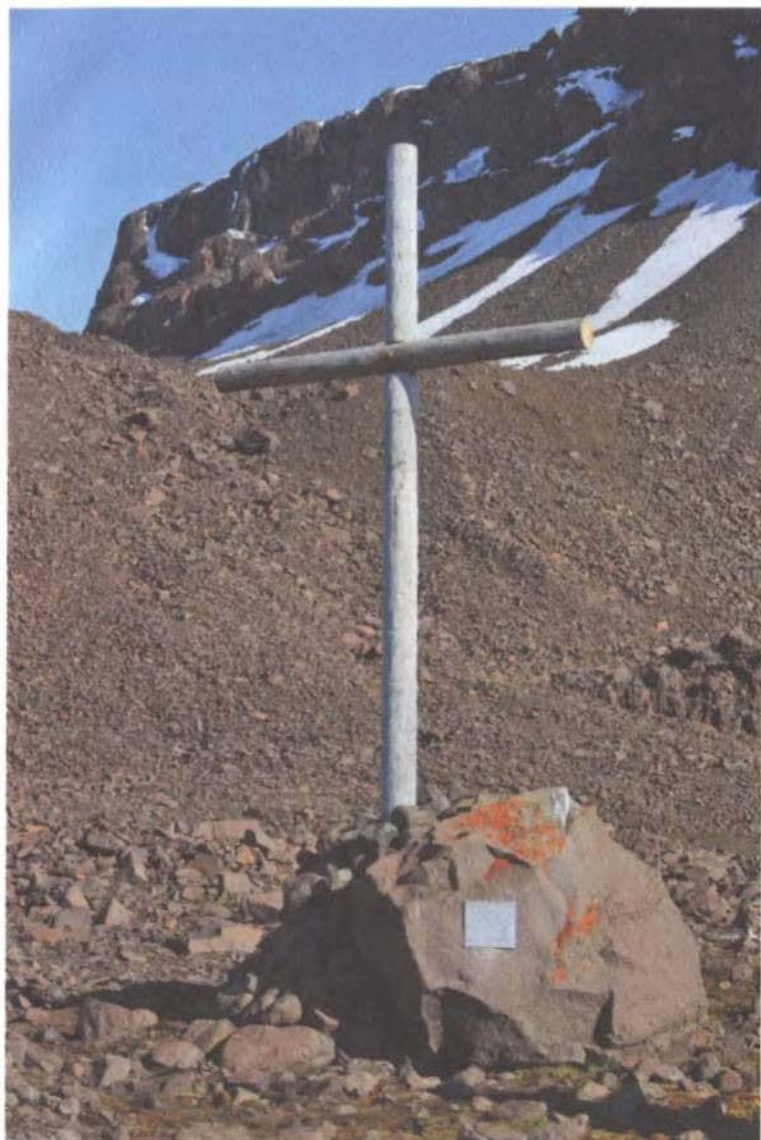
Нож в действительности именно так и лежал. Фото В. Мельника

*Мыс, где были обнаружены останки. Съемка с вертолета.
Место отмечено красным крестиком. Фото В. Мельника*

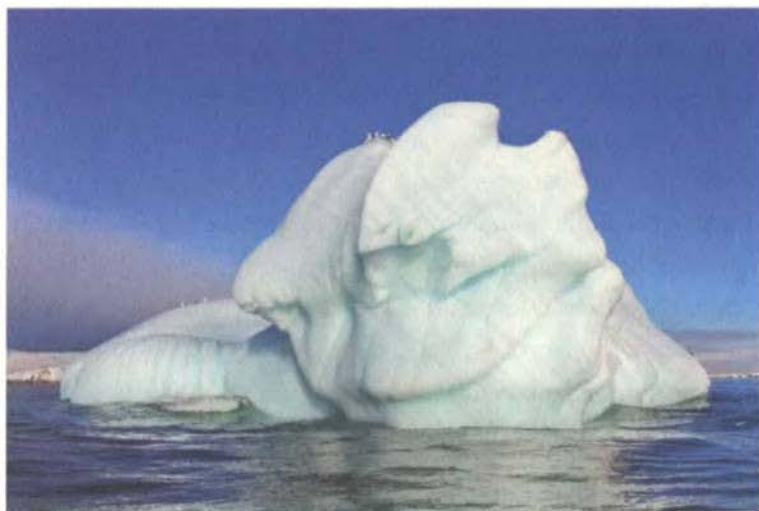
Остров Белл, где похоронен матрос Ольгерд Нильсен

*Памятный крест и табличка на месте гибели одного из участников
экспедиции — Г.А. Брусилова*

Хмурый батюшка Север! Фото В. Мельника

Полное ощущение нереальности. Фото В. Мельника

4 августа 2010 года.

07:00. На дворе туман, ставший уже традиционным. Развезало только к обеду. После вчерашней непогоды снег остался лежать лишь на мшанике. На камнях же он быстро растаял, обнажив птербатые скулы утесов, ревниво наблюдающих за нашей работой.

Почти все утро ушло на составление отчета, описи и консервации находок. В процессе обнаружилась недостача нескольких костных фрагментов, что очень омрачило наше настроение. Перевернули вверх дном весь лагерь. Как потом выяснилось, порвались упаковочные пакеты, когда при резко испортившейся погоде, под винтами зависшего вертолета впопыхах снимали автономный лагерь. К обеду вчетвером мы отправились через ледник на их поиски. Почти сразу нашли все утерянное — радости не было предела!

Еще до обеда недалеко от базового лагеря были сделаны заготовки для памятного креста: в «бухте Смиренникова» плавника нужного качества и размеров не найти. Пилить было немного, но трудно. В результате две цепи от бензопилы совершенно затупились и теперь уныло валялись возле палатки. За десятилетия просаливания в морской воде дерево обретает свойства металла, вместе с опилками высекаются искры, а звук неприятно режет уши. В вертолет все загружалось отдельными фрагментами. Крест получился высотой около семи метров и настолько массивным, что своими силами даже на веревках и блоках поднять его на месте сразу не удалось. Благо вскоре вернулись вертолетчики, и дело зашпорилося. Рядом с крестом на огромном камне подготовили площадку для мемориальной таблички:

«На этом месте найдены
останки одного из участников
полярной экспедиции 1912—1914 гг.
лейтенанта Г.Л. Брусилова
на шхуне «Св. Анна»

*ФСБ России, клуб «Живая природа»
август 2010 г.
Охраняется государством».*

Вечером полный штиль.

5 августа 2010 года.

В этот день природа откровенно не жалела красок. Покрытое оплавленным льдом плато завораживающе рдело на утреннем солнышке. Темное море неспешно перекатывало непосильное бремя тяжелой волны, слизывая с сырого берега зазевавшихся рачков и унося их на корм прибрежным рыбам. Погода баловала теплом и безветрием, хотя на лужах возле нашей палатки и в умывальнике к утру стоял лед.

День выдался суматошным: к восьми утра прилетели два вертолета со столичными журналистами. Все понимали, что это неизбежность, однако такую «подарочную» погоду было отчаянно жаль тратить на интервью и разговоры. Да и люди, приехавшие из душной Москвы делать свои репортажи, скорее всего, так и не поняли, в каких реальных условиях нам приходилось работать и почему под глазами у встречающих их людей залегли темные тени. В тот день Земля Франца-Иосифа действительно напоминала какой-то экзотический

курорт: кристально-ясное в нереальную синеву небо, совсем не по-полярному ласковое солнце, журчащие ручейки, тонкий пьянящий запах цветущих трав и влажного моха, все это так не похоже на то, что мы видели на протяжении двух последних недель!

Нам, конечно, очень хотелось, чтобы с помощью журналистов поиски экспедиции Г.Л. Брусилова стали нужны кому-то еще, кроме нас. Мероприятия подобного исторического значения должны проводиться при серьезном финансировании и поддержке государства. Мы же, за исключением неоценимой помощи авиации ФСБ России, собирались на собственные средства и помощь друзей. Снаряжение, почти как у Альбанова, нередко делали буквально на коленках! Впрочем, чему удивляться? *«В тысячу раз лучше было бы пойти на разорение в Нью-Йорке, чем взять на себя страшную ответственность отправиться в Антарктику, отказавшись от какого-нибудь предмета снаряжения, необходимого для безопасности участников, как бы дорого он ни стоил. Сбор денег для полярных экспедиций — всегда трудная задача. Мне не случилось встретить исследователя, который не разорился бы либо не был близок к разорению»*. Эти слова в 1928 году написал в своем дневнике знаменитый американский исследователь Антарктиды Ричард Эвелин Бэрд. А вот описание сборов в полярную экспедицию Роберта Фолкона Скотта. *«Организуя эту экспедицию, Скотт должен был действовать как моряк, купец, ученый, администратор и нищий, просящий подаяния. Грустно сознавать, что ему пришлось потратить так много*

времени на сбор фунтов и шиллингов»¹. Из воспоминаний Эванса², участника антарктической экспедиции Скотта: «Наши начальник с несомненным удовольствием пустился в плавание на «Терра Нова», которое, хотя и обещало быть более длительным, избавило его от коммерческих дел и от болтовни множества господ, радовавшихся встрече с ним до тех пор, пока он не пускал шапку по кругу и не начинался этот отвратительный сбор денег»³. Что здесь уже говорить о том, как и на какие средства осуществлялись отечественные экспедиции Брусилова и Седова.

Как бы там ни было, по фантастическому ли схождению звезд или в награду за самоотверженность, но своей цели мы достигли. Наша экспедиция дала ценный научный результат, став, пожалуй, одной из самых значительных в историческом плане за последние десятилетия в Арктике. А не это ли главное?

Беглые интервью у базового лагеря, и мы перелетаем на место основных находок. За штурвалом головного вертолета живая легенда — генерал-лейтенант авиации, начальник Управления авиации Федеральной службы безопасности Российской Федерации Николай Федорович Гаврилов. В 2002 году он был удостоен звания Герой Российской Федерации с формулировкой «за мужество и героизм, проявленные при

¹ Ладлем Г. Капитан Скотт. Перевод с англ. под редакцией Л.И. Дубровина. Гидрометеиздат, 1989.

² Имеется в виду лейтенант Эдвард Эванс, капитан «Терра Новы». На Южный полюс с Р. Скоттом пошел и погиб вместе с ним унтер-офицер Эдгар Эванс.

³ Г. Ладлем. «Капитан Скотт».

выполнении специального задания». Что это было за «специальное задание», знает очень узкий круг людей, но военный летчик-снайпер, девять лет воевавший в небе над Афганистаном, летчик-испытатель 1 класса, человек, посадивший Ми-8 на оба полюса земли, оказался на Земле Франца-Иосифа совсем не случайно. Когда мы обратились к нему с просьбой оказать содействие нашей экспедиции, ответ последовал однозначно и незамедлительно: чем смогу — помогу. Николай Федорович тоже в свое время читал каверинские «Два капитана», а уж когда мы привезли ему книгу Альбанова, загорелся не на шутку. Так мы познакомились с замечательным человеком, а наша экспедиция получила надежного союзника.

Корреспонденты улетели только ближе к вечеру. День был полностью загублен, и народ изнывал от вынужденного безделья. Тут мне почему-то вспомнилось, что мы в этом году до сих пор еще не купались в Баренцевом море. Лето все-таки! Соратники нашлись моментально: Леня Радун и Саша Унтिला. Взяли шлепки, полотенца и отправились к берегу. Прибрежная зона метров на сто в море была сплошь забита обсосанными солнцем и морской волной обломками льда, которые с глухим рокотом выкатывались на берег, словно гигантские шары от кегельбана. Почесав для пущей важности затылки, с душераздирающими криками мы нагишом бросились в студеную воду. В крещенские морозы вода в ледяной проруби в Подмоскovie редко опускается ниже +7 °С, здесь же было около 0 °С. Две-три минуты мы бесились в этом соленом игристом коктейле со льдом и, скукожившись в три погребели, повыскакивали на берег.

— Леня, — Саша хитро прищурил глаз, — ты случайно не прихватил с собой волшебную фляжку?

— Обижаешь, — Леонид потянулся к заветной емкости, — лови!

Спирт, по старой полярной традиции разбавленный «по широте», то есть практически не разбавленный, приятно и быстро согрел нас изнутри.

— Родине не нужны полярники, которые после выпитого теряют над собой контроль. Выпил грамм пятьсот-шестьсот — осмотришься! — казарменный юмор ценнейший спутник в подобных экспедициях. Мы повторили второй заход в море и к фляжке и, растершись полотенцем до багрово-красных тонов, одевались уже неспешно.

— Может, еще раз рвануть через ледник, вдруг еще находки? — трудолюбивый, как юнга парусного судна, Унтила однозначно не хотел униматься.

— Нереально! Мы там уже целый карьер вырыли. Нужно идти к Гранту, — и все с затаенной грустью посмотрели на небо: скоро, уже совсем скоро прилетят за нами винтокрылые железные птицы. Мы прекрасно понимали, что в этом году полевой сезон для нас в этих краях заканчивается и времени не остается даже для полноценной разведки. А всего через несколько недель этот маленький клочок земли накроет снежным саваном бесконечная полярная зима.

6 августа 2010 года.

Сегодня удивительный день. Погода начала портиться так же внезапно, как и устанавливаться. С раннего утра, почуяв неладное, я начал метаться по берегу, беспрестанно пытаясь

дозвониться домой по «спутнику». Но телефон упорно молчал, как убитый. Я смутно догадывался, к чему бы это, и взвинчивал себя еще больше.

— Хватит слоняться, как медведь, — осадил меня Леня, — надо пробежаться еще вон по той полке, — и указал ледорубом в нависающую невдалеке скалу. Это уже потом я узнал, что «нарезанная задача» была им придумана специально, чтобы отвлечь меня от тревожных мыслей, а тогда я с необычайной прытью собрал рюкзак и нацепил «альпуху». Мы вошли в скальный кулуар. Под ногами знакомо и убаюкивающе поскрипывал ледник. Поднявшись через две террасы к середине утеса, мы двинулись траверзом по узкой полке к намеченному выступу.

— Перекурим? — почему-то мне захотелось остановиться именно здесь. Уж очень романтично выглядел отсюда базовый лагерь, слишком близко был момент расставания с этой дикой и необузданной природой.

Скинув рюкзаки, мы присели рядом. Говорить особо не хотелось. В это время в море, метрах в пятидесяти от берега, я заметил одиноко плывущего моржа. Вообще-то морж — существо стадное, а тут один на мелководье, параллельно берегу. Я кивнул в сторону зверюги.

— Мать-моржиха, — задумчиво вспомнил северный фольклор Леня, устремив затуманенный взгляд в морскую даль.

В следующую секунду совсем рядом раздался грохот, переходящий в протяжный гул. Мы инстинктивно оглянулись: место, где только что лежали наши рюкзаки, вместо уступа стало отвесной стенкой, а наши вещи были метрах в сорока внизу, у подножья скалы. Путь обратно был отрезан,

поэтому возвращаться пришлось в обход через ледник. Уже спускаясь к лагерю, я понял, что произошло что-то важное: ребята загадочно прятали глаза и, как-то нездорово улыбались. Опрометью ринулся к спутниковой связи.

— У нас девочка, три килограмма сто двадцать грамм, родилась в 17 часов 50 минут, — дальше слушал уже как сквозь пелену.

Кутаясь по глаза во время ночных вахт, обливаясь потом на леднике, дрожа от холода и сырости в автономке, я ждал, что вот-вот на свет появится маленький комочек новой жизни, который всего через несколько месяцев промурлыкает мне ласковое «папа». Но оказался в очередной раз совершенно не готов к этому событию. Пришлось отворачиваться к морю — на глаза навернулись неожиданные слезы. Жизнь продолжается! Здесь в это трудно поверить, но это так. Это свершившееся таинство, которое вдохновляет тебя и делает сильным. Новая жизнь! Как ты там? Жди меня!

Что тут началось! Ребята, поздравляя, радовались едва ли меньше моего. Откуда-то вдруг появились фальшфейеры, ракетницы, салют из всего чего можно и даже нельзя, ну и «боевые» сто граммов за здоровье новорожденной...

Из дневника Александра Конрада:

«28 июля 1912 года в 3 ч 55 мин пополудни наше судно под громовые крики «Ура!» снялось с якоря и медленно плавно начало спускаться вниз по течению. Со встречных пароходиков пассажиры кричали «Ура!». В Финском заливе встретили яхты «Стрела» и «Нева», которые шли к Петербургу от Кронштадта. Вся команда на обеих яхтах

была выстроена во фронт и с громовым «Ура!» пожелала нам счастливого пути. Кто не желает своему Отечеству добра, чести?»...

А через три месяца в Санкт-Петербурге у Елены Александровны Конрад родился мальчик, первенец, которого отцу суждено было увидеть только через два долгих года! О чем он думал, этот суровый и замкнутый человек, с трудом переставляя по ледовой каше распухшие ноги, полный отчаянья, но, все еще стараясь не терять остатков надежды на пути к заветной цели?

Ночью случилось ЧП. Мы проснулись от запаха гари — пластиковый чехол от моего карабина упал на горячую трубу печки и загорелся. Оружия в нем не было, но два снаряженных магазина калибра 7,62 могли наделать много бед. Уже утром, пытаясь срезать остатки нагара от остывшей плиты, доктор Майоров глубоко рассек себе руку. Кровь удалось остановить, рану перевязали, но по-хорошему ее надо было зашивать. Кажется, начинает работать так называемый «синдром дома», или как это называют психологи «завершающее эмоциональное напряжение», когда близость родных стен создает иллюзию безопасности, появляется невнимательность и расслабленность. Не это ли погубило наших предшественников, чьи следы мы здесь ищем?

Сегодня мы запечатали в гурий на месте базового лагеря Джексона свою капсулу с запиской:

«28 июля 2010 г. В 12: 30 по московскому времени Российской комплексной экспедицией на этом месте

была обнаружена каменная пирамида (тур), в которой находились фрагменты жестяной банки с истлевшими остатками записки следующего содержания: «The Jackson-Harmsworth Polar Expedition. We the undermentioned six members...». Цели нашей комплексной экспедиции сводились к исследованию самого крупного и наименее изученного острова Земли Франца-Иосифа — Земли Георга, поиску следов освоения Арктики русскими мореплавателями, в частности, части пропавшей экспедиции Георгия Брусилова на шхуне «Св. Анна», 1912—1914 гг. По состоянию на 28.07.2010 г. обнаружены останки и личные вещи одного человека, поддающиеся идентификации. Экспедиция продолжается, самочувствие всех участников отличное. Погода ок. 0°С, слабые осадки, ветер N, 15—20 м/с. Состав экспедиции:

1. Продан Олег Леонидович, ст
2. Чичаев Александр Николаевич
3. Ферштер Евгений Левитович
4. Мельник Владимир Михайлович
5. Николаев Андрей Васильевич
6. Рябцев Сергей Владимирович
7. Радун Леонид Семенович
8. Майоров Михаил Юрьевич
9. Дановский Артемий Андреевич
10. Буйнов Роман Петрович
11. Унтила Александр Павлович

Просьба, нашедшему данное послание сообщить по любому из указанных контактов (прилагаются).

БОРОТЬСЯ И ИСКАТЬ, НАЙТИ И НЕ СДАВАТЬСЯ¹

28.07.2010»

Уже ближе к вечеру начали сворачивать базовый лагерь.

7 августа 2010 года.

Сегодня был ранний подъем, времени на сворачивание остатков лагеря в обрез — погода может испортиться в любую минуту. Опять неподъемные ящики обрывают нам руки, но работа кипит весело, все соскучились по дому, да и брошенных на Большой земле дел накопилось предостаточно. Закончив со сбором снаряжения, решили оставить на месте нашего бывшего лагеря продуктовое депо. И тут у всех заработала творческая фантазия: кто-то настаивал на тушенке, любители сладкого ратовали за сгущенное молоко, конфеты, кому-то было просто необходимо засунуть в контейнер пряности. Я посчитал, что пачка папирос и немного спирта будущим путешественникам тоже не помешают. А еще каждый из нас оставил здесь частичку своей души: полярное братство, оно и сквозь столетия братство! Провизию закупорили в большой пластиковый бидон с винтовой крышкой, частично врыли, насколько это было возможно

¹ В оригинале «To strive, to seek, to find, and not to yield!» — заключительная строка из стихотворения знаменитого английского поэта Альфреда Теннисона (1809—1892) «Улисс». Они высечены на могиле полярного исследователя Роберта Скотта, погибшего в 1912 году во время обратного пути с Южного полюса. Впоследствии она стала девизом героев романа Вениамина Каверина «Два капитана». Стихотворение написано по случаю перезахоронения останков американского писателя Эдгара По в 1875 году, которое было зачитано на церемонии.

в мерзлый щербень, а сверху сложили каменную пирамиду. Пользуйтесь, бродяги!

Наконец, все собрано к отъезду, однако лег такой туман, что его можно резать ножом. Теперь вертолетов не жди. Вот она Арктика! Своенравная, непокорная и непредсказуемая! Ей не привыкать преподносить сюрпризы тем, кто осмелится нарушить ее тайны! Ветра нет совсем, поэтому, когда развеется небо, непонятно. Все вещи старательно завинчены в транспортировочные ящики — не доставать их, право же. Распаковали только кухонную палатку, прямо на камнях расстелили коврики и... как младенцы...

8 августа 2010 года.

Погода установилась к утру. Не сказать, чтобы выглянуло солнце, и на склонах проснулись ручьи. Однако видимость и скорость ветра позволила все-таки нам покинуть район поиска и перенестись в цитадель цивилизации — пограничную заставу «Нагурское». Бросив прощальный взгляд на место бывшего лагеря, Олег Продан довольно прищурился: ничто, кроме двух выровненных, расчищенных от камней площадок под палатки, не напоминало о длительном присутствии здесь человека: контейнер с мусором был уже погружен вместе вещами на Ми-8.

На заставе нас ожидало интересное знакомство. В бухте Северной второй день стояло на рейде научно-экспедиционное судно «Михаил Сомов». Этот корабль сошел с верфи Херсонского судостроительного завода 28 февраля 1975 года и за тридцать пять лет плавания побывал во всех закоулках земного шара. В последние годы он в основном используется

для снабжения российских научных экспедиций в Арктике, доставки на гидрометеостанции, пограничные заставы и иные объекты персонала, оборудования и припасов, а также для проведения научных исследований состояния арктических льдов. На «Михаиле Сомове» находился священник, который в 2008 году с иконой Державной Божьей Матери обогнул всю территорию России, выйдя с двумя спутниками на весельно-парусной (!) лодке из Архангельска. Курс, как и у «Св. Анны», был взят на Владивосток! Карское море и на этот раз оправдало свое давнее прозвище «мешок со льдом»: в районе острова Диксон лодка с символичным именем «Русь Святая» была остановлена льдами, дальнейшее путешествие по Северному морскому пути проходило на сменяющихся друг друга ледоколах. Южные и западные границы были пройдены на автомобиле. Все путешествие заняло около семи месяцев, из них пять в открытом море. В июле 2008 года, когда отец Дмитрий (так звали священника) шел на своей лодке на восток через Югорский Шар, мы с Евгением Фершгером и группой наших товарищей шли в Нарьян-Мар с Новой Земли, пробиваясь через Карские Ворота на парусно-моторных яхтах. Разошлись мы тогда с батюшкой в пару десятков миль, да видимо на Севере случайностей немного, и теперь спустя два года наши пути все же пересеклись. Долго рассматривали фотографии этого уникального путешествия, делились впечатлениями, а потом отец Дмитрий отслужил службу в недавно возведенном храме Николая Чудотворца — самой северной в мире православной обители! Необычно было стоять на православном богослужении в августе, в хорошо отапливаемом

срубке бревенчатого храма и видеть сквозь подернутые инеем подслеповатые окошки бескрайние ледяные просторы.

На заставе, кроме радушного приема, нас еще ждал горячий душ, банька с фантастическим (пограничники не пожалели!) настоящим березовым веником и мягкие постели. Вечером, разомлев после парилки, мы устроили себе небольшой праздничный ужин в честь окончания работ в этом сезоне, а также дня рождения нашего командира. За разговорами и планами на будущее незаметно наступила ночь, а в это время в московском аэропорту Шереметьево уже разгонялся по взлетной полосе Ан-72.

10 августа 2010 года.

08: 20. Вот уже более двух часов мы летим над бескрайними просторами Баренцева моря. В начале седьмого прилетевший за нами самолет взял нас на борт и, несмотря на начавшийся снег, понес к Большой земле, взяв курс на Архангельск. По дороге нам необходимо было выполнить еще одну печальную миссию. Пассажир «Михаила Сомова», ехавший на смену сотрудников метеостанции где-то на Новой Земле, внезапно скончался от сердечного приступа. Мы обязались доставить его тело домой, в Архангельск.

10: 30. Столица поморов. Шасси с легким скрежетом коснулись материка, и все как-то разом облегченно вздохнули. Выполнив порученную миссию, переоделись уже соответственно московскому зною. Самолет заправил топливные баки, и уже через час мы вышли на финишную прямую. Загадочная земля, где исчезают параллели и сходятся все меридианы, осталась далеко позади.

Глава III

НА МАТЕРИКЕ

И наш обыденный уклад, сложившийся годами,
Где суета сует владеет всем,
Мешает нам расслышать крик седого мироздания,
Что мы живм не так и не затем.

С. Трофимов

Жизнь в уездном городке не заканчивается, даже когда из него уходят гусары. Жизнь экспедиции не прекращается, даже когда разобраны последние вещи в рюкзаке. У меня этот процесс (да и не только у меня), иногда затягивается на полгода: пока там лежат последние носки, формально я еще в экспедиции. Рюкзак мой еще долго живет своей жизнью, обиженно прислонившись к какой-нибудь стенке и мешаясь под ногами у домашних. Но всякий раз я под разными предлогами намеренно обхожу его стороной, пытаюсь хоть как-то продлить свое пребывание «там».

Итак, мы возвращались домой. Разглядывая в запотевший иллюминатор окутанную густым изнуряющим смогом суетящуюся без усталости Москву, я невольно ощутил, что все настоящее осталось далеко позади, в тех краях, где сквозь мохнатую гриву седого тумана проглядывают смутные очертания холодной безжизненной земли. С расстояния в несколько тысяч километров все происшедшее теперь уже кажется совершенно нереальным. Неужели все это действительно было с нами? Неужели нам довелось побывать и оставить свой след там, где каждый камень помнит поступь великих и мужественных исследователей?

Большая земля, как всегда, закружила бурным водоворотом событий. Несмотря на это, обработка полученных результатов и материалов экспедиции не прекращалась ни на один день. Первым делом мы отправили найденные останки участника экспедиции Г.Л. Брусилова в российский Центр судебно-медицинской экспертизы Минздрава России. Здесь их детальным изучением занялся лично заведующий отделом идентификации личности профессор В.Н. Звягин, один из самых авторитетных на сегодняшний день судмедэкспертов, который, в течение многих лет занимался идентификацией останков царской семьи, восстанавливал по фрагментам черепа, как выглядели Витус Беринг, Иван Сусанин и княжна Тараканова. К великому сожалению, костей черепа мы как раз предоставить Виктору Николаевичу и не смогли. Арктика, будто опомнившись, что уже и так отдала слишком многое, захлопнула свои окованные ледяной броней двери прямо перед самым нашим носом.

Найденные дневники и их фрагменты были отправлены в Центр специальной техники института криминалистики ФСБ России. Я же засел за написание книги...

К тому времени я уже был знаком с уфимским писателем Михаилом Андреевичем Чвановым, который вот уже более тридцати лет кропотливо собирает уникальные материалы по экспедиции Г.Л. Брусилова и неоднократно переиздает со все новыми дополнениями свой роман-поиск «Загадка штурмана Альбанова». Когда-то, на подмосковной даче у своих друзей, разбираясь в заброшенном сарае, я случайно наткнулся на самое первое издание этой книги. Автора я не знал, но когда прочитал название, то пропал до

глубокой ночи. Я был немало удивлен, что существуют люди, знающие этот вопрос гораздо лучше нас. А осенью 2010 года мы встретились с Михаилом Андреевичем в писательском поселке Переделкино, в доме у его друга драматурга Константина Васильевича Скворцова, договорившись рассказать подробности нашей экспедиции и показать фотографии. После просмотра завязалась длинная задумчивая беседа за гостеприимным столом, воспоминания и пожелания нам удачи в дальнейших поисках.

— Завидую вам. Я ведь планировал такую экспедицию еще в восьмидесятых, но помешал развал СССР. Сколько раз потом я стремился попасть в те места, да так и не сложилось, — в голосе Чванова сквозила плохо скрываемая грусть.

— Михаил Андреевич, рискуете! Не боитесь, что предложим пойти с нами на следующий год?

— Эх, молодые люди! Мне уж шестьдесят шесть стукнуло, чего мне бояться, — и вдруг, сразу переменившись в лице, добавил уже по-деловому, — вы это серьезно?

Так в нашей команде появился еще один участник, вернее, кандидат экспедиции на Землю Франца-Иосифа в 2011 году.

— А почему ты все-таки решил написать книгу? — спросил меня Михаил Андреевич, когда мы вышли перекурить в осенний сад.

Признаться честно, этот простой, казалось бы, вопрос известного писателя поставил меня тогда в тупик. Еще летом 2010 года Сапа Чичаев, посмотрев, как старательно я веду дневниковые записи, как бы в шутку обронил:

— Взял бы, что ли, книгу уж тогда написал!

Книгу! Нашел писателя. Тогда я от души посмеялся, но семя упало в благодатную почву, и по возвращении домой матовая гладь бумажного листа постепенно начала заполняться чернильными каракулями моего безобразного врачебного почерка. Вначале это были нескладно записанные по ночам рванные мысли. Потом работа захватила меня с головой, и день за днем, мы растили друг друга: я — книгу, она — меня. Когда все было готово, возник неожиданный вопрос: может, и не нужно уже издавать ее, может быть, вполне достаточно того, что я вырос с ней сам? Действительно, зачем писать о том, о чем сказано так много всего интересного и, главное, правильного. Кропотливейшими поисками многие десятилетия занимались гидрограф Владилен Александрович Троицкий и краевед Валентина Зиновьевна Кузьмина. Именно этим людям в первую очередь мы обязаны тем, что сейчас доподлинно известно по экспедиции Г.А. Брусилова. Это они всеми правдами и неправдами попадали в различные архивы, колесили по всей стране в поисках оставшихся родственников полярников, собирали чудом сохранившиеся письма, выступали с докладами. К моему великому сожалению, Владилена Александровича уже давно нет, а вот неутомимая Валентина Зиновьевна до сих пор с небывалой настойчивостью работает над этой темой и делает интересные публикации.

Увы, но есть и другие, кабинетные и каютные «исследователи», которые чаще невольно, но иногда и вполне преднамеренно занимаются откровенной исторической фальсификацией и собиранием небылиц, не стесняясь публиковать несуразные сплетни под прикрытием своих солидных научных званий.

Собственно, начал-то я писать книгу не только о штурмане Альбанове и экспедиции Брусилова, но и о тех замечательных людях, с которыми мне посчастливилось встретиться в Арктике. Об их характерах, нелегких трудовых буднях и настоящей мужской дружбе; их непростых, порою суровых, но чертовски интереснейших судьбах.

Реально выношенная книга — это как больной зуб: пока его не вырвешь, он будет занимать твое сознание до последней клеточки серого вещества. Начавшись с простого желания изложить на бумаге накопившийся материал, со временем это перерастает в острую клиническую потребность, занимающую все больше места в твоей жизни!

«В декабре 2004 года в Московском центре Русского географического общества, что в институте географии на Старомонетном переулке, представляли книгу об острове Врангеля. Автор интересно рассказывал об этом действительно уникальном месте на крайнем северо-востоке российской Арктики, и председательствующий даже продлил время его доклада. Когда и это время истекло, один из присутствующих в зале попросил слова и поднялся на трибуну. Представился — заместитель директора заповедника «Остров Врангеля». Его выступление свелось к доказательствам необъективности изложения в книге научных работ коллектива заповедника, мол, в книге клевета, а главное — обвинил автора в краже архива, «первички», как говорят ученые. Посыпались обвинения. Ход заседания секции Географического общества принимал неприятный поворот. Видимо, чтобы достойно выйти из сложившейся ситуации, слово дали старейшему члену общества Зотикову Игорю

Алексеевичу¹. Он — автор серии интереснейших книг об Антарктиде и Арктике. «Что не написано — история смеет. Пишите книги!» — было им сказано. «У него книга есть, а у Вас ее нет». На этом и разошлись. Уже дома я прочитал в «Сагах полярных морей» И. Зотикова продолжение этой мысли: «Какой удивительной властью обладает тот, кто записывает события. Почти сто пятьдесят лет прошло с тех пор, когда написаны эти каракули (речь идет о дневнике 1848 года). Но благодаря им, то, что происходило тогда, было. А того, что никем не было записано сразу или описано хотя бы по воспоминаниям, «не было». Волны моря под названием Время смывают все, не записанное на бумаге, как песчаные замки, оставленные маленьким мальчиком на мокром пляже, смывает наступающий прилив. Может поэтому, я и пишу». А ведь верно! Приключение, будь-то восхождение, морское или сухопутное путешествие — это нечто реальное, но до тех пор, пока оно не описано, остается слишком эфемерным, обычным воспоминанием, которое легко стирается в памяти и даже искажается в вечно меняющейся перспективе событий. Не написанное — умрет!»

Эту историю мне как-то рассказал Валерий Васильевич Кудрявцев, один из тех замечательных людей, без кого, скорее всего, не было бы ни наших находок, ни самой экспедиции

¹ И.А. Зотиков (1926—2010) — член-корреспондент РАН, полярный исследователь, гляциолог, предсказавший существование подледниковых антарктических озер, один из первооткрывателей озера Восток. Во все экспедиции брал мольберт и краски, даже на антарктическом морозе писал только с натуры.

2010 года. В далеком теперь 1996 году ему, наконец-то, удалось осуществить свою давнюю мечту: он уезжал в экспедицию на Крайний Север. Укладывая теплые вещи в свой выдавший виды походный рюкзак, сорокалетний полковник МЧС России тогда еще даже не предполагал, что навсегда попадает в плен к этим бесконечным заснеженным просторам. С тех пор тысячи страниц текстов про Русский Север из архивов, справочников, книг, летописей, заметок в журналах, монографий поглотили все его свободное время, а полярные экспедиции — практически все отпуска. Набравшись уникального многолетнего опыта, именно он уже в 2004 году сколотил вокруг себя группу единомышленников, которая в дальнейшем и составила основной костяк всех наших последующих экспедиций в Арктику. Напористый до фанатизма в достижении целей, чрезвычайно коммуникабельный и необычайно энергичный, он всегда умел грамотно мотивировать коллектив на выполнение задач в сложных экспедиционных условиях.

— Кудрявцев, он что за человек? — спросил я у Лени Радуна перед своей второй экспедицией в Арктику (во время первой Валерий Васильевич «рулил» из Москвы, и мы лично были еще не знакомы).

— Настоящий полковник, сам всё увидишь, — был короткий ответ. Леня всегда давал характеристики людям одной ключевой фразой.

Валера (ну не повернулся у меня язык к молодому крепкому мужику обращаться по имени-отчеству) всегда окружал новичков прямо какой-то отеческой заботой, вовремя умел подсказать, ненавязчиво посоветовать, сам оставаясь

при этом в тени. Бескорыстный, для него было совершенно не существенно — кто выполнит поставленную задачу, главное — она должна быть выполнена непременно! Школа Кудрявцева очень пригодилась мне в дальнейшем для понимания психологии полярного братства, способности находить с участниками самых разных по целям и масштабам экспедиций общий язык в критических ситуациях, когда нервы, подчас, бывают взвинчены до предела и, казалось, конфликт неизбежен. Когда после неудавшейся в 2009-м, наконец, совершенно четко прорезалась экспедиция 2010 года, Валера поехать не смог по семейным обстоятельствам. Нужно было видеть его глаза в тот момент! В них был такой бездонный океан с трудом скрываемой боли и затравленной грусти, что я невольно отвел свой взгляд в сторону. К изучению истории экспедиции Брусилова полковник приложил столько сил и своей поистине неиссякаемой энергии, что ему, как никому другому, должно было быть на Земле Франца-Иосифа. Тем не менее он неустанно следил за нашей поездкой и ходом поиска, вел комментарии и разъяснения в Интернете по поводу маршрута и находок, всячески поддерживал нашу команду по телефону. Как говорится, держал руку на пульсе. Уже на Земле Франца-Иосифа Саша Чичаев сообщил нам о том, что перед отъездом он получил от Кудрявцева запечатанный пакет с указанием вскрыть, только если мы что-нибудь найдем по Брусилову. Полковник и здесь неуклонно следовал лучшим армейским традициям. Мы честно вскрыли пакет только вечером 25 июля, через несколько часов после первых находок. В нем было написано следующее:

«Если Вы вскрыли этот пакет, значит, нашли то, что искали столько лет. От всей души поздравляю с этой победой! Я всегда верил в Вас, чувствовал и даже знал, что у Вас все обязательно получится. Очень прошу всех быть предельно осторожными. Всегда с Вами, обнимаю, Валерий Кудрявцев».

Уезжая в свою первую арктическую экспедицию на поиски затонувшего судна Виллема Баренца, я еще не знал, что именно Валерий Васильевич «выписал» мне путевку на Север. Не мог я и предполагать, какую существенную роль в моей дальнейшей судьбе сыграет эта, как мне казалось тогда, случайная, разовая поездка.

Арктика, несмотря на то, что человечество давно уже обзавелось мощными ледоколами, современной авиацией, спутниковой связью и прочими достижениями научно-технического прогресса, по-прежнему своенравна, непокорна и предельно независима! Не это ли во все времена влекло сюда крепких духом — помериться силами с чем-то по-настоящему великим? Спросите любого, кто хоть раз бывал на Крайнем Севере, и он непременно скажет вам, что с Арктикой можно только на «Вы». Она не прощает неуважения и развязной фамильярности, но если ее полюбить всем сердцем, то когда-нибудь и она ответит взаимностью и уже никогда не отпустит вас.

Уникальность этого региона и в том, что в таких условиях обычные повседневные жизненные ценности приобретают совершенно иной, непривычный для нас смысл. До крайности упрощенная жизнь неизбежно приводит к заключению, что многие вещи не столь уж и значимы, как это казалось ранее.

Кажется, что сам воздух здесь кристально-чист и не только в физическом понимании. Он чист духовно: от скверны, мелочности, алчности и склок. Австрийский исследователь Арктики Юлиус Пайер, не раз за свою трехлетнюю полярную одиссею на судне «Адмирал Тегетхоф» бывавший на волосок от смерти, сумел постичь это в полной мере:

«Путешествие внутрь арктического мира — задача многотрудная. Страннику, избравшему ее, должно приложить все свои духовные и физические силы, чтобы отвоевать у тайны, в которую он жаждет проникнуть, скудные крупицы знания. Ему необходимо запастись несказанным терпением для защиты от иллюзий и неудач и идти к цели, даже когда она обернется игрою случая. Целью этой должно быть не удовлетворение тщеславной гордыни, но расширение наших познаний. Годы человек проводит в страшнейшем изгнании, вдали от друзей, от радостей жизни, окруженный опасностями и тяготами одиночества. Вот почему поддержать его способно лишь идеальное в этой цели; иначе он, впадши в духовное раздвоение, блуждает во внутренней и внешней пустоте»¹.

Сейчас стали много и активно говорить о потере нравственных ориентиров, отсутствии некой национальной идеи. Неожиданно вспомнили и о патриотическом воспитании молодежи, правда, не всегда себе ясно представляя, что же это такое. Так вот же она, кузница личности, прямо перед нами! Взгляните на карту России, и вы поймете, что великое рядом!

¹ Пайер Ю. 725 дней во льдах Арктики. Австро-Венгерская полярная экспедиция 1871—1874.

«Это страна мужчин, бородатых «по делу», а не велением моды, страна унтов, меховых костюмов, пург, собачьих упряжек... — олицетворение жизни, которой вы, вполне вероятно, хотели бы жить, если бы не заела проклятая обиденка. Во всяком случае, вы мечтали об этом в юности... У вас вдруг сожмет сердце, и вы подумаете без всякой причины, что до сих пор жили не так, как надо». Эти строки принадлежат перу Олега Михайловича Куваева и написаны еще в 1975 году¹. Ведь именно здесь, в этом застывшем в своей бесконечности мире морозов и вьюг, способен выкристаллизироваться со временем настоящий, глубокий характер мужчины, на склоне лет имеющего моральное право не без гордости сказать: «А ведь кое-что в этой жизни я сделал!»

На материке лабораторные исследования дневников затягивались: пришлось проводить слишком большой объем восстановительных работ, которыми занимались сразу два отдела института криминалистики. Поэтому параллельно этим же вопросом мы занимались самостоятельно по оставшимся у нас фотокопиям. Разглядывая снимки найденных дневников, мы с ребятами наткнулись на прелюбопытную запись, в которой неизвестный автор повествует о том, что сегодня у него день Ангела. Сама по себе информация эта чрезвычайно ценная, если бы не одно «но»: невозможно разобрать конкретной даты этого события. Начала пока бессвязных, коротких строк изъедены временем, и все никак не удавалось сложить отдельные

¹ Куваев О.М. Территория.

фрагменты в единое целое. Предыдущая читаемая дата дневниковой записи 15 июля, последующая 31-го. У кого же в этом двухнедельном интервале могли быть именины? Оказывается, у троих из четырех пропавших без вести человек: Петра Максимова, Павла Смиренникова и Владимира Губанова. А если это дневник не кого-то из этой пропавшей четверки, а из каячной группы или вообще какого-нибудь матроса, оставшегося на корабле? Могло ведь быть и такое! Этот очень большой отрезок времени включал в себя слишком много различных именин и никак не позволял нам сделать однозначные выводы. К каким только ухищрениям не приходилось прибегать, лишь бы суметь прочитать хотя бы одну лишнюю букву! Менялся угол падения света, фотокопии контрастировали на компьютере, изменяли цветовую гамму, расстояние до исследуемого объекта. Так, не зная, что бы еще придумать, я дошел до измерения размеров букв штангенциркулем. И вот однажды, листая в очередной раз копии страниц дневника, я попробовал дописать по смыслу и размеру букв почти исчезнувшие от времени фрагменты. Это заняло не одну долгую зимнюю ночь, но вот что из этого получилось:

«15 июля за последнее время убито 17 тюленей. 1 маленький медвежонок околел, и одного медведя убили около самого судна. Стреляли по борту. Работа палубной команды производится все время для освобождения судна от льда, но выбраться изо льда пока нет никакой надежды. Видимо, что останемся на еще одну зимовку. Очень скучно. В светлый день моего Ангела, я на целый день освобожден от работы. Штурман поздравил меня и дал немного табаку. Шленский

угостил... Я вспомнил как проводил этот день среди знакомых и мне так стало скучно, впереди... солнце преде... Лед около судна образовал трещины.

31 июля был убит почти у самого борта вахтенным Луняевым 2 час. ним... медведь. Утром собака Граммофон, уйдя по следу убитого медведя, и по вечеру не вернулась».

Внезапно промелькнувшая догадка ошеломила. Да нет никакой промежуточной даты между 15 и 31 июля! Это все написано 15 июля, а там, где мы раньше предполагали еще одну несохранившуюся дату, были просто нечитаемые слова. Большинство дневниковых записей лаконичны и меланхолично однообразны, что-то вроде «сегодня убили медведя. Ветер SW. Мороз 25° R». Дни бесконечно тянутся, похожие друг на друга как близнецы-братья. Писать просто не о чем! А тут в жизни у писавшего эти строки человека происходит значимое событие — именины. Его в честь такого праздника освобождают от всех работ на судне, потому и дневниковая запись в этот день такая нехарактерно длинная — ему просто нечем было себя занять!

До утра я дождаться не смог. Зуд нетерпения безжалостно сверлил меня насквозь, настолько ключик к разгадке лежал уже рядом. Боясь, как бы не спугнуть удачу, в первом часу ночи звоню в Рязанскую область знакомому священнику.

— Отец Вадим, здравствуйте! — начал я, позабыв от волнения даже представиться, но, видимо, выручил определитель номера, — ради Бога, извините, но мне очень нужно знать, у кого в день 15 июля по старому стилю именины?

Повисла недолгая пауза, показавшаяся мне тогда целой вечностью.

— Какого года? Это может быть важно, — было ощущение, что батюшка даже не удивился беспардонности моего звонка и неуместному для такого часа вопросу.

— 1913-го...

Еще одна бесконечная пауза. Видимо, время все-таки остановилось.

— Сразу сказать не могу, но посмотрю святки, а завтра утром тебе перезвоню, — в трубке слышались гудки, а мне стало стыдно за свою нетерпеливость, которую я к тому же так и не смог удовлетворить.

Прикурив раскисшую и давно потухшую в зубах папиросу в попытке хоть как-то отмахнуться от навязчивых мыслей, я забегал из угла в угол, натываясь с досады то на стол, то на табуретки. И кто только строил эти клетушки! Нужно как-то дождаться утра. Но как?! Внезапно раздался звонок, и на дисплее мобильного телефона появилась запись: «Вадим Овсянников». Поперхнувшись от неожиданности дымом, я судорожно схватил трубку:

— Слушаю...

— Роман, я так понял, что тебе это срочно. Тогда записывай: 15 июля 1913 года старого стиля именины у Василия, Владимира и Устина. Ты все копаешь по своей северной экспедиции?

— Все копаю, батюшка, все копаю. И, кажется, вы мне очень помогли. Обо всем расскажу при встрече. Еще раз извините за поздний звонок!

— Не извиняйся. Богоугодное дело делаете, — успокоил меня священник, — до встречи!

Его полотна выставлялись в крупнейших картинных галереях Лондона, Парижа и Америки. До того как заняться живописью, почетный член-корреспондент международной академии культуры и искусства, художник с мировым именем, Вадим Овсянников долгие годы реставрировал фрески во многих российских храмах. О таких вещах не спрашивают, но возможно, что именно это и привело его к Богу. Отстранившись от мирской суеты, сейчас он служит скромным священником в маленьком храме рязанской глубинки...

В груди уже знакомо заколотило. У Василия, Владимира и Устина! На всякий случай я кинулся пересматривать копию рукописи судебной роли «Св. Анны», написанную собственноручно Г.Л. Брусиловым, которую и без того помню как «Отче наш». Ни Устинов, ни Василиев в ней, конечно же, не было. А вот Владимир... Мало того, что на суде был единственный Владимир — машинист Губанов, так еще как раз именно он-то и шел в пропавшей пешей группе Петра Максимова! Получается, что не Смиренников, а Владимир Губанов автор найденного дневника? Но как же ложка, часы?..

Масла в огонь подлило пришедшее в марте неожиданное заключение из Центра судебно-медицинской экспертизы от профессора Звягина:

«Костные останки принадлежат мужчине 25—29 лет, крепкого телосложения, рост 170—173 см, размер обуви 40—41... В найденных останках повышенное содержание свинца, что характерно для людей, в течение длительного времени проживающих в Прибалтике».

В Прибалтике? Постойте, но тогда это Регальд! Что же получается? Ян Регальд погибает на склоне морены, имея при себе дневники Владимира Губанова, а часы и ложку Павла Смиренникова. О чем это может говорить? Да только о том, что был он последним из оставшихся в живых! Поэтому-то у него и собираются все «полезные» вещи умерших товарищей: ложка и часы нужны всегда, дневник можно использовать просто для розжига огня — вряд ли он тогда думал о том, чтобы доставить его на Большую Землю. Значит ли это, что его спутники не дошли до этого места? Или, наоборот, все вместе прошли дальше, но, попав в ледниковую западню, погибли, а он затем, поняв всю тщетность усилий на леднике, вернулся обратно? Прямо Тришкин кафтан какой-то: вопросов становится все больше и больше, а нам нужен четкий маршрут поиска!

В начале мая пришли окончательные результаты технико-криминалистического исследования дневников из лаборатории, занимавшейся наиболее разрушенными фрагментами текста:

«Отдельные фрагменты текста были исследованы на видеоспектральных компараторах в различных диапазонах видимой, ультрафиолетовой и инфракрасной областей спектра с целью возбуждения и наблюдения люминесценции красящего вещества, которым исполнен текст; а также с применением микроскопа с различными увеличениями и видами освещения объекта. В результате проведенных исследований было установлено...».

В очередной раз борюсь с собственным нетерпением, пробегая глазами сухие строки подробного отчета. Далее идут фотоснимки реставрированных дневников. На побуревших от времени листах уникальные специалисты смогли прочитывать то, что было скрыто от невооруженного глаза:

«...мотор, пока стрелка не упадет, отвинтить и постепенно навинчивать коническую гайку...убедиться, что масло в картере стоит на достаточном уровне...».

И так далее в том же духе. Несколько дней кряду записи про смазки, бензин, керосин, цилиндры. Даты нигде не читаемы, но по контексту понятно, что все эти события происходили после праздника Покрова, а значит, после 1 октября. Год, когда была сделана запись, понять проще: в октябре 1912-го, несмотря на то, что судно уже было заковано льдами, все еще было благополучно. Весной 1914-го отряд Альбанова покинул «Св. Анну», а значит, осень этого года тоже отпадает. Остается октябрь 1913 года. Но паровые машины с началом второй зимовки, скорее всего, уже были разобраны и законсервированы до следующей весны. На борту находился спасательный катер с бензиновым двигателем, возможно, проводилась его ревизия. А может быть и еще проще — ремонт водяной помпы. Зима все крепче сжимала свои ледяные объятия, истерзанные морозами борта надсадно трещали от чудовищных сжатий, и угроза затопления судна становилась все более реальной. Безотказное откачивание воды становилось для команды вопросом жизни и смерти!

Но дело не в этом. Подобным ремонтом на корабле в первую очередь занимаются машинисты. А как известно, на «Св. Анне» их было всего двое: Яков Фрейберг и ... конечно,

Владимир Губанов! Но Фрейберг остался на дрейфующем судне с капитаном. Могли его дневники попасть к уходящей группе? В найденных нами записях есть еще одно хорошо читаемое место:

«11 июня заметили медведя, Шленский и Фрейберг взяли ружья и пошли...Когда стали подходить ближе, медведь, увидя их, бросился бежать. Они дали два выстрела, но промахнулись. Медведь бросился в майну, стал переплывать на другую сторону. Они конечно его и убили на воде. Я и Шленский откололи льдину, Шленский сел на нее и поплыл его ловить. Доплыв до половины майны, поймал...».

В одном абзаце три действующих лица: гарпунер Вячеслав Шленский, машинист Яков Фрейберг и автор этого дневника. Это уже второе обстоятельство, свидетельствующее в пользу версии, что найденные нами дневники принадлежали Владимиру Губанову. Дневник обрывается накануне выхода отряда Альбанова со «Св. Анны». Почему он не вел дневник во время ледового перехода? Объяснение тут простое. В экспедиции 2011 года, когда ходить пришлось помногу подолгу, мне приходилось во время коротких привалов чуть не насильно заставлять себя записывать хотя бы основные произошедшие события, чтобы потом не запутаться в хронологии. Писать действительно не было ни сил, ни желания, а иногда и простой физической возможности. Но альбановцам было много раз труднее, их гнал голод! А через месяц после выхода со «Св. Анны» у Губанова появляются признаки цинги. Вот свидетельство из штурманских дневников:

«22 мая 1914 года. Цинготных у меня теперь двое: Губанов тоже заболел, и десны у него кровоточат и припухли».

Какие уж тут дневники?! Дойти, только бы дойти до этого чертова мыса Флора!

Вот пока и все мои умозаключения по поводу экспедиции на «Св. Анне». Многое еще предстоит переосмыслить и исследовать. Впереди еще одна экспедиция на Землю Франца-Иосифа. Будем надеяться, что она прольет еще хоть немного света на эту давнюю загадочную историю.

Глава IV

И СНОВА ЗФИ

Изведать то, чего не ведал сроду, —
Глазами, ртом и кожей пить простор!..
Кто в океане видит только воду —
Тот на земле не замечает гор.

В.С. Высоцкий

Почти год мы жили в полном неведении, будет ли у нашей экспедиции логическое продолжение. И вот в начале мая 2011 года наконец-то появилась более-менее достоверная информация о сроках новой экспедиции: с 15 июля всем надлежало быть «на чемоданах», вылет по фактической погоде на архипелаге. Нашей команде предстояло самостоятельно добираться до Архангельска, оттуда на Землю Франца-Иосифа нас заберут вертолеты. Предельный вес груза, который могут взять на борт вертолеты, включая нас самих, ограничен всего двумя тоннами. Но ведь у нас только одного снаряжения и провизии более двух тонн. И ничего ровным счетом из этого оставить дома нельзя! От каждого лишнего килограмма избавлялись скрепя сердце, пока запас

вещей не достиг уровня несократимого. Не помогло. Даже если оставить большую часть продуктов и запасное снаряжение, в установленный норматив не пролезает, ну никак. Выход нашелся неожиданно. Нам сообщили, что весовые «излишки» мы можем отправить в «Нагурское» спецбортотом ФСБ России из Шереметьево 11 мая в 8 часов утра. То есть у нас есть всего несколько дней. Что тут началось! Общая канва поиска принципиально отличалась от прошлого года, а поэтому палатки, снаряжение, продуктовая раскладка — все было совершенно другое, а это другое еще нужно было успеть найти, закупить, проверить и упаковать за оставшееся время. Основная задача состояла в том, чтобы загрузить и отправить на Землю Франца-Иосифа максимальное количество груза и складировать все это там до июля. Бежали с утра до ночи как полоумные, боясь упустить хоть какую-нибудь мелочь, но все было готово в срок. Сопровождать груз вылетели Олег Продан, Саша Чичаев и я.

11 мая 2011 года.

09:15. Неутомимый труженик Ан-72 покинул воздушное пространство весенней Москвы. Облегченный выдох после загрузки экспедиционных ящиков, быстрый взлет и долгая дорога с разговорами о Севере, населяющих его народах и проблемах развития региона. Ровно через три часа под нами уже простирался старинный центр поморов — Архангельск. Жесткий боковой ветер сто пятьдесят километров в час с липкими хлопьями почти позабытого снега. Погода приготовила летчикам целую обойму проблем, но опытный экипаж справился с ними блестяще.

Не буду здесь описывать то, что я наслушался сквозь открытую дверь кабины пилотов — гражданская авиация в такую погоду не летает! Мягкая по таким условиям посадка, теплая встреча и небольшая импровизированная пресс-конференция для местных журналистов в уютном зале аэропорта: планы, сроки, перспективы. Возвратившись в самолет, узнаем неприятную новость: метеоусловия в «Нагурском» ухудшились. Два дня назад там началась сильнейшая за последнее время метель. Сегодня взлетно-посадочную полосу специально для нас лихорадочно чистят с семи часов утра, но непогода продолжается: по-прежнему настойчиво пуржит. Окончательная корректировка полета ожидается примерно через час.

— Если до 15 часов ничего не решится, то на сегодня шансов вылететь, практически, нет. К вечеру погода может только ухудшиться, — «обрадовал» нас свежими новостями командир экипажа.

На всякий случай самолет заправлен по полной программе: вполне может так случиться, что, долетев до места, машину там посадить не удастся и придется возвращаться в Архангельск, а то и на запасной аэродром в Нарьян-Маре. Какое-то дежавю! Ровно год назад все это уже было, только тогда, застряв в Мурманске на трое суток, злосчастный груз вернулся обратно в Москву. И вот теперь Архангельск.

Еще до пресс-конференции в аэропорту к нам присоединился директор недавно организованного национального парка «Русская Арктика» Роман Ершов. Мы познакомились с ним в прошлом году, во время первой экспедиции «По

следам двух капитанов» на Землю Франца-Иосифа. Тогда национальный парк только что получил свой официальный статус, и на должность директора была утверждена кандидатура Романа Викторовича. Молодой руководитель, а ему нет еще и тридцати, по образованию эколог, кандидат биологических наук. В Арктике не новичок, работает здесь еще с 2005 года. Родился и вырос в маленьком старинном городке Вельске, недалеко от Архангельска. Недалеко, разумеется, по местным меркам: чуть больше пятисот километров! С детства приученный любить и оберегать природу, с годами он сделал это смыслом своей жизни и нелегкой профессией: работы на Земле Франца-Иосифа, которая территориально относится к Архангельской области, прорва. Сейчас, на этапе становления национального парка, проводятся широкомасштабные мероприятия по инвентаризации вновь образованного хозяйства, охране его территорий с целью соблюдения установленного режима, а также организация ведения научно-исследовательской деятельности и регулируемого туризма. Для общения с маленьким сынишкой и женой — лишь редкие «окна» среди бесконечной череды неблизких командировок. В своем рабочем кабинете в Архангельске застать его тоже практически нереально: неутомимый директор почти все время в «полях». Роман относится к той редкой категории людей, в которых удивительным образом совмещаются рачительный хозяин с нераспескавшимся романтиком. Как-то я спросил у него, что в его работе самое интересное.

— Да ты оглянись вокруг, интересное здесь всё! Люди, которым в Арктике не интересно, надолго тут не удержи-

ваются. Потому что то, что со стороны простому обывателю кажется кораблекрушением, для нас обычная каждодневная работа!

Ну, в этом-то он прав!

Наконец пришло сообщение, что наш самолет все-таки попробуют принять в «Нагурском», и в 14:30 призывно взревели двигатели, а через несколько минут с глухим нутряным шумом убрались шасси. И вот мы снова парим над бесконечными кучевыми облаками. Самолет в небо — водка в стакан. Очередная полярная байка незамедлительно перекочевала на страницы моего пока новенького походного дневника. Лететь еще минимум часа четыре, если, конечно, в крайний момент нас не развернут обратно.

Несмотря на оживленную беседу, полетное время тянулось неимоверно долго. Но вот и она, та самая седая земля, с грустью покинутая нами десять долгих месяцев назад. Мы прилипли к иллюминаторам и все смотрели, смотрели на нее, пытаясь через маленькое запотевшее оконце вдохнуть ее сухой морозный воздух. Вот они, эти бесконечные ультра-мариновые льды, словно распаханые тутим гигантским плугом. Какой-то миг, и мы уже мысленно выпшагиваем по ним, разглядывая застывшие, словно ребра невиданных зверей, витиеватые заструги¹. Сахарно-синие глыбы торосов придают всей этой картине особую мистическую первозданность. Под незасыпающим в это время года солнцем в мгновение

¹ Форма поверхности снега в виде узких, вытянутых по ветру гребней.

ока теряется весь никчемный здесь налет современной цивилизации.

Традиционно-гостеприимные пограничники быстро и дружно помогли нам разрешить все проблемы с экспедиционным скарбом. Покончив с привезенным снаряжением, мы разместились в уютном номере для гостей. Теперь оставшееся до возвращения домой время можно было с чистой совестью заполнить культурной программой. У Романа Ершова как раз была запланирована инспекция по «злачным» местам острова Земля Александры, и мы с радостью приняли предложение составить ему компанию. Вечером за нами должна была заехать ГТС-ка¹.

...По небу несметными легионами проносились тяжелые чернильные тучи. Штурман Альбанов сидел молча, бесцельно выстукивая финским ножом обломок нарти и наблюдая исподлобья за своими спутниками. Вот уже почти сутки они торчали на мысе Гранта в ожидании группы Максимова, идущей сюда по берегу. Ситуация складывалась критическая: всякий барьер человеческой выносливости имеет свой предел, замученные переходом люди валялись с ног от усталости. Нужно как можно скорее добраться до мыса Флора, а уж там как повезет: пан или пропал. Конечно, Альбанов это прекрасно понимал, но медлил, все еще оставляя Максиму последний шанс.

— Валериан Иванович, нужно уходить, не то мы все здесь передохнем! — Конрад многозначительно кивнул на Ольгерда Нильсена.

¹ ГТС — гусеничный транспортер.

Тот сидел, бесформенный, словно мешок, привалившись спиной к большому камню, и бессвязно шевелил губами. Глаза — два кратера, до краев заполненных безумным ужасом непонимания происходящего. Тот, настоящий Нильсен — милый и компанейский датчанин, знающий на судне каждый гвоздь, способный в любую погоду бесстрашно рифить паруса, не знающий унынья и усталости, — был уже далеко отсюда. У штурмана сжалось в груди: не жилец! Господи, неужели вот так все — один за другим?!

Александр Конрад был самым молодым и, пожалуй, самым здоровым из каячной группы, включая самого штурмана. В последнее время Альбанов все чаще стал ощущать тяжесть в груди и тревожное чувство нехватки воздуха. Уже дня два так некстати щемило сердце. С трудом справившись с дурнотой, он бросил небрежно:

— Подождем еще немного. Авось дойдут...

Беспокойно слушавший разговор Евгений Шпаковский, все это время с надеждой не сводивший усталых глаз со штурмана, облегченно выдохнул.

— Но прошло уже слишком много времени. Если до сих пор не пришли, значит, уже не придут! — Конрад продолжал настаивать, в голосе появились так хорошо знакомые Альбанову нотки нетерпения. — И вообще, насильно никто никого не гнал. Хотят еще пожить здесь, черт с ними, пускай остаются!

— Да говорят тебе, надо еще подождать... — приступ разрывающего грудь надсадного кашля, душивший Шпаковского, не дал ему договорить. Евгений прекрасно понимал, что

болезнь забирала у него последние силы и еще один переход по открытому морю может стать для него последним.

Конрад повернулся к полулежащему другу и зло цыкнул:

— А ты плавник иди собирать! Не видишь, костер вон догорает?

...Они всегда были вместе. И тогда, на «Св. Анне», когда шансов вырваться из ледового плена почти не осталось, а побитому цингой экипажу предстояла уже вторая полярная зимовка. Вместе при умирающем свете чадающей жировой лампы принимали непростое решение уходить со штурманом. И тогда, после изнуряющего двухмесячного перехода по дрейфующим льдам, когда впереди уже мерещилась земля, а тащиться с перегруженными нартами уже не было сил, и они решили тайком от всех уйти налегке. Но теперь все изменилось: Шпаковский утасал на глазах, и Александр вдруг стал непримиримее и жестче...

— Плавник собирай. Сам иди! — Евгений сплюнул на снег алой кровью. Однако, с трудом поднявшись, бормоча что-то несуразное себе под нос, сильно прихрамывая и поминутно спотыкаясь, все-таки побрел к берегу.

— Позапинайся мне еще, позапинайся, — Конрад начинал уже закипать и, обернувшись к штурману, посмотрел на него в упор, — так что же, Валериан Иванович?

Альбанов не забыл их побега, бессмысленность которого для него была очевидна: без карты и каяка с острова никуда не уйти. Никуда! Пережив первый приступ слепой ярости и непреодолимого желания во что бы то ни стало догнать и наказать беглецов, он понял, нет, скорее почувствовал, что

у людей стали просто сдавать нервы и их неблагоприятному примеру в любой момент могут последовать и другие. Тогда он заставил себя простить и сумел убедить в этом остальную команду. А сейчас, сидя в убийственном бездействии на мысе Гранта, когда до спасительного мыса Флора уже рукой подать, опять намечается этот срыв и снова нужно принимать непростое решение. С затравленной тоской одного за другим оглядывал штурман своих спутников. Обшарпанные севером лица и души, страх и неуверенность в глазах. Сколько в них еще осталось воли? Сдюжат ли? Смогу ли я сам? Да и под силу ли такое вообще простым смертным. Но люди ждут. Ждут его твердого и определенного ответа. Где же этот Максимов? Сколько можно ждать?! Мы ведь здесь тоже не на курорте. В пешей группе ребята самые крепкие, не чета этим. Нет, медлить больше нельзя! Мои доходяги и впрямь перемрут здесь как мухи, к чертовой матери, а не ровен час и вцепятся друг другу в глотку. Надо решать!

— Ладно! Как ни крути, а сегодняшняя погода все равно не самая лучшая для перехода. Ждем еще сутки и уходим. Это всё, всем спать! — сказал, как отрубил, тоном, не допускающим возражений.

С деланой беззаботностью небрежно привалился на камни. Штурмана бил озноб, зубы непроизвольно чеканили мелкую дробь. Базальтовый осколок больно уперся в ребра, но он, не шелохнувшись, стерпел, не желая продолжать разговор...

— Вставай, ГТС-ка пришла, едем в тундру, — командир тряс меня за плечо. Я машинально поднялся, медленно возвращаясь к реалиям жизни:

— А как же... — уютное мягкое кресло после бессонной ночи сборов застало меня врасплох. Подосадовав в душе, что так и не досмотрел сон, я вышел на заснеженный двор, где уже стояла «под парами» совсем новенькая полярная чудо-техника.

— Олег Леонидович, спутниковый телефон с собой прихватите... на всякий случай, — тактично посоветовал нашему командиру дежурный офицер.

Начало путешествия по Земле Александры оказалось безрадостным: заброшенная в середине девяностых станция «Омега» с укором смотрела на нас пустыми глазницами выбитых окон. Огромное количество ржавеющих металлических бочек из-под топлива на побережье бухты Северной — печальное наследие нескольких десятилетий беспечного варварства — то тут, то там начинало протаивать сквозь белоснежную вязь под робкими солнечными лучами. Человек — хозяин природы! Надо же было кому-то придумать такую дурацкую фразу! Человек всего лишь дитя природы, причем зачастую неразумное и жестокое. Словно прочитав мои мысли, Роман Ершов не без гордости показывает привезенный сюда 25-тонный пресс, под действием которого двухсотлитровые бочки превращаются в тонкие металлические блины, готовые к отправке на материк для дальнейшей утилизации.

— Только ломается часто, слабоватый, — сетует Рома, — бочки-то лежат еще с тех мохнатых времен, когда металла на изготовление тары не жалели, поэтому сжимать их не так-то просто.

Рядом небольшая горка «готовой продукции». Под унтами мерно поскрипывает фирн.

— Остальное засыпано снегом у вас под ногами: целая куча с человеческий рост. Всего около тысячи сплюснутых бочек. Когда-нибудь мы очистим весь этот берег!

Когда-нибудь! Господи, сколько ж нужно времени, чтобы разгрести эту стратегическую помойку? Оставив ржавеющее наследие прошлого на побережье, уже пешком мы отправляемся в сторону залива Дежнева. Там, закованный в тяжелых льдах, застыл в величественном монументе огромный бродяга-айсберг. Отстав от группы и увлекшись фотосъемкой, я внезапно почувствовал, как земля уходит у меня из-под ног, и я проваливаюсь куда-то вниз.

— Вот черт, только бы не в берлогу! — пришла в голову первая мысль.

Тревога оказалась напрасной. Осмотревшись, я понял, что просто не заметил, как заметенный снегом берег закончился, и угодил в трещину припая. Ребята уже возвращались на выручку. Виновато улыбаясь, мне удалось опередить их и выбраться самостоятельно.

До айсберга было не более шестисот метров. Вблизи он выглядел еще более внушительно. Сверкающая в лучах солнца бирюза все еще торжественно несла на себе отпечаток казавшейся незыблемой вечности. Но едва начавшее набирать свою силу полярное солнце готовило ему неминуемую гибель: с южной стороны исполин уже начал истекать кровью, застывающую искристыми, отливающими серебром сосульками. Тем не менее ледовый гигант по-прежнему излучал какую-то сумасшедшую энергетику.

Заставляя сердце биться сильнее, она уносила поток мыслей все дальше на север. Туда, где за тяжелым «водяным» небом и островными обрывками стылой земли, уже совсем близко, снисходительно взирал на наивный суетящийся мир независимый и гордый Северный полюс. Каждая миля к нему щедро оплачена жизнями посмевших растрезвожить его вечный покой дерзких и отважных людей. И каких людей! Мужество и благородство, настоящая дружба и самопожертвование вновь и вновь манили сюда тех, кто хотел в своей жизни сделать нечто красивое, значимое, заставляющее заиграть какие-то скрытые струны беспокойной человеческой души. Они были готовы сложить саму свою жизнь за честь и славу Отечества. Вы только вдумайтесь, многие ли сейчас способны на это?!

Погрузившись каждый в свои сокровенные мысли, молчаливо возвращаемся на базу. Дежурный по заставе внимательно следит за мониторами, остальные спят — уже глубокая ночь. Расходимся по комнатам, но с непривычки в полярный день не заснешь. Выхожу на кухню. Одна папироса... пятая.

Из окна заставы за надежными современными стеклопакетами наблюдаю, как вдалеке зачем-то копают лопатами глубокую яму в спрессованном снегу два человека в армейском камуфляже. Воткнув в соседний сутроб автоматы — белых медведей по-прежнему никто не отменял, — они, по-видимому, работали уже не первый час. И тут мне на память пришла одна курьезная история, произошедшая много лет назад.

...Октябрь 2004 года. Сумерки. Снег. Ветер. Усталость. Две двадцатипятифутовые парусно-моторные яхты завершали плавание вокруг архипелага Новая Земля. Утлые фанерные суденышки, изрядно потрепанные осенними штормами, пристали к пустынному берегу в районе Белушьей губы. Вглубь острова идут двое. Один из них основатель и бессменный президент нарьян-марского яхт-клуба «Романтик» Валерий Федорович Шишлов, второй — Леонид Радун. После нескольких дней сумасшедшей качки, еще не доверяя своим ощущениям, ноги настороженно нащупывают под собой твердую землю. Чудно!

— Кажется, канистра большая валяется, — Валерий Федорович направился к сопке, — вчера с левого борта кранец¹ сорвало, вот, пожалуй, и замена ему наплась.

Когда до выброшенного штормами трофея оставалось всего несколько метров, «канистра» вдруг беспокойно заворочалась, и перед изумленными путниками предстал во всей своей красе потревоженный белый медведь. От неожиданности все трое замерли. Так они и простояли неопределенное количество времени: Шишлов, Радун и медведь.

— Фёдорыч! Ты хоть ружье-то с плеча сними, — не отводя взгляда от «канистры», Леня очухался первым.

— А что толку? Там всего один патрон с дробью на нырков. Он даже не почешется. И потом... я перед походом уже со всеми простился.

¹ Кранец — приспособление временное или постоянное, служащее для предохранения борта судна от ударов и трения о причал или другое судно. На маленьких судах обычно для этого используют автопокрышки или пластиковые канистры.

Леня обалдело распахнул глаза:

— Красиво!

Но пауза затянулась. Еще немного и медведь окончательно проснется и сообразит, что ему полагается в таких случаях делать. Нужно было как-то выходить из сложившейся ситуации. Бежать было бессмысленно: до берега, где яхты бросили якорь, метров семьсот, не меньше. Чисто машинально Леонид вскидывает камеру фотоаппарата. Щелкает затвор, яркая фотовспышка выхватывает из сумрака картинку этой нелепой встречи человека со зверем. А в следующее мгновение косолапый, видимо, ошалев от внезапной иллюминации, бросается наутек...

Странно все-таки устроен человек. Дома, среди плещущей жизнью весны, мы тоскуем по этой одинокой заснеженной пустыне. А приехав сюда, видим во сне своих близких и цветущую под окном сирень. Штурмуя очередной ледник на Земле Франца-Иосифа, я вдруг в мельчайших подробностях смог припомнить, как мальчишкой бил острогой рыбу на деревенской речке, а потом, перепачканный с ног до головы илом и глиной, но довольный и гордый, бегом возвращался домой. В авоське трепещут живучие караси, все тело горит от ожогов прибрежной крапивы, но что за беда, ведь сегодня я — настоящий добытчик! На столе в доме уже стоит крынка с парным молоком с душистой пеной, а дед незаметно вытаскивает из плетня хворостину. Хорошо там, где нас нет? Или это пресловутое стремление человека иметь все и сразу? Не могу сказать наверняка, но твердо знаю, что через несколько дней в одной из подмосковных квартир будет сидеть, скло-

нившись над книгой, человек и отсчитывать дни, оставшиеся до июльской экспедиции.

Да, мы возвращались домой, но для того, чтобы снова вернуться в этот непорочный край холодов и ледяной бесконечности.

Глава V

КУРС — НОРД!

Торосы победимы; непобедимо лишь
людское суеверие!

Вице-адмирал С.О. Макаров

Чем ближе дата отъезда, тем все труднее сосредоточиться на повседневной житейской рутине. Норд, только норд! Стрелка нашего компаса безнадежно увязла в северных румбах. Везде, где собираются больше двух полярников, нужно вывешивать транспарант: «К черту все разговоры о Севере!», но мозг категорически отказывается работать в каком-либо другом направлении.

15 июля 2011 года.

Наконец-то взят отпуск на работе. Короткий отпуск: суббота и воскресенье. А в понедельник... А с понедельника начнется действительно настоящая работа. Работа, которую мы ждали целый год.

За несколько дней до выезда из Уфы позвонил Михаил Андреевич Чванов:

- Ребята, вы меня извините, но поехать я не могу.
- Что-нибудь случилось, вы не успеваете?

— Не в этом дело. Просто я прошел очередное обследование у врача, и он сообщил, что не для того полгода назад вытаскивал меня с того света, чтобы я загнулся за Полярным кругом. Прямо так и сказал.

— Михаил Андреевич, не волнуйтесь, мы освободим вас от самых трудных работ, у нас почти половина состава опытные врачи, — продолжаю настаивать, прекрасно понимая, что несу ахинею.

— Роман, ну ты-то мой диагноз знаешь. Зачем все эти эксперименты? Я не хочу, чтобы из-за меня сорвалась экспедиция, — нежелание становиться обузой победило соблазн попасть туда, куда стремился долгие годы.

— Когда будете на месте, передай мой поклон этим краям, — добавил он уже каким-то совсем потерянным голосом. Оно и понятно. Человек половину своей жизни посвятил разрешению этой загадки. Первое издание его романа-поиска «Загадка штурмана Альбанова» вышло в свет еще в далеком 81-м. В то время я учился в седьмом классе и только начинал изучать географию. Эх, Михал Андреич, Михал Андреич! Я ведь тогда, даже где находится Земля Франца-Иосифа, толком не знал. Так мечта писателя и осталась неосуществленной, во всяком случае, пока.

В этом году мы уже четко себе представляем, что, где и как нужно искать. В целом план экспедиции выглядел следующим образом. Основная группа — «База». В нее входят: руководитель экспедиции Олег Продан, а также Чичаев, Мельник, Звягин, Карганов, Морозов, Волобуев, Кочемасов и директор национального парка «Русская Арктика» Роман Ершов. Их основная задача — максимально обследовать район побере-

жья, на котором были сделаны главные находки прошлого года, в том числе с привлечением современных технических средств. Кроме того, по поручению гляциологов планируется произвести инструментальные измерения толщины ледника в седловине между куполом Греттона и куполом Пири на острове Земля Георга. Для обследования предполагаемого пути движения четверки Максимова от места их расставания со штурманом Альбановым на мысе Ниля до места назначенной встречи на мысе Гранта на острове Земля Георга, куда, по дневникам Альбанова, они в назначенный срок так и не пришли, выделяется отдельная мобильная группа «Поиск». В нее входят Ферштер, Унтила, Скоров и автор этих строк. Локальные задачи групп устанавливаются на месте, сообразуясь с текущей обстановкой и фактической погодой. По завершении этих работ в рамках содействия национальному парку «Русская Арктика» предполагается установка на ключевых островах опознавательных знаков о принадлежности архипелага Земля Франца-Иосифа к особо охраняемой природной территории Российской Федерации. Кроме того, планируется поиск места захоронения на острове Белл еще одного участника экспедиции Г.А. Брусилова — Ольгерда Нильсена, датчанина, плававшего на этом судне еще под английским флагом. Когда в 1912 году судно купили русские, он ни за что не пожелал с ним расставаться и перешел в новый экипаж. Параллельно на протяжении всей экспедиции профессор НИИ общей патологии и патофизиологии РАМН Михаилом Юрьевичем Каргановым будут проводиться медико-физиологические обследования участников экспедиции для оценки влияния экстремальных

климатогеографических условий высокоширотной Арктики на организм человека.

18 июля 2011 года.

Почему-то так получается, что в небесной канцелярии иногда бывает свое обособленное мнение по поводу развития тех или иных событий. Взлетно-посадочная полоса на Земле Александры в который раз оказалась не готова принять наш самолет, и выезд откладывается день за днем. Время тянется мучительно медленно. Глупо и бесцельно сидим на нашей подмосковной базе, во что мы с годами превратили дом Саши Чичаева, и, кажется, что будем сидеть здесь так до Второго Пришествия.

19 июля 2011 года.

03:05. Все там же, все те же. Близится время «Ч». Общий подъем через полтора часа, начнется неизбежная в таких случаях беготня и сутолока. Уснуть мне пока так и не удалось. Бесцельно навертевшись в душной постели, выхожу на веранду. Освежающая ночная прохлада пронизывает пред-рассветную темень. Тишина. Даже редкие звуки недалекого загородного шоссе не портят ее упоительной загадочности. Странно! В это время совершенно не характерно полнейшее отсутствие комаров в Подмоскovie. Над головой беззастенчиво и равнодушно повисла ущербная луна. Мать честная, хорошо-то как! Застывшее время...

Залетный комар все-таки укусил, немедленно поплатившись за свою неосмотрительность красно-бурым пятном у меня на руке. Блекнущая россыпь Млечного Пути постепенно

исчезает с оживающего небосклона. Пора! Нужно поспать хотя бы час, и в путь. Дорога неблизкая. В дальнем углу мерно похрапывает верный пес Арни, еще не подозревающий о предстоящем ему далеком путешествии.

05:40. Выдвигаемся в путь. Чувствуется всеобщий подъем настроения, поэтому дорога веселая, хотя дорогой в известном смысле этого слова ее вообще не назовешь. Федеральная трасса двадцать первого века Москва—Архангельск на сотни километров представляет собой лишь ориентировочное направление движения, которое может довести до щенячьего восторга лишь командира танкового корпуса, дай ему возможность прогнать здесь колонну военной техники, но не водителя легкового, перегруженного донельзя автомобиля. Правда, это никак не мешает нам обгонять друг друга в пути, показывая товарищам в окно языки и делая рожки. В общем, состояние у всех игривое, а самочувствие личного состава много выше удовлетворительного. Командир снисходительно улыбается:

— Как дети!

20 июля 2011 года.

В Архангельск мы прибыли поздно ночью. Удобно разместились в гостинице на окраине Соломбалы. В переводе с саамского «соломбала» означает «болотный остров». Теперь об этом можно только догадываться, а всего несколько веков назад, в 1693 году, когда Петр I решил основать здесь Адмиралтейство, без деревянных настилов пройти тут было практически невозможно. Когда-то здесь жил и Александр Конрад...

Как это обычно у меня бывает перед дальней дорогой, сон так и не задался. Я вышел на улицу. В нашем микроавтобусе горел свет: внутри возился Саша Чичаев. Рядом, преданно наблюдая за работой хозяина, пристроился наш бессменный арктический охранник Арни. В гостиницу четвероногих не пускают, даже если они заслуженные полярники, вот и приходится коротать ночь в автобусе. Я заглянул в салон:

— Что, не спится?

— Да вот, решил перепроверить кое-что из снаряжения.

Поди ж ты, оторви теперь его от этого занятия! Благодаря своему аккуратизму и педантичности, ставшими для всех уже притчей во языцех, Саша как-то незаметно и органично стал главным куратором провианта и снаряжения во всех наших экспедициях. Все, что подготавливалось лично им, было безукоризненно добротно, надежно и с многократным запасом, не забыта и выверена каждая мелочь. Ведь еще Амундсен говорил, что «удача любой экспедиции полностью зависит от ее снаряжения».

— Сань, десять раз уже все перепроверяли. Пойдем лучше искупаемся.

Прохладная вода Кузнечихи, впадающей в Северную Двину, приятно бодрит, снимая усталость после пыльной дороги. Куда там гостиничному душу! Легкомысленный июльский ветерок срывает с поверхности речки мягкие клубы мохнатых густых испарений. Где-то недалеко плеснула крупная рыба, размывая зеркало водной глади. Город торопливо погружа-

ется в короткую летнюю ночь. Для нас эта ночь крайняя: на архипелаге Земля Франца-Иосифа сейчас безраздельно властвует неутомимый и бесконечный полярный день.

21 июля 2011 года.

14:15. В Архангельске даже для нас слишком тепло, +31° С. Почти час мы сидели в душном пазике на территории аэропорта. На улицу не выпускали: все-таки военный аэродром. Курильщики обреченно изнывали от дискомфорта. В самолете тоже нестерпимая жара, поэтому сама собой напрашивается форма одежды номер один: трусы, носки и, для солидности, можно галстук. В другом одеянии просто не высидеть и пяти минут. Скорее бы заветная цель, где среди реликтовых бирюзовых ледников мы сможем, наконец, получить климатическое убежище.

15: 00. Взлет из Архангельска. Курс неожиданный — Нарьян-Мар. Здесь к нам должны подсесть пограничники: отпуск, как всегда, заканчивается до неприличности быстро. Короткая остановка в знакомом городке, уютно притулившемся на берегу Печоры, несколько часов лета над Ледовитым океаном, и вот уже в глубине самолетного чрева глухо загремели выпускающиеся когти шасси. Земля Александры! В иллюминаторе привычно засинели новенькие корпуса погранзаставы «Нагурское». Еще миг, и наш Ан-26 устало касается хорошо укатанной щебенки взлетно-посадочной полосы. Наконец-то! Пилоты открывают дверь, и на нас чистым прохладным воздухом дохнула Земля Франца-Иосифа.

22 июля 2011 года.

Утром из Воркуты прилетели на вертолетах Володя Мельник с Николаем Кочемасовым, еще одним оператором нашей экспедиции. По дороге им нужно было снять температурные датчики с продуктового депо, сделанного в 1900 году экспедицией барона Э.В. Толля к Земле Санникова на яхте «Заря». С тех пор как в 1973 году полярной экспедицией «Комсомольской правды» под руководством Д.И. Шпаро в вечной мерзлоте полуострова Таймыр были найдены эти продукты, которыми их хозяевам так и не суждено было воспользоваться, здесь постоянно ведется научная работа. Зная о том, что наша экспедиция отправляется на Север, Дмитрий Игоревич попросил нашего командира «по пути» сделать доброе дело. Не без труда отыскав депо, ребята демонтировали приборы и присоединились к нам уже в Нагурском. Теперь вся группа в сборе.

16: 30. Загрузив в вертолеты привезенное сюда еще в мае снаряжение, экспедиция высадилась к месту прошлогодней находки. Раньше, для удобства внутреннего пользования, мы называли его «бухта Смиренникова». Но теперь, когда с большой степенью вероятности профессором Звягиным было доказано, что останки принадлежат стюарду «Св. Анны» Яну Регальду, мы решили именовать его просто «крест», чтобы не вносить сумятицу. Здесь мы помогли остающимся разгрузить вертолеты, и к пяти часам вечера наша группа «Поиск» была заброшена на западную оконечность мыса Ниля, к подножью ледника. Вновь оказавшись в этих местах, мы скорее почувствовали возвращение домой, нежели то, что находимся в экспедиции на краю света. Стоим, осматриваемся. Тяжелые

волны нетерпеливо стучатся в отвесную синеву близлежащего глетчера. В морской дали игриво исполняют свой замысловатый танец белогривые буруны. Сведенное в страшных морозных судорогах тело ледника наконец-то начинает расслабляться под летними солнечными лучами, обнажая заметенные снегом, словно глубокие шрамы, трещины. Со всем недавно пробудившиеся скалы, местами покрытые чуть красноватым от мелкой базальтовой пыли снегом, изо всех сил пытаются сохранить видимость снисходительного безразличия. Но даже они удивились нашему возвращению:

— Что вас влечет сюда, беспокойные люди?

Короткое арктическое лето, как ничто другое, демонстрирует собой скоротечность нашего бытия. Еще месяц назад здесь все было покрыто бескрайней снежной скатертью. Празднично-торжественные ледяные шапки, еще венчающие местами мрачные утесы, щедро расцвечивались небесным светилом, а у нас под ногами уже пестрым ситцем цветов прямо на глазах вырастали широкие проталины. Истосковавшая по летнему солнышку природа торопилась жить.

Рядом с нами от ледника спускаются две характерные дорожки: так по крутому и скользкому склону съезжают на брюхе белые медведи. Со стороны все это выглядит очень забавно: задние лапы мишек безжизненно волокутся за тушей, а передние служат тормозами и прикрывают морду от летящего снега. Идем по следу. Вот внизу уже четкие отпечатки лап с мощными внушительными когтями, судя по размеру которых мы понимаем: медведи-то не мелкие. В «наделанных» на снегу кучках только полупереваренные остатки ламинии — верный признак того, что мясной пир у хищников

был давно. Нам только этого еще не хватало! Вегетарианцами белые медведи могут вынужденно пребывать какой-то период времени, но, естественно, дипломатии в общении с людьми им это не добавляет. Счастливый медведь — это толстый медведь! А на водорослях, даже очень богатых витаминами и йодом, в этих краях далеко не уйдешь. Ну, да ладно, не это главное! В целом погода отличная, температура +10° С, ветра практически нет. По склонам возвышающихся скал сбегает множество мелких водопадов. Что-то такого в прошлом году мы не встречали. Видимо, солнце в эти дни поднажало основательно. Недалеко от берега, возле задремавшей на мелководье льдины, развлекается небольшое стадо моржей. Что ж, со зверушками в этом году побогаче будет!

На примусе нетерпеливо зашумел чайник, ненавязчиво намекая, что пора бы и перекусить. Балуюсь первым в этом году арктическим чайком, намечаем план ближайших работ, вычерчиваем маршруты, сверяемся с прошлогодними фотографиями. Ну вот, с сытыми поравнялись.

— Ладно, хватит скалить зубы, выдвигаемся!

Работа нашей группы в этой экспедиции — копытить снег, поэтому без лишних разговоров рассыпаемся цепью и начинаем зачистку местности. Не прошли мы и трехсот метров, как над головами настырно закружила пара поморников с явно недружелюбными намерениями. Что-то тут не так! Смотрю по сторонам: почти у меня под ногами раскачивается на тоненьких лапках беспомощный пушистый комочек. Так вот в чем дело! Только что явившееся на свет юное поколение еще не очень адаптировалось к этому суровому краю и жалобно требовало родительской помощи. Рядом с птенцом

свитое из побуревшей под снегом прошлогодней травы гнездо, в котором лежит темно-зеленое, размером примерно с куриное, яйцо с грязно-коричневыми пятнами.

— Ну, а ты что отстаешь от собрата? Пора уже и тебе обживать этот мир. Уж больно короткое у нас здесь лето! — пока я пытался пристыдить нерасторопного ленивца, ютившегося внутри скорлупы, его родители продолжали нервничать, выписывая над нами фигуры высшего пилотажа. Я вспомнил описание этих птиц у именитого полярного исследователя Георгия Алексеевича Ушакова:

«... кормятся преимущественно рыбой. Сами поморники не умеют нырять и плохие рыболовы. Поэтому они подкарауливают чаек и крачек и, как только заметят удачливого рыбака, бросаются вдогонку и обычно преследуют птицу до тех пор, пока она не утомится и не бросит добычи, которую и подхватывает в воздухе крылатый грабитель»¹.

Ну, тут уж не до сантиментов! Каждый в этих суровых краях выживает, как может.

20: 55. Наша первая встреча с косолапыми: на косогоре появляется весь какой-то нескладный, худосочный белый медведь. Не обращая на нас абсолютно никакого внимания, он с творческим азартом занимается разорением птичьих гнезд на склоне утеса: хоть и в перьях, а как-никак мясо! До мишки еще чetyреста-пятьсот метров, поэтому каждый из нас решает свои вопросы, не мешая друг другу, хотя один глаз уже по давней привычке смотрит в сторону опасности. С более близкого расстояния становится ясно, что медведь

¹ Ушаков Г.А. Остров Метелей»

не одинок: совсем неподалеку «пасется» его мохнатый поделщик. Небольшие двухлетки деловито и увлеченно раскапывают камни, ловко вытаскивая из гнезд обезумевших от ужаса люриков и, похоже, совершенно игнорируя наше столь близкое присутствие. Рядом с полярными мародерами, стараясь казаться незаинтересованными, застыли в ожидании своей доли проголодавшиеся чайки. Время от времени их терпение вознаграждалось случайно оброненными объедками с барского стола. С запачканных кровью и перьями фиолетовых медвежьих языков длинной ниткой тянется вязкая слюна. Мы останавливаемся в двадцати метрах от ближнего к нам медведя. За десять минут он выловил четыре несчастные птицы, которые так и не покинули своих обреченных птенцов. Подбираясь все ближе и ближе, мы с панибратской наглостью фотографируем медвежью охоту.

Отсняв сие кровавое действо четвероногих разбойников, продолжаем свой путь на юг мыса Нила. Но, не пройдя и ста метров, снова останавливаемся, оцепенев от ужаса и восторга: в небольшой засыпанной снегом ложбине лежит огромная медведица. Не заметив ее сразу, мы едва не наступили на нее. Вытянувшись во весь свой огромный рост, медведица томно возлежит на спине, нежась под солнышком на снежной перине. Бросается в глаза нехарактерная кипельно-белая, без малейшего намека на желтизну, добротная холеная шуба. Вальяжно раскинутые лапы являют собой странное единение благородства и распутности. Вся ее похотливая поза подчеркивает скрытую где-то глубоко внутри первобытную, хищную чувственность. К великому

сожалению, мы находимся в стратегически невыгодной для себя позиции. Хищники очень не любят, когда между ними и их потомством, а хозяйничающие на склоне мишки, несомненно, были ее переросшие отпрыски, находится опасность. Медленно отступая назад, мы скорее по инерции, нежели осознанно, продолжаем нажимать на затворы своих фотоаппаратов. Второй рукой я все-таки придерживаю единственный в группе карабин. Медведица удивленно поворачивает голову в нашу сторону: с какой это стати вы, чужеземцы, непрошено явились в *мои* края? Соблюдая достоинство полновластной хозяйки, красавица-мамаша нехотя садится, вытягивает белоснежную шею и угрожающе собирает всю мощь своего прекрасного тела в единый бросок.

— Все поняли, уже уходим! — больше предупреждений не будет, и мы вынуждены ретироваться под аккомпанемент сердитого шипения Снежной Королевы.

23 июля 2011 года.

Сегодня слабый ветерок, температура воздуха +2° С, на море мается легкий накат. Всю прошедшую ночь мы неутомимо ворошили мох и камни мыса Ниля. К утру, наконец, добрались до базового лагеря уставшие и довольные — ведь ради таких напряженных дней мы сюда и приехали. Правда, порадовать ожидавших нас товарищей нам было пока нечем. Оглядываясь по сторонам, мы узнавали и не узнавали эти окрестности. Во многих местах снег стоял, обнажив каменистые плечи. На скалах обилие звенящих водопадов, а в прошлом году их почти не было вообще.

Спать ложимся около шести часов утра. Накрывшись спальником, чувствую, как начинается характерное нытье в коленях и плечах. Эва как, что-то будет завтра?

К обеду окончательно проснувшись, я немало удивился своему «боевому состоянию». Подготовленный тренировками и еще не утомленный организм работал как часы. Это пришлось очень кстати: на сегодня намечается переход через большой ледник, который так пугал нас своими изломанными лунными пейзажами еще в прошлом году. Базовая группа вовсю работала на месте прошлогодней находки и расчистила там уже приличную площадку для работы с георадаром. Павел, простите, старший научный сотрудник лаборатории широкополосного радиозондирования ИЗМИРАН, кандидат физико-математических наук Павел Анатольевич Морозов, уже распаковывал свое хитроумное оборудование. В копилке проведенных им исследовательских работ значились такие научные вехи, как георадарное обследование египетских пирамид в Гизе, археологических памятников Судана, многолетние работы на Куликовом поле и на Северном Кавказе. Из под пера Павла Анатольевича вышло множество монографий по применению георадиолокации в различных современных исследованиях. Конечно же, ученый не смог пройти мимо нашего предложения поучаствовать лично в исследованиях на Земле Франца-Иосифа.

Победая, наша группа собирается в путь.

В четыре часа пополудни выходим из базового лагеря на ледник. Вблизи он оказался еще более впечатляющим, чем с вертолета. Идти приходится крайне медленно. В очередной раз убеждаешься, что самая прямая дорога далеко не всегда

самая короткая. Нередко с таким трудом преодолевая препятствия от трещины к трещине, мы оказывались в ледовой западне: огромные, до десяти метров ширины, зияющие бездны преграждали нам путь. С досадой приходилось возвращаться назад и начинать весь маршрут сначала.

Здесь слишком красиво даже для кисти художника, куда уж достоверно передать это простыми словами. Даже самое богатое воображение не позволит вам представить себе и части того, что открылось нашим глазам. Рассматривая окрестности, непроизвольно приходишь к выводу, что тут поработал самый тщеславный на свете ледовый зодчий. Нерукотворным монументом высятся гигантские разломы — символ неоконченной войны льда и камня. Заглядывая через край в зияющую пучину, можно видеть только матовую лазурно-бирюзовую бесконечность. Но какие краски! Над всем этим великолепием проносятся за водянисто-размытые контуры скал своими огромными тушами косматые фиолетовые тучи. Весь этот ледяной хаос, вся грубая красота реального мира настолько завороживала, что я остановился, жадно впитывая свои впечатления. В такие моменты вплотную подбираешься к такому мировосприятию, которое у психологов иногда называется панорамное мышление. Мне вдруг нестерпимо захотелось поделиться нахлынувшими ощущениями со своими спутниками. В старомодном романтическом порыве я обернулся к ребятам и остолбенел:

— Парни, а почему нас трое-то?

Все переглянулись, как бы еще раз пересчитывая друг друга. Андрей Скоров исчез. Повисла тяжелая пауза, где-то

внутри неприятно похолодело. Саша Унтила резко рванул с рюкзака большую бухту альпинистской веревки.

— Андрей! — в горле пересохло, и окрик только слабо треснул в холодном воздухе.

Беда! Мы побежали обратно по своим следам, мысленно представляя себе самое худшее. Очумев от выброса адреналина, в висках бешено заколотилась кровяная жилка. И вдруг из очередной трещины появляется смущенно-довольная физиономия Андрея:

— Я тут трещинку одну красивую нашел. Решил ее сфотографировать изнутри, вот...

До сих пор не могу понять, как мы в тот момент не бросили его обратно, в эту «красивую трещинку». Все знали, что Андрюха опытный спелеолог, пролазивший в самых разных пещерах большую часть своей жизни, но сейчас ему это не помогло: наши далеко не литературные сентенции пришлось выслушивать по полной программе.

Блуждая по ледовому лабиринту, мы были вынуждены все ближе поджиматься к скалам там, где трещины и разломы были более узкими. Однако здесь ситуация осложнялась тем, что почти все они были забиты снегом очень сомнительной плотности и обнаружить их можно было не всегда вовремя. Тяжелые снежные карнизы злоеюще нависали над застывшими ледяными волнами. Впереди ледоколом шел Саша Унтила, которому проходить свои первые ледовые университеты довелось в горных массивах Северного Кавказа. Надежный и неприхотливый как автомат Калашникова, не потерявший за три неполных года Чеченской кампании ни одного (!) солдата, бывший заместитель командира отдельного разведбатальона

спецназа ВДВ вел группу неторопливо, но уверенно, обозначая на снегу все опасные места ледорубом.

Совершенно неожиданно — я всего-то на полшага не попал в его след — удержав девяносто килограммов Сашиного веса, очередной мостик подломился под моими семьюдесятью. Инстинктивно раскинув руки, я повис на краях трещины. Пальцы медленно начали скользить по твердому фирну. Заглянув туда, где должно было быть дно ледяной пасты, невольно зажмурился: забодай меня комар! Трещина оказалась глубже, чем глаза любимой женщины. Стараясь не делать резких движений, раскорячившись, как Иванушка на лопате у Бабы Яги, я с плохо скрываемой надеждой посмотрел на товарища. Не меня выражения лица, Саня подошел и одним движением молча выдернул меня за руку. Многозначительно переглянулись, и тут в наши головы пришла замечательная мысль, что пора уже доставать веревку и обвязываться. Весь ледник штурмовали больше пяти часов. Наконец мы выходим в ранклюдт¹ и подбираемся к голым скалам, спускающимся к побережью. Еще через полтора километра оказываемся на ледяном склоне около 45°, который постепенно становится все круче, да еще и заворачивает за угол так, что окончания его нам совершенно не видно. Останавливаемся посоветоваться, еще раз просматриваем фотографии и видеосъемку вертолетной разведки: за поворотом градиент подъема вообще нереальный. Сличив видео с тем, что было перед нами, мы

¹ Ранклюдт — трещина таянья. Образуется там, где ледник подходит близко к освещенным и нагретым скальным склонам.

понимаем: пройти здесь без кошек все равно, что пробовать высморкаться ушами. Откос спускается метров на триста вниз, и здесь дельта ледяной реки отвесно обрывается в море с высоты десятиэтажного дома. Если сорваться, не удержит никакая связка. Что уж говорить о неподготовленных людях в чрезвычайно скользких меховых пимах¹. Остаткам группы Максимова благополучно обойти это место можно было только по припаю, если он тогда здесь был. Второй вариант: проделать весь маршрут назад до мыса Ниля и только там забраться на купол ледника. Но в этом случае пешая группа лишалась своего единственного надежного ориентира — берега моря! Такой вот небогатый выбор.

В лагерь мы вернулись только 24-го к пяти часам утра. Ветер стих, и все небо опять заключило туманом.

24 июля 2011 года.

Работа в лагере. Сегодня появились первые находки на прошлогоднем месте. Нашли еще одну таранную кость, принадлежавшую человеку. Метрах в пятнадцати от нее обнаружился средний фрагмент правой лучевой кости, а также мелкие полуистлевшие обрывки одежды и клапан от вещевого мешка, на изнаночной стороне которого есть нечитаемый штамп. Возможно, экспертиза сможет его расшифровать. Пока все, конечно, расстроились: мы откровенно ожидали большего. Правда, профессор Звягин говорит, что это только лишний раз доказывает, насколько тщательно всё было исследовано в прошлом году. Думаю, что он нас просто

¹ Пимы — сапоги мехом наружу.

успокаивает. Что ж, придется отрабатывать прошлогодний аванс удачи.

Второго дня с ледника возвращались в густой туман. Сегодняшний день ничуть не лучше. К обеду добавилась мелкая морось. Море разыгрывается. «Объект № 21», который мы демонтировали из нашего прошлогоднего лагеря, выставили очень романтично, но не практично: всего лишь в семи метрах от уреза воды. Поэтому волна начинает подходить к нему все ближе. К тому же единственный узкий проход с запада, где к лагерю может подойти белый медведь (ну не пойдет он через живую морену!), закрыт от глаз посетителя этого заведения огромным валуном. Случись его визит в интересный момент, мы могли бы стать очевидцами неоднозначной картины: бегство от белого медведя со спущенными, пардон, штанами комичен только со стороны. Кстати после событий, которые будут описаны ниже, люди действительно стали ходить в туалет не иначе, как с ракетницей. Я, правда, больше доверял карабину.

25 июля 2011 года.

Четыре часа утра. Наша вахта с Сашей Унтилой. На завтрак вспомнился прошлогодний кулинарный рецепт от Владимира Мельника: какао, сдобренное сгущенкой и острым стручковым перцем чили. Бесподобно греет и бодрит одновременно. Натаскали воды, собрали оставшийся с вечера мусор, приготовили компот и макарон ребятам на утро. Время дежурства пролетело очень быстро. В начале десятого прилетел вертолет для заброски группы «Поиск» на мыс Гранта. Скорая погрузка, и вот мы уже над морем.

Залив Грея, так же как и в прошлом году, был полностью свободен ото льдов. Лишь единичные стамухи, покрытые следами жизнедеятельности моржей, сиротливо ютились у побережья. А ведь в 1914 году весь залив был забит тяжелыми паковыми льдами!

К нашему великому сожалению, высаживаться пришлось на вершине скалы, под работающими винтами вертолета, так как садиться на самом мысу может только самоубийца. Еще при полете мириады испуганных ревом моторов птиц срываются со скал птичьего базара, черным стонущим роем заволакивая все небо, — для машины это неизбежная катастрофа.

Выходим на открытое всем северным ветрам плато. Попытка спуститься отсюда вниз к морю по западному склону так и не увенчалась успехом — как только улетел вертолет, свалился туман. Молочно-белая муть создает фантастическое ощущение, что воздух можно потрогать руками. В практически нулевой видимости четыре черные точки на снегу мельтешат, суетятся, изо всех сил упираясь порывам встречного ветра. Да, мы всего лишь эти четыре маленькие точки, настырно продолжающие свой дерзновенный натиск смертных, а окрест нас — твердь под ногами, небо, даже обжигающий грудь холодный воздух с безудержно несущимся по нему снегом — все это единая монолитная белая бесконечность. Но такие условия только подстегивают наш порыв. С удвоенным азартом подставляются лица навстречу колючему ветру, упруге становится шаг, настырней движенья!

12: 30. Сидим на плато над мысом Гранта, аккурат под нами то самое место, которое описывал в своих дневниках

штурман Альбанов: два ледника, между ними большой каменный пляж. Где-то за ним бушующее море остервенело вгрызается в изрезанный стихиями берег. Тяжелые волны студеного рассола размалывают прибрежные камни в мельчайшую пыль и, помутневшие, с шумом уносятся прочь. Внезапно, как здесь и принято, плотной завесой посыпал снег. Правда, слово «посыпал» не совсем отражает суть происходящего: пуржит так, что при нарастающем свирепом ветре снег в панике проносится параллельно земле, в горизонтальном направлении. Он летит со столь стремительной скоростью, что, пытаясь зацепиться хоть за что-нибудь, едва лишь припудривает камни с наветренной стороны.

— Вот черт! Откуда снег-то в июле? — невольно досадуя на задерживающую нас непогоду.

— Действительно, откуда вообще в Арктике взяться снегу? — передразнивает меня Андрей Скоров.

И всем нам становится весело, хотя этот снег нам сейчас нужен, как лом в зефире. Отчаянно прозябшие, мы укрылись между двумя каменными холмами. Это единственное место на плато, где ветер не столь агрессивен. Лагерь будем ставить здесь, чтобы спускаться вниз налегке: рельеф склона довольно неприятный, отвесный во многих местах, да и погода многого не обещала. Вещи бросили у холма, придавили камнями, чтобы не унесло ветром. Установку лагеря решили оставить на потом. Как назло, в ближайших окрестностях нет ни одного мало-мальского ручейка. Для чая приходится топить лед.

Через полтора часа ветер упал, и так же внезапно, как и начался, почти тут же перестал лететь снег. После того как перекусили и сделали рекогносцировку, нам удалось

найти дорогу вниз. Сначала по скалам, а потом и по леднику медленно начинаем спускаться к побережью. Скатившиеся с утесов мелкие камни черной угревой сыпью лежали на леднике, нагреваясь под летними солнечными лучами и прожигая в нем разнокалиберные дыры. Теперь над нами колоссальнейший птичий базар, пожалуй, самый крупный из тех, что нам довелось видеть на Земле Франца-Иосифа. Кого здесь только нет: чайки, люрики, кайры, чистики. Им несть числа. Гвалт стоит такой, что приходится кричать. Мы едва могли слышать собственные голоса. Ближе к скалам воздух густо насыщен характерным запахом птицефабрики. Полярное лето уже достигло своего апогея, поэтому птенцы в большинстве своем уже вылупились из яиц и отчаянно призывали родителей накормить молодое поколение. Вокруг множество следов песцов и медведей. Еще бы, такая щедрая кормушка: периодически со скал выпадают птенцы, становясь легкой добычей для подкарауливающих их хищников. Везде, где есть хоть малейший кусочек почвы, весело и буйно зеленеет густая трава. Настоящая, привычная для наших глаз зеленая трава, а не какой-то там закорюченный мох. Столь бурная растительность встречается в этих местах не так часто. Ветра нет совсем: с севера и запада мы надежно прикрыты огромными скалами. По показаниям альтиметра, их высота 270—290 метров над уровнем моря. Это северо-восточная оконечность мыса. Собираемся идти по узкой кромке прибоя на южный край мыса, насколько это будет возможно. Пробираясь между скользких, загаженных птичьим пометом огромных валунов, я наткнулся на закрученную свитком бересту. Сердце дернула ностальгия:

— Какими же штормами тебя занесло сюда, родимая?

Прошли к югу около четырехсот метров узкого пляжа. Дальше мыс резко поворачивает на запад. Перед нами разворачивается каменный откос, который периодически заливается прибоем, а над ним отвесная скальная стена. Для того чтобы продвигаться вперед, оставаясь при этом сухим, нужно выжидать паузу между волнами и перебежать с одного большого валуна к другому. Это не всегда удается, поэтому в ботинках уже давно хлупает вода. В конце концов мы перестали обращать внимание на захлестывающие волны, все равно в этом не было уже никакого проку. Камни на побережье становятся крупнее, все время норовя поглубже забрести в беспокойное море. Впереди замаячил небольшой ледничок, спускающийся прямо к воде. Его приходится обходить выше, по глиняному склону. Ноги скользят, как на катке.

17: 00. Еще идем. Мокрые от соленых брызг моря, по колено в черно-бурой глине, немилосердно заляпанные птицами, но идем. На полпути нашей группе пришлось разделиться: Женя Ферштер с Андреем Скоровым остались более обстоятельно обследовать пройденный нами пляж. Где-то там должен быть гурий Джексона, сюда же причаливал на каяках Альбанов:

«Сейчас мы сидим под высочайшим утесом, у которого справа и слева поднимаются ледники, а к морю спускается большая каменистая площадка»¹.

И еще:

¹ Альбанов В.И. На юг, к Земле Франца-Иосифа!

«Ночью прояснилось и всю окружающую нас местность было хорошо видно. Впереди на ОНО, кажется совсем недалеко, виден за сплошным льдом скалистый остров. Это не иначе, как Белль. Пролив, отделяющий его от мыса Гранта, еще не взломан, и нам не трудно будет туда попасть, плывя вдоль кромки льда. Дальше на горизонте виден другой скалистый остров, но уже бо́льших размеров. Неужели это остров Нортбрук, на котором и есть мыс Флора?»¹.

Когда ненадолго прояснило, мы действительно отчетливо увидели характерные очертания острова Белл на северо-востоке, а вот остров Нортбрук по-прежнему был скрыт от нас недоразметанными ветром обрывками тумана.

Мы с Унтилой продолжаем пробиваться до конца мыса Гранта. Отсюда уже не видно острова Белл, поэтому искать здесь следы стоянки каяков Альбанова бессмысленно, но нам необходимо понять: проходим ли мыс на всем своем протяжении и, главное, могла ли сюда дойти пешком группа Максимова.

Теперь перед нами открывается широкий пляж со щедрыми завалами плавника. Его средняя терраса почти без камней и вся покрыта мягким мхом. А на верхней — блюдце маленького пресного озерца, возле которого мы насчитали шесть юрких, уже полинявших к лету серо-бурых песцов. Смышленные симпатичные зверьки, в душе у которых происходит вечная борьба любопытства и страха. Когда мы отходили от их нор, один наиболее нахальный зверек (мы тут же решили что это непременно вожак) еще долго брел за

¹ Альбанов В.И. На юг, к Земле Франца-Иосифа!

нами, сохраняя, правда, почтительную дистанцию. Он провокационно извергал на наши головы свои самые, что ни на есть страшные песцовые ругательства. Мы изо всех сил стараемся соблюдать нейтралитет, стоически пропуская все это мимо ушей. Наконец, я не выдерживаю этого публичного поношения и нагибаюсь за камнем. Спесь как рукой сняло — зверек испарился в тот же миг. То-то же!

Но вот мыс закончился. Пока непонятно, как мы будем возвращаться к нашему временному лагерю, там, где остались все наши вещи, еда и палатка. Навигатор сообщает нам, что отсюда напрямую всего триста метров, правда, еще столько же вверх, по вертикальным скалам! Контрольное время встречи с ребятами 22: 00. Идти обратной дорогой нет никакого желания. Но впереди у нас маячил обрыв ледника где-то на полкилометра, и пройти это место можно только по поясу в воде, что при ее отрицательной температуре — не радость. Дальше тоже везде лед, а будет ли по нему подъем на плато, не видно за поворотом. Хочешь не хочешь, а придется идти обратно. Время поджимает, рация УКВ на холоде быстро садится. Возвращаемся тяжело, поминутно останавливаясь, чтобы перевести дух. Ноги уже нетвердо шагают по льду и камням. С трудом мы все-таки подходим к подъему на плато.

— Тебе ничего не кажется? — Саша беспокойно смотрит по сторонам. Я понял все сразу: со стороны лагеря вниз тянутся отпечатки четырех пар ботинок — наши следы. Но обратно нет ни одного. То есть наши ребята здесь назад не проходили! Разойтись на таком узком мысу просто невозможно, а Ферштер и Скоров должны были вернуться на несколько

часов раньше нас. Где искать и что делать, если ребят нет в лагере? Спутниковый телефон остался у них, и, если что-то не так, мы даже вызвать никого не сможем. Перекинув язык на другое плечо, пытаемся ускорить шаг. Где-то в глубине души я понимаю, что когда уже не вмоготу, то нужно только представить, что тебе всего двадцать и все лучшее еще впереди. Но, честно говоря, на этот раз мне это слабо помогло. Когда наконец взобрались на плато, я, с трудом переводя дыхание, в упор посмотрел на Унтилу:

— Палыч, если я когда-нибудь раскрою рот, чтобы еще раз сюда поехать, пристрели меня немедленно!

Теперь я могу признать, что тогда сказал об этом почти без лукавства. Что уж там говорить, если такие серьезные полярные исследователи, как Роберт Пири, писали в своих полярных дневниках: *«Игра кончена. Приходит к концу моя 16-летняя мечта. Я боролся изо всех сил. Думаю, что все мною сделанное, сделано хорошо. Но я не могу совершить невозможное»*. На следующий год Пири в четвертый (!) раз отправился завоевывать Северный полюс, но даже он не видел ничего зазорного в своей минутной слабости.

21: 40. Все-таки уложившись в контрольное время, подходим к месту, где оставили вещи. Установленную палатку из-за тумана мы заметили только с десяти метров. С души отлегло. Откинулся полог, и появилась Андрюхина голова:

— Чайку?

— Лучше бы чего другого! Вы что, летать научились, где вы вышли?

— А там, наискосок, по скалке, — меня передернуло, я эту самую «скалку» видел. Такие отвесы не для моих увядающих нервов.

— Что-нибудь есть?

— Не-а. Видимо, в шторма пляж перекрывается полностью. Если это так, то все давно уже съело море.

Делясь полученными впечатлениями, мы, как иваси в маринаде, забиваемся в маленькую палатку. Тут же гостеприимно зашумел маленький примус, заполняя все оставшееся свободное пространство густым теплым паром. Перекусываем вместе на скорую руку: усталость усталостью, а нужно выставлять охрану. За всю вахту согреться так и не удалось: при такой влажности одежда на теле сохнет неохотно. От ботинок пушистыми клубами поднимается облачко пара. Наконец вахта кончилась, и я залез в отсыревший, но уже нагретый спальник. Какое счастье! Спокойной ночи, неспящая земля!

К утру температура воздуха понизилась до -5° С. Грунт, в котором еще несколько часов назад по щиколотки вязли ноги, держал шаг не хуже городского асфальта. Дно палатки по краям надежно вмерзло во вчерашнюю хлябь. Газ мы использовали только на приготовление пищи — сэкономили единственный баллон. Неизвестно, когда рассеется туман, и совсем не факт, что за нами сегодня прилетит вертолет. Ночью к палатке приходил песец. Улучив момент, прокрался мимо охраны и умыкнул у нас, шельма, остатки вчерашнего ужина. Ну да ладно! Надеюсь, что он был искренне польщен нашими нехитрыми харчами.

09: 45. Погода наладилась, прилетел вертолет и перебросил нас на мыс Калина. Мыс этот довольно широкий, за один заход его не прочеешь, поэтому мы попросили усиления, но его, конечно же, не прислали: у базового лагеря своей работы предостаточно. Природа все же сменила гнев на милость, и ветра совсем нет. На шапки ледников брызнуло золотом солнце, а температура поднялась до +10° С. Рука может совершенно нормально писать, а всего несколько часов назад на морозном ветру у меня выводились такие каракули, что мне самому было трудно их прочесть. Наша одежда и обувь постепенно просыхает, утверждая приятное чувство тепла и стабильности. Жизнь прекрасна!

Мыс Калина не упоминается в записках Альбанова, сюда Максимов со товарищи идти и не собирались, но в основательно плохую погоду этот мыс легко, особенно с мерцающего купола ледника, перепутать с мысом Краутера. Основательно помятый северама маленький отряд шел без карты, которая осталась у штурмана, от мыса к мысу, при наглухо закрытом льдами заливе Грея, в условиях плохой видимости. Ошибиться здесь было не мудрено!

Результаты нашей экспедиции этого года пока еще очень скромные. Но если район поиска оказывается пуст, приходится проделывать гораздо больше работы, чтобы убедиться, что он действительно пуст. Поэтому — вперед и только вперед! Ходить по мысу Калина гораздо удобнее: под ногами сухо, нет остроконечных осколков базальта, некрупные валуны глубоко вбиты в плотную глину, невнятная клочковатая растительность не закрывает обзор грунта. Осмотр начинаем со стороны, уходящей в глубину залива, постепенно двигаясь к

открытому морю. Рядом с зоной прибоя узкая полоска фирна со свежими медвежьими следами.

12: 10. По спутнику пришло сообщение о нападении на базовый лагерь белого медведя. Зверь пришел берегом со стороны мыса Нила и, как его с детства учили родители, с подветренной стороны. С поразительной бесцеремонностью он занялся установкой в нашем лагере своих медвежьих порядков. Представляю, сколько ярких эмоций было у его обитателей! Медведя в результате отогнали дымом, но мне почему-то кажется (дай Бог ошибиться), что эта встреча не последняя: идеальное обоняние позволяет мохнатым полярникам улавливать запахи на расстоянии до тридцати (!) километров, и даже через двухметровый лед они чувствуют нерпу. Еще в первый день нашей вылазки на мыс Нила, когда мы видели медведей, было ясно, что рано или поздно они непременно будут в лагере. Это был один из тех двух медвежат-двухлеток, у меня на этот счет нет никаких сомнений. Значит, где-то рядом бродит его братец с огромной красавицей-мамашей. О событиях того дня мне потом рассказал «главный потерпевший» Михаил Карганов:

«Вы улетели накануне, а утром еще одна группа вместе с командиром отправилась на ледник для георадарных исследований. Оставшиеся в лагере рано утром пошли на другой край бухты устанавливать реперные точки для привязки к местности. По дороге крикнули мне в палатку, что я остаюсь в лагере один. Закончив записи утренних медицинских наблюдений за членами экспедиции, я вышел на улицу и пошел за горячей водой в кухню. Откинул полог палатки и замер:

передо мною стоял медведь таким крупным планом, что изображение показалось мне зернистым. В руках у меня из тяжелого только зубная щетка. Ружье лежало здесь же, в кухонной палатке, но только позади медведя. С остальным оружием ушла группа. Косолапый с ошеломляющей простотою помыслов хозяйничал в пакете с пищевыми отходами, который и привлек его внимание. «Миролюбиво» раздрав стенку палатки, громяхая консервными банками, медведь стоял ко мне тылом и увлеченный свалившейся на него удачей сразу меня не заметил. Медленно, стараясь не делать резких движений, я начал отступать к своим. Когда расстояние между нами увеличилось метров до пятидесяти, я уже побегал, широко размахивая руками. Услышав мои крики, ребята оставили свое занятие и, приветливо улыбаясь, не особо спеша пошли в мою сторону. Оказывается, они подумали, что я нашел что-то значительное и спешу их порадовать. Но заглянув мне за спину, выражение их лиц тут же поменялось. Они все поняли. Началась напряженная тяжба со зверем за территорию. В ход пошло все, что попадалось под руку: жестянки, дымы, кастрюли, сигнальные ракеты. Наконец, злоумышленника удалось приструнить, и, посрамленный, он все-таки покинул лагерь. При этом наши орлы еще успели сделать интересную фотосессию с нарушителем границы».

Рассказывал мне это Михаил уже спустя много дней на погранзаставе за рюмкой чая, но по его заискрившимся глазам я понял, что эта встреча надолго оставит свой след в его памяти. Ведь это было его первое очное свидание с белым медведем. Интересно, какие ощущения остались у медведя?

Я почему-то живо себе представляю, как снисходительно ухмылялась его мамаша, узнав о злоключениях своего незадачливого отпрыска. Слушая эмоциональный рассказ Михаила, я вдруг вспомнил, что где-то в свое время читал полушутку-полубайку о «норвежском способе защиты от белого медведя № 1». Основная суть его сводилась к следующему: чтобы не стать жертвой хищника, с собой в экспедицию всегда нужно брать человека, который бежит медленнее тебя. Вот такой он, сухой скандинавский юмор!

...Весной 2011 года на творческой встрече с почетным полярником, действительным членом Русского географического общества и Нью-Йоркского Клуба исследователей Виталием Георгиевичем Воловичем я услышал одну историю из жизни обитателей дрейфующей станции «Северный полюс-3», в которой ему довелось принимать участие. Среди полярной ночи в продуктовую палатку экспедиции забрался белый медведь, вскрыл бочку с квашеной капустой (!) и с превеликим удовольствием стал уплетать ее за обе щеки. Инженер полярников заморожено фотографировал это знаменательное событие, но, видимо, излишне увлекшись, переступил рамки дозволенного. Внезапно мишка прекратил трапезу и решил переключить свои гастрономические интересы на человека. На истошные крики несчастного выбежал радист с карабином и единственным патроном сразил мародера в самое сердце. С медведем было покончено, а чуть живой инженер не смог произнести ни звука в течение целой недели.

У всякого уважающего себя белого медведя любопытство в крови, и с этим ничего поделать нельзя. В основном

именно это влечет медведя к стоянкам человека. Кроме того, существует большое количество любителей покормить зверушек с борта ледокола, умиляясь, как ловко и забавно они расправляются с банками со сгущенкой. Выглядит это действительно забавно, только никто при этом не задумывается, что раз от раза у медведя вырабатывается понимание, что присутствие людей — это легкий способ получить лакомство, а когда его нет, то в дело нередко идут сами благодетели.

В вахтенном журнале дрейфующей станции «Северный полюс-2» есть запись океанолога М.М. Никитина:

«С неудобствами можно мириться. Но вот с постоянной угрозой встречи с медведем никак не свикнешься. И это отравляет наше существование»...¹

Продолжаем зачищать мыс Калина, ожидая звонка от командира, который вместе с Ершовым, Чичаевым, оператором Николаем Кочемасовым и специалистом по широкополосному радиозондированию Павлом Морозовым полетели на вертолете исследовать ледник в районе седловины между куполами Греттона и Пири на острове Земля Георга. На основании результатов предварительного обследования были получены научные основания для предположения, что пространство между этими куполами является проливом, перекрытым ледником: ледяной пласт здесь имеет большую толщину залегания, чем его высота над уровнем моря. То есть полуостров Сумгина на самом деле может быть островом.

¹ Лебедев В.И. Личность в экстремальных условиях.

Для окончательного заключения о наличии пролива необходимо проведение полного георадарного обследования по оси седловины и по склонам. А для этого потребуются разворачивание здесь исследовательской базы и большое количество времени на промеры. На практике же это означает, что нужна отдельная экспедиция с привлечением гляциологов. Все-таки кое-что и в современной географии еще требует корректировки!

Этот поход наших исследователей тоже не обошелся без приключений. Едва спрыгнув с зависшего в воздухе вертолета (посадить машину там просто негде), Павел сразу же угодил в трещину ледника — группа еще не успела надеть альпснаряжение и связаться веревкой. От дальнейшего падения ученого спасло только его мощное телосложение: трещина уходила под углом в сторону, и он попросту в ней застрял. А тут еще на беду явился белый хозяин этих мест, проконтролировать, чем это в его поместье занимаются чужаки. В общем, острых ощущений нашим товарищам в этот день тоже хватило сполна.

В заливе Грея пятеро моржей с характерным фырканием нежились на солнышке у одинокой стамухи. Вне всякого сомнения, это были именно те звери, которых мы встретили в первый же день работы нашей группы на мысе Нила. По крайней мере, одного из них я точно узнал «в лицо» — большая часть левого клыка у него характерно отломана. Несмотря на кажущуюся беспечность, его маленькие красные глазки постоянно сверлили в нашу сторону, но, видимо, как серьезную опасность он нас все-таки не воспринимал.

Хорошо любоваться моржами, стоя на берегу, бедово, когда плывешь рядом с ними на угле каяке:

«Моржи и вчера не оставляли нас в покое: раза три они делали на нас нападения, к счастью, окончившиеся благополучно. Высунется из воды сажень в 50 от каяков и, громко фыркая, злобно и удивленно следит за нами. Но вот он ныряет, и мы видим в прозрачной воде, как он идет к каякам, повернувшись на бок. Я не сомневаюсь в их намерении ударить в каяк клыком»¹.

Старая поморская пословица гласит: «Промышляй моржа на берегу, а ошкуя² в море». И ведь верно замечено! Туши в несколько тонн весом, неповоротливые и внешне безобидные на берегу, в море становятся проворными и грозными охотниками. Они в состоянии пробыть под водой десять и даже более минут, а потом внезапно вынырнуть и нанести сокрушающий удар по намеченной цели. И хотя основной их пищевой рацион составляют моллюски, но «боднуть» из любопытства проплывающую мимо лодку для них не проблема.

Мир пернатых на мысе Калина оказался очень беден: в основном это люрики и единичные чайки, да еще пара маленьких куличков — морских песочников. Растительность тоже небогата: мох, растущий отдельными пучками с незначительными высевами каменоломки. Его становится больше лишь ближе к выходу из залива, где возле террасы из столбчатого долерита мы ожидали прибытия нашего вертолета.

¹ Альбанов В.И. На юг, к Земле Франца-Иосифа!

² Белого медведя.

Следов пребывания группы Максимова мы здесь так и не обнаружили. Да и не мудрено: птиц очень мало, плавника для дров тоже практически нет. Для людей, оказавшихся в экстремальной ситуации, это совершенно бесполезное место.

Прямо в море, не далее трех километров, едва заметен маленький остров Давида. Справа от нас хорошо виден мыс Краутера. Кажется, что он почти рядом, а на деле до него не менее десяти часов ходу по леднику. Слева — чуть подернутый дымкой тумана мыс Гранта. Такие дни, как сегодня, скорее счастливое исключение из бесконечной череды туманов и ветров. Я с благодарностью и нескрываемым удовольствием принимаю этот мимолетный подарок природы. Рассчитывать на то, что такая идиллия продлится еще хотя бы несколько часов, не приходится. Поэтому с наслаждением сижу, досушивая обувь на разогревшихся на солнце каменных «карандашах»: идеально правильной шестигранной формы огромные базальтовые столбы возвышались причудливым амфитеатром затерянной Гипербореи.

А люди здесь все-таки были. Но это, к сожалению, наши не слишком аккуратные соотечественники из геологической экспедиции 1971 года. Такие же водочные бутылки и банки из-под тушенки, а также деревянную мемориальную табличку на столбе об их пребывании мы обнаружили в прошлом году на острове Давида.

20: 40. Возвращаемся в базовый лагерь и слушаем рассказы его обитателей о встрече с белым медведем. Я почему-то живо представляю себе картину: что, если бы это был не глуповато-любопытный молодой медведь, практически еще ребенок, а взрослый и практичный хищник-рецидивист?

На завтра запланирована очередная переброска группы «Поиск» на вертолетах, но перед этим всем нам нужно зачистить вершину морены и скальные кручи, что вздымаются над нашим лагерем заснеженными небоскребами. Поэтому теперь пару часов сна, а ночью наверх, раскидывать камни.

27 июля 2011 года.

На циферблате второй час ночи. А может быть, уже дня? По возвращении домой нужно будет обязательно купить часы с двадцатичетырехчасовым циферблатом во избежание путаницы. Ан нет, электронное табло навигатора подтверждает, что сейчас все-таки ночь. Ну, значит, во втором часу ночи выходим на скалы над базовым лагерем. Сюда могла пойти в обход группа Максимова, не сумев преодолеть сложный ледник «в лоб». Плато почти идеально ровное, будто укатанное катком, с незначительными скоплениями базальтовых камней. Все остальное — это мелкий плотный щебень. Местность просматривается далеко и детально: никаких следов пребывания человека. Недалеко от обрыва, чтобы было видно с моря, складываем гурий с вложенной капсулой о целях и ходе нашей экспедиции:

«Здесь работала поисковая группа «По следам двух капитанов». В 2010—2011 гг. нами обнаружены останки участника экспедиции л-та Г.Л. Брусилова. Снявшему записку просьба сообщить по адресу...».

Начинаем спуск к лагерю. Внизу, как муравьи, на морене работают люди — это дежурная смена продолжает ворочать камни.

05: 10. Возвращаемся к палаткам, наскоро перекусываем и ложимся спать. Поступила новая вводная: через два часа подъем, сбор лагеря и перенос его на соседний остров Белл.

12: 00 Лагерь уже практически собран. Но, к сожалению, местные метеорологические условия весьма далеки от совершенства: по сложившейся доброй традиции в последнюю минуту выпал туман. Запланированные на 14 часов вертолеты дали отбой. Теперь созваниваемся с летчиками каждый час. Все набились в оставшуюся неупакованной кают-компанию. У меня какое-то странное неприятное чувство недоделанности задачи: все кажется, что мы здесь еще чего-то не нашли, и, видимо, сама природа не хочет нас отсюда отпускать.

17: 15. Эпидемия плохой погоды продолжается. Вертолеты пока так и не прилетели. Сидеть в пустом ожидании сложа руки уже невтерпёж. Снова выходим на морену. И вдруг на жалких остатках хребта морены я нахожу маленькую кость. Со всех ног бегу в палатку к профессору Звягину:

— Виктор Николаевич, ну скажите мне, что это V плюсовая кость! — в душе еще теплится слабая надежда.

Опытный судмедэксперт склоняется над находкой. Кость изрядно потерта каменной крошкой. Я вижу, что он понимает мое состояние и даже очень хочет меня обнадежить, но в первую очередь он все-таки ученый.

— В Москве я отвечу тебе навсерьняка. Вообще-то, похоже.

Собираем рабочее совещание. Если сегодня вертолеты все-таки смогут прилететь, решаем оставить здесь еще на день-два мобильную группу, остальные полетят на «Нагурское», потому как при таких погодных условиях садиться

вертолетами на остров Белл нереально. На заставе будут ждать летнюю погоду. Сколько — одному Богу известно. Я, естественно, набиваюсь остаться с частью экспедиции на морене.

В 22:10 вертолет улетел. Нас осталось шестеро. Легкий ужин. Когда снова пошли копать, Саша Чичаев наткнулся на комок бумаги. Из-за спрессованности и грязи он был больше похож на камень. Место, где лежала бумага, нанесли на схему обнаружений. Получилось, что этот комок располагался на склоне по линии, параллельной всем предыдущим находкам и на три с половиной метра ближе к морю. Решили расчистить и весь этот склон. Стали появляться рыжевато-русые мягкие волосы клоками и поодиночке. Склон морены моментально оживал при любом неосторожном движении, поэтому пришлось сколотить из досок специальные камнеуловители, чтобы остановить обвал, и начали отгребать все с самого верха и до низа. В погребенном подо льдом и камнями русле ручья, который до этого вычислили георадаром, мы нашли несколько костей явно животного происхождения, а рядом с ними истрепанную клеенчатую обложку от тетради черного цвета. Такие тетради выдавала экипажу еще в начале плавания Ерминия Жданко:

«Она раздала всему экипажу толстые клеенчатые тетради, собственноручно ею озаглавленные: «Дневник матроса (фамилия) экспедиции Брусилова от Петербурга до Владивостока, которая имеет цель пройти Карским морем в Ледовитый океан, чтобы составить подробную карту в

границах Азии и исследовать промыслы на тюленей, моржей и китов»¹.

28 июля 2011 года.

Я проснулся ранним утром от непонятной сырости. На печке умирал выкипающий чайник, с потолка методично капает конденсат, теплые капли которого быстро исчезают на поверхности моего спального мешка. Как-то мне внутренне «недохорошо». Начинаю смутно вспоминать. Так получилось, что этой ночью я сменился с работ несколько позже остальных. Моя смена уже спала мертвым сном, сотрясая недюжинным храпом стенки кают-компаний. Несмотря на усталость, долго ворочался в спальнике. На столе стояла резервная емкость, заполненная «шилом». «Сугубо для сна» налил себе в свободный стакан на пару глотков обжигающей жидкости: во рту от чистого спирта полыхнул пожар. В поисках спасения окинул взглядом стол: рядом стояла кружка с холодной водой и лимоном. Одним залпом запил «окаянную» и тут же все понял. Ну, спасибо вам, добрые люди! В кружке был все тот же спирт. Ну хорошо, хоть не уксус. По молодости сам так любил пошутить, но как я мог пойматься на этот бородастый трюк? Теперь я почетный обладатель недвусмысленного синдрома, а народ ходит с хитрыми глазами и, чья это была идея, естественно, не сознается.

13: 40. Настроение дрянь. За сегодняшнюю ночь нашли на склоне три больших, размером с кулак, куски дневников. Спрессованная временем бурая бумага может хранить

¹ Альбанов В.И. На юг, к Земле Франца-Иосифа!

в себе ответы на многие интересующие нас вопросы. Но разобрать, что на ней написано, не нанеся ущерба находке, на месте невозможно, поэтому сразу упаковываем ее в пластиковый контейнер. Русых в седину волос попадаетеся все больше, но головы, точнее, черепа по-прежнему, нет. Погода стабильная — туман, полное безветрие, температура $+3^{\circ}\text{C}$. Постепенно накапливается усталость. Теряется ощущение времени. Рванный сон не приносит облегчения. Как тут начинаешь понимать группу Максимова! Подняться на морену становится определенным испытанием. Шутить уже нет никакого желания, всё больше молчим. Ложимся спать, не раздеваясь, хотя температура позволяет. Заснуть сразу удастся далеко не всегда. Всё делается с усилием воли. Ну, хоть бы одна зацепка! Отработавшая на морене смена приходит совсем убитая.

— Ничего? — спрашиваю с тлеющей надеждой.

Андрей Волобуев устало мотает головой. Андрей человек благородной, но психологически трудной профессии. Он детский хирург-онколог. Чтобы выдерживать весь груз окружающего их человеческого горя, такие люди по жизни должны быть неисправимыми оптимистами. Но даже и у него наступает предел. Все еще пытаясь поострить, он неожиданно спрашивает:

— С тем, что имеем, сможем здесь перезимовать? А то копать нам тут, видимо, до новогодней елки.

— Да я не против. С одежкой для зимы, конечно, плоховато будет, да и с провизией... Но, если что, патронов для охоты хватит, это точно. Правда, как-то нехорошо это — здесь все-таки заповедник. Зато появится время для написания

какого-нибудь запудного фолианта о психологии замкнутого коллектива в экстремальных условиях, — пытаюсь поддержать настроение коллеги.

В 19:00 за нами прилетел вертолет. Второй борт в это время уже разгружал оборудование для базового лагеря на острове Белл. Высадили, где смогли — погода не балует, так что не до жиру. Прибоя не слышно — до береговой линии метров четырехста. Лагерь ставим временный, так как поблизости совершенно нет пресной воды. Птиц не видно и не слышно, растительности никакой. Здесь вообще ничего нет, кроме серо-бурого песка и валунов — верный признак того, что низкие берега систематически заливаются штормами. Если бы не холод, можно подумать, что мы находимся где-то в пустыне Гоби. Кстати, «гоби» с монгольского языка так и переводится «безводное место». До места работ, а на этом острове мы собирались искать место захоронения матроса Ольгерда Нильсена, около восьми километров вдоль берега. Если срезать по «бездорожью», то шесть. Когда наладится погода, нужно будет перелетать. Но при таком безветрии она не наладится, думаю, никогда.

Как известно, на свете нет ничего более постоянного, чем временное. Уже на следующий день, посоветовавшись, решили, что ждать приятных чудес от погоды можно бесконечно и базу нужно оставлять здесь. Разведгруппа выйдет налегке, взяв с собой только самое необходимое. А уж если придется проводить полномасштабные работы, тогда и будем переезжать. Перестановка лагеря — это потеря как минимум еще одного драгоценного дня, а времени остается все меньше. У нас пока

не обследован мыс Краутера, и хотя бы на сутки нужно вернуться к «кресту» — там осталась площадка где-то пять на пятнадцать метров, ну и глубиной почти на метр. Профессор Звягин сказал, что нельзя исключить, что найденные нами волосы принадлежат человеку. Нерасчищенной осталась всего треть склона, голова должна быть там!

— Тебе помочь или не мешать? — я подхожу к Андрею Скорову, больше известному в миру за свою фамилию как «Эшелон». Андрюха сосредоточенно и заботливо зашивает крестиком огромную дыру в кухонной палатке, оставшуюся после визита в лагерь белого медведя. Кстати, с медведями здесь, скорее всего, тоже может быть непросто: нескольких крупных особей видели вертолетчики, когда летали над островом в ясную погоду. А ведь остров Белл по размеру в сравнении с Землей Георга совсем маленький. Если хорошо прислушаться в тумане, то можно услышать вдалеке храпение стада моржей, значит, есть потенциальная кормушка для хищника. Так что без особой нужды медведи отсюда не уйдут. Нужно быть готовым к приходу новых гостей.

Свою спальную палатку мы поставили на идеально выровненный песчаник. Но всего через день под ковриками стали появляться округлые камни величиной с гусиное яйцо. Я грешным делом было подумал, что кто-то опять шутит, но потом понял, что земля под нами протаяла и камни просто выдавливает из мерзлоты наружу. Пришлось делать ревизию.

29 июля 2011 года, пятница.

После завтрака мы отправились на ту часть острова, где, по описанию Альбанова, он с тремя остававшимися еще в

живых спутниками похоронил матроса Нильсена. Не успели мы пройти и двух километров, как неожиданно из ложбины выскочил разбуженный по неосторожности медведь. Настроение косолапого было напрочь испорчено, и его намерения не стали для нас особым откровением: медведь явно хотел познакомиться с нами поближе. Пальба началась из трех ракетниц по четыре заряда каждая, но зверь пружинистым неумолимым шагом продолжал двигаться в сторону людей, совершенно не реагируя на начавшуюся канонаду. Когда расстояние сократилось до критического, Рома Ершов, у которого с собой было единственное ружье, выстрелил мелкой дробью зверю под ноги. Засвистели отлетевшие рикошетом осколки базальта. Медведь подскочил от неожиданности и, устрашающе шипя, начал неохотно отступать. Сбившись в кучу, мы продолжали шумовую атаку. Наконец, поминутно оглядываясь и все еще не понимая, почему это удача полярного охотника на этот раз отвернулась от него, косолапый затрусил прочь. В общем, в этой истории обе стороны обделались легким испугом.

— А чё никто стволы-то не взял с собой, полярники?

Оказалось все просто. Когда собирались в дорогу, ружья за плечи закинули все. А тут командир возьми да скажи:

— Вы как на фронт собрались, а не на работу!

Конечно же, все, кроме Романа Ершова, оружие дружно и оставили — таскать лишний вес никому особо-то и не хотелось. Я уходил, когда отряд уже скрылся за склоном скалы, и народ понадеялся, что одного ружья и моего карабина для обеспечения безопасности вполне будет достаточно. Но я-то слышал, что все оружие взяли, и не видел, что его оставили

в лагере. Дополнительные шесть килограммов меня не радовали, и карабин остался лежать в палатке. Когда медведь уже отбежал, я с досадой на себя вдруг сообразил, что в эти минуты совсем позабыл про фотоаппарат, висевший у меня на шее.

— Черт, хотя бы поснимал с близкого расстояния! — Но было уже поздно: несостоявшаяся фотомодель уже исчезала за косогором.

Погода решительно не хочет нам помогать. Туман не рассеялся до сих пор. Выходим на юго-восточное побережье острова, куда приставала каячная группа Валериана Альбанова. Особым разнообразием это место не отличается: крутом вбитые в землю валуны, сплошь покрытые мхом и ягелем, да несколько огромных каменных тумб, весом в десятки тонн. Вот и весь унылый пейзаж. Ищем хоть какое-то подобие насыпи, но не за что даже глазу зацепиться. Очередной раз перечитываем записки штурмана:

«Часа через два или три мы вытащили своего успокоившегося товарища из нашего шалаша и положили на нарты. Саженьях в 150 от берега, на первой террасе, была сделана могила. Могила эта не была глубока, так как земля сильно промерзла; даже камни под верхним слоем так смерзлись, что без лома невозможно было оторвать их, и нам пришлось только разбросать верхний слой их. К этой могиле был подвезен Нильсен на нартах, и в ней его похоронили, наложив сверху холм из камней»¹.

И еще несколькими страницами ниже:

¹ Альбанов В.И. На юг, к Земле Франца-Иосифа!

«Там мы могли сложить над телом его холм камней, а на крест у нас не было материала»¹.

С 1835 года в России длина сажени была принята 2 метра 13 сантиметров, морская же сажень, которой вероятнее пользовался Альбанов, 1 метр 82 сантиметра. В любом случае он дает расстояние на глаз, и оно составляет где-то 275—320 метров. Да, действительно, вот она, эта терраса, но никаких признаков захоронения здесь нет! Распиряем район поиска, существенно суживаем галсы: результат тот же. Может быть, помогут дневники Конрада? Увы, у него по этому поводу написано еще меньше:

«6—7 июля. Ночью скончался Нильсен. Утром 7-го мы его похоронили тут же на острове, довольно на высоком месте. Обложили труп камнями».

Если камни были настолько смерзшиеся, что отбивались только ломом, много ли камней лежало на теле? Как ловко в поисках добычи разбрасывают камни белые медведи, мы уже видели в первый же день своего пребывания на мысе Ния. Остальное потом доделывают песцы, чайки и время. Видимо, так и зародилась еще одна тайна, оставшаяся неразгаданной.

Поздним вечером возвращаемся в базовый лагерь с пустыми руками. Там нас уже ждет приготовленный ужин, а вернее, запоздалый обед, после которого я проваливаюсь в сон. Ночью краем уха слышал, что кого-то понесло в домик Эйры, построенный еще экспедицией Ли Смита в 1881 году.

¹ Там же.

Оказалось, это Роман Ершов с Андреем Скоровым пошли наводить там порядок после посещений туристов. Жаль, что меня не смогли растолкать!

Сегодня, пока мы искали могилу Нильсена, в базовый лагерь прилетал вертолет, мы его слышали на мысу, но из-за тумана так и не увидели. Оказалось, что непогода помешала ему сесть в лагере. Хотя над возвышавшимися скалами летчики видели яркое солнце, землю полностью закрывала густая низкая облачность. Но наши винтокрылые херувимы умудрились сбросить нам ценнейший подарок: две буханки свежего хлеба, который кончился у нас два дня назад. Искали мы его в тумане часа три, хотя летчики и передали по УКВ точные координаты сброса. Зато сколько было радости!

Вчера звонил домой, там все хорошо, узнал, что у нас скоро опять будет пополнение: в пятый раз стану отцом. Свои эмоции я с трудом придержал при себе, а ребята стали шутить, что каждая моя экспедиция в Арктику заканчивается одинаково успешно. Я и сам давно обратил внимание на то, что у полярников большое количество детей далеко не редкость. Уж не знаю, подарок ли это судьбы за определенное напряжение духа, или инстинктивно люди пытаются оставить на Большой Земле самое главное, для чего они пришли в этот мир.

В Москве продолжается жара +35° С, а у нас сейчас температура упала до -2° С, все подмерзло. С домика Эйры сообщили по радиии, что вокруг него шатаются два медведя. Одного они спугнули, и он поплыл в сторону острова Мейбел. Надеюсь, наши ребята будут осторожными.

30 июля 2011 года.

08:45. Сижу на крыльце домика Эйры. Пришли мы сюда с Сашей Унтилой, специально поднявшись на несколько часов пораньше. Быть на острове Белл и не посетить этот домик — непростительное неуважение к истории освоения Арктики. Фотографировал надписи, сделанные на стенах Ли Смитом, командой Джексона и Самойловичем. Изба не перестраивалась вот уже сто тридцать лет, здесь побывало такое количество мамонтов полярного мира, что страшно даже наступать на половицы. Тщательно и аккуратно пронумерована каждая доска, каждая ферма. Разъяренные ветры и соленая штормовая морось с моря только закалили потемневшую от времени древесину.

10:00. Только что вернулись в лагерь. Перекусить не удалось: группа уже выходила. Поэтому немедленно отправляемся в район поиска могилы Нильсена с другой стороны острова. Работе, кроме всего прочего, мешает не прекращающийся упрямиться туман. Скалу, которая является визитной карточкой острова Белл в виде характерного колокола, по-прежнему не видно. Поиски оказались безуспешными.

14:10. Снова в базовом лагере. Меньше чем через час наш палаточный поселок, кроме кают-компаний, в очередной раз был собран. Отряд готов к вылету. Начались бесконечные переносы вертолетов на час, еще на час.

16:00. Пришло подтверждение, что через сорок минут, несмотря на непогоду, летчики взлетают. Дальше ждать некогда: у них заканчивается полетный регламент, а это соблюдается строго. Все сидят в кухонной палатке и в ожидании борта

дремлют. Но вот издалека постепенно нарастает рокочущий шум моторов, и сон как рукой сняло.

Как садились вертолеты, описать невозможно, это нужно было видеть. Шум винтов мы услышали задолго до появления машин, но когда из тумана прямо у нас над головой нависло огромное железное чрево Ми-8, а минуту спустя появилось и второе, стало не по себе. Оставляя оранжевый шлейф, вниз летит дымовая шашка. Со стороны кажется, что несущий винт вращается в каком-то метре от каменно-песчаной насыпи и вот-вот разнесет здесь все в щепки. Смотрю на Олега Продана. Я знаю, что в нагрудном кармане у него лежит новенькое удостоверение на право управления вертолетом, которое он получил перед самым началом экспедиции. Поэтому ему, как никому другому из нас, известно, что будет, если что-то пойдет не так. Искусно преображая русский мат, с напряженным лицом Олег изо всех сил старается перекрычать моторы, пытаясь что-то показать летчикам. Конечно, они его не слышали, а до нас долетали лишь смачные обрывки самобытной лексики командира.

...Снежный апрель 1994 года. Гыданская тундра. Основной задачей прибывшей сюда российско-бельгийской экспедиции «Взгляд на Север» было изучение влияния геологоразведки на экологическое состояние тундры. Несмотря на заявленные научные цели и статус международной, экспедиция, как у нас водится, проводилась на голом энтузиазме ее участников. Среди белоснежного бесконечья, вжатая в морозную тундру, ютилась самодельная брезентовая палатка полярников. Пошла вторая неделя, как они покинули становище оленеводов

и вышли на завершающую точку своих исследований. Два бельгийских профессора и пятеро россиян, затерянные на краю света. Позавчера, когда умирающие на морозе аккумуляторы коротковолновой радиии еще давали возможность связи, были переданы координаты нахождения группы и согласовано контрольное время прихода вертолета. Ночью температура опустилась до минус 35° С. Естественно, печек в палатках не было, но в такой тесноте можно было надышаться до минус двадцати пяти! Для тридцатитрехлетнего Олега Продана это была первая экспедиция в Арктику, можно сказать, начало начал. Инструктор парашютного спорта исхитрился даже сюда притащить свой выдавший многое купол и нашел здесь для него не менее важное применение: накрывшись всем гуртом тонкой полупрозрачной шелковой тканью, люди могли хоть как-то заснуть. Координаты летчикам передали наиточнейшие: бельгийцы контрабандой протащили запрещенный тогда в России GPS-навигатор. Но все планы спутал туман. Дважды совсем рядом был слышен приближающийся шум моторов. В небо летели сигнальные ракеты, искрили фальшфейеры, но все было тщетно: так и не обнаружив людей, вертолеты улетаели прочь. Начинался циклон, а в этих краях это надолго. Провизия подходила к концу. Делать нечего, решили пойти на крайние меры — выбираться самостоятельно. До ближайшего поселка почти двести километров, и это напрямую по карте. И вдруг...

«По оставленному нами следу аккуратно к палатке выползает, я не оговорился, не вылетает, а именно выползает ревущая машина Ми-8. Вертолет двигался медленно и неотвратно, как в замедленном кино, прямо на нашу палатку.

А потом вдруг все завертелось суетливым калейдоскопом. Взлетает ракета. Вертушка садится. Радостная встреча. Быстрые сборы. Дорога домой. Но в тот момент я уже точно знал, что в моей жизни появилась новая точка отсчета, и я безнадежно заболел Арктикой».

Так впоследствии описал этот случай Олег Продан. Глаза командира оживленно заискрились, и я понял: время не смогло стереть его первых полярных впечатлений...

Несмотря на экстремальные погодные условия, вертолеты на остров Белл приземлились благополучно. Шутка ли, боевая авиация ФСБ России! Качнувшись крайний раз, замерли в воздушном молоке усталые винты. Летчики выходят с серыми от напряжения лицами, но почему-то улыбаются.

— Ну что, похоже, нас здесь уже не ждали? — комэска Михалыч, Сергей Михайлович Кирюшкин, спускается по трапу последним...

...Полтора года срочной службы в Казахстане. Погранвойска. Сборы и экзамены в Киргизии для поступления в военное летное училище — мечта детства. По окончании учебы молодой лейтенант направляется из огня да в полымя: Колыма, Лена, Воркута. Названия городов и весей чередой мелькали под винтами его вертолета. Неизменным оставалась только география полетов: Крайний Север. Сергей Михайлович облетал его весь от Певека до Архангельска, работал на полюсе, принимал участие в строительстве новой погранзаставы «Нагурское», доставляя первые грузы на внешней подвеске с научно-экспедиционного судна «Михаил Сомов». Участво-

вал во многих арктических экспедициях, в совместных с МЧС учениях, аварийно-спасательных и эвакуационных работах, санитарных рейсах по спасению жизни пограничников и местного населения. Я как-то попросил его написать о себе поподробнее. Ответа пришлось ждать долго — подполковник Кирюшкин был в очередной длительной командировке. Наконец я получил несколько сухих коротких фраз:

— А что поподробнее? Служба как служба. Ты же знаешь, *как* здесь. У летчиков, особенно у полярных, очень много всевозможных служебных инструкций, но действовать в первую очередь приходится сообразно сложившейся ситуации. Справляемся. А из памятного прошлого, даже не знаю... две командировки на Кавказ...

Для меня небрежно брошенное «две командировки на Кавказ» с многоточием, говорит о многом. И в первую и во вторую Чеченскую кампанию вертолеты сыпались с неба пылающими факелами с завидной регулярностью. В условиях горного рельефа прикрывать их работу было практически нечем...

Отправив один вертолет с основным экспедиционным грузом в «Нагурское», на другой машине мы с третьего захода сели неподалеку от мыса Флора на Нортбруке. Добрались до хижины-рубки, в которой некоторое время жили Альбанов и Конрад, после того как пришли сюда на каяках. Но тут нас ждало большое разочарование. Домик, простоявший сто тридцать лет на вечной мерзлоте, скованный по всему периметру мощными металлическими скобами и всего год назад казавшийся нам таким еще крепким, был полностью

разрушен. Судя по всему, произошло это совсем недавно: трава под развалившимися стенами слегка примята и даже не пожелтела. Тут же кто-то из нас вспомнил, что видел в Интернете отчет месячной давности о посещении этого места иностранными туристами и на прилагаемых фотографиях домик еще стоял. Наиболее реальная версия разрушения — близко подсевший вертолет, который просто сложил историческую постройку потоком воздуха. Роман Ершов, как директор национального парка, взял на личный контроль расследование этого инцидента.

Тесная связь времен на мысе Флора остро ощущается повсюду. Джексон, Нансен, Ли Смит, Альбанов.. Оставленный ими след здесь все еще заметен, еще не полностью смыт волной переменчивого времени. С ревностным взглядом первооткрывателей стоят они незримыми историческими монументами, неутихающий жестокий ветер по-прежнему острой бритвой кромсает их обветренные лица. Но мужество не имеет срока давности, и пока хоть одна живая душа на свете помнит их подвиг, они будут здесь.

На этом месте и обрывается, собственно, история экспедиции Г.А. Брусилова на «Св. Анне». Отсюда штурман Валериан Иванович Альбанов и матрос Александр Эдуардович Конрад в конце июля 1914-го возвращаются домой уже на шхуне «Св. великомученик Фока» с измотанным, побитым невзгодами и цингой экипажем на борту, некоторые члены которого могли перемещаться по палубе уже только на четвереньках.

Попрощавшись с мысом Флора, мы, благодаря филигранному мастерству вертолетчиков, благополучно долетели до

погранзаставы «Нагурское», где моментально выстроилась живая очередь возле долгожданных душевых кабинок с горячей водой. Разбирая дневниковые записи, я засиделся далеко за полночь. А утром в 9:00 снова борт и снова лететь на «крест» заканчивать работы на морене.

31 июля 2011 года.

Кажется, сегодня воскресенье. Впрочем, здесь это не имеет практического значения. «Время разбрасывать камни!» Это о нас. Часть группы ставит временный лагерь — на все отведено не более двух суток, часть уже по полной программе работает в «каменоломне». Должно же нам в этом году повезти! Пока менял очередную, уже не помню какую, пару разодранных в клочья перчаток, снова взялся за карандаш.

В половине первого дня нашли большой кусок вязаной ткани. Ломаем голову: что это? Ткань объемная: шапка, рукавица или реглан свитера? Чем глубже вгрызаемся в мерзлоту, тем чаще попадаются волосы. Виктор Николаевич тщательно фиксирует все находки. Интересный человек этот профессор. В октябре у него юбилей — семьдесят лет, а он уезжает на край света ворочать камни. При этом никто никогда не слышал, чтобы он пожаловался на усталость. Гвозди бы делать из таких людей! Кроме того, он обладает феноменальнейшей памятью и тонким чувством юмора. Если случается возможность, всегда поддержит хорошую компанию не только научными беседами. Как-то в Центре судебно-медицинской экспертизы он демонстрировал нам одно упражнение: поднятие шестнадцатикилограммовой гири на вытянутой ноге до пояса. При этом профессор сетовал:

— Да, годы дают о себе знать! Раньше-то я это делал с двухпудовой!

Было как-то неловко, но никто из нас внятно это упражнение повторить так и не смог.

Вообще коллектив, несмотря на свою неоднородность, у нас подобрался дружный, трения случаются крайне редко, да и связано это с накопившейся усталостью. Конечно же, далеко не все печатается из того, что пишется в полевых дневниках. В каждой избушке есть свои погремушки! Даже величайший филантроп Нансен, читая курс своих лекций с красноречивым названием «О чем мы не пишем в книгах», признавал, что во время труднейшей зимовки на Земле Франца-Иосифа, лежа бок о бок с Йохансоном в тесной каменной норе, они порой неделями не разговаривали друг с другом! И все-таки, чертыхаясь, посылая в известном направлении непогоду, несмотря на ограниченное количество времени, мы упорно продолжаем заниматься ландшафтным дизайном в полярных широтах.

Я сменился спать, но, пока в кают-компании нет неприемлемых борцов за правильный образ жизни, с наслаждением докуриваю отсыревшую папиросу. Уже привычно заныла поясница, и выходить из теплой палатки за пепельницей не было никакого желания. Опасливо, как нашкодивший школьник, оглянувшись по сторонам, быстренько забиваю ногой окурок в галечный пол. Из-под залепленного глиной ботинка появился оброненный когда-то кусок шоколада. А вот это славно! Теперь можно еще полстаканчика чайку перед сном.

Наша с Унтилой палатка стоит всего в трех метрах от установленного в прошлом году креста, на берегу маленького озера диаметром около восьми метров. Вернее, это даже не озеро, а большая лужа со сбегаящими в нее шустрыми ручейками. Когда мы улетали отсюда несколько дней назад, крест и камень с памятной табличкой стояли на сухом месте. А сегодня под них уже течет вода с ледника, несмотря на то, что погода крайних дней теплом нас совсем не баловала, да и солнышком тоже. Ручьи, разбухшие от тающего льда, так стремительно наполняют лужу, что рядом стоящую палатку Саши Чичаева уже начало заливать и теперь ребята ее переставляют. Пришлось выкопать довольно глубокий отводной канал, чтобы вода стала убывать. Я воткнул в край воды ледоруб, чтобы следить за изменением ее уровня. Пока ситуация нормализовалась. Сегодня тепло. Бог мой, как же все-таки хорошо! Закрываю глаза, а в нескольких метрах журчит по своим делам ручеек, несущий воды реликтового ледника, и режут воздух своими крыльями вездесущие чайки. По сравнению с островом Белл здесь сейчас настоящий курорт. Спать ложусь на расстегнутый спальник. Надо поскорее заснуть: долго прожить в спокойных условиях в этих краях практически невозможно.

В пятом часу вечера был обнаружен костный фрагмент теменной части черепа размером 9,5 на 8 сантиметров. Я предполагал, что костный отломок принадлежит, скорее всего, белому медведю. Но главное, чего я не смог увидеть, но что не скрылось от опытного глаза судмедэксперта, это то, что самый край фрагмента имеет следы от воздействия

топора! Значит, у группы Максимова или как минимум у найденного нами человека был запас мяса, и медведь был застрелен здесь же, на «кресте» — не потащили же они тяжелую голову хищника через ледник! Логичнее было бы взять чистого мяса без костей. Как потом оказалось в Москве, было еще кое-что, чего по причине экспедиционной запарки, я пропустил. Пока мы обшаривали мыс Гранта, здесь, между двух огромных камней, ребята обнаружили старое кострище, а рядом с ним несколько костей, также принадлежащих белому медведю. А после экспертизы оказалось, что они имеют зарубки того же самого топора и принадлежат одному и тому же животному. Так потянулась еще одна логическая ниточка.

Вода к палатке за последние три часа все же подступила на несколько сантиметров, но температура воздуха с $+12^{\circ}\text{C}$ начала резко падать, лужа возле палатки к утру стала покрываться морщинками свежего льда, и теперь есть надежда, что нас не затопит.

Больше всего хлопот при работе на морене нам доставляет мелкий щебень, который, стекая нескончаемым каменным ручьем в освободившееся пространство, мгновенно заполняет все, что откапывалось в течение нескольких часов кропотливой работы, досадно сводя все наши усилия на нет. Кусочки вязаной ткани и волосы продолжают попадаться время от времени, поддерживая нас в нужном тонусе. И все-таки, где голова?

22: 00. Легкий морской бриз сладко убаюкивает монотонным похлопыванием стенок палатки. Через четыре часа очередная смена.

1 августа 2011 года.

06: 30. Только что закончили смену. Камни, камни, камни, камни... Они не кончатся никогда. Они везде. Даже во сне мы ворочаем их!

14: 30. Через полчаса радиосвязь с погранзаставой. Настроение унылое: черепа-то так и не нашли. Собираемся лететь отсюда сразу на обследование мыса Краутера. По неволе начинает казаться, что эта история так и закончится многоточием.

15: 30. До прибытия вертолета осталось два часа. Народ методично сворачивает лагерь. Мы с Сашей Унтилой с трудом, медленно переставляя ноги, в очередной раз забираемся на склон морены. Кажется, сделано все возможное. Сжав зубы, остервенело продолжаю разрывать камни, а к горлу подкатывает горький комок. В эти минуты мне меньше всего хотелось, чтобы меня кто-нибудь видел. Но рядом только Палыч, и для него мое горе понятно без всяких объяснений, хотя даже ему мне не хочется показывать красные не только от ветра глаза. Нужно отработать до конца. Неужели это всё? Неужели никто и никогда так и не сможет до конца разгадать тайну «Св. Анны» и ее экипажа? А может быть, в этом-то и заключается какой-то скрытый смысл? Может, у каждого поколения должны быть свои Саньки Григорьевы? Бороться и искать, найти и не сдаваться — лучше ведь и не скажешь. Были же до нас болевшие этой историей люди, мы внесли свою скромную лепту, а после нас обязательно придут и другие? Арктика тает, и может так случиться, что еще через сто лет она снова подарит неутомонным потомкам очередную надежду.

Ближе к семи часам вечера наша экспедиция забрасывается вертолетами на мыс Краутера, куда, вероятнее всего, береговая партия Максимова не дошла — они просто не смогли этого сделать. С нескрываемой грустью бредет по побережью наша команда, осматривая окрестности напряженным взглядом, в котором еще теплится слабый лучик надежды: а вдруг?

Но «вдруг» не случилось. Людей Максимова здесь тоже не было, во всяком случае, они после себя ничего не оставили. Пока мы еще осматриваемся, подполковник Кирюшкин натывается на склоне на медвежью берлогу. Белый медведь, в отличие от бурого, в спячку не ложится. Но их беременные самки роют в снегу яму, предпочтительно на склоне, выходящем к морю, а потом ждут, когда их занесет снегом. Протаивая телом снег и расширяя тем самым берлогу, они добиваются нужных для себя размеров и рожают там своих детенышей. Вот такое у них бесхитрое строительство. В обнаруженной берлоге лежала медведица с одним медвежонком. Заметив чужака, медведица предупредительно вытянула морду и зашипела. Свою и без того нелегкую судьбу Михалыч испытывать не стал, и все обследование берлоги свелось потом к фотографированию ее с вертолета.

Метрах в десяти от меня идет пограничник с автоматом Калашникова за спиной. При наличии охраны мы уже не брали с собой оружие — медведи стали нам почти как братья. А может быть, привыкнув постоянно находиться по разные стороны прицела, мы просто потеряли всякую осторожность. Я подхожу к огромному колоритному камню.

Над тяжело вздыхающим морем огромная, пятиметровой высоты глыба возвышалась безмолвным свидетелем событий последних столетий. Трещины на поверхности, словно глубокие рубленые раны, только подчеркивают ее грандиозность и основательность. Я остановился, полностью погрузившись в созерцание камня. Стало уже казаться, что вот-вот и мы сольемся в единое целое, но в это время где-то совсем рядом вдруг слышу восторженный шепот:

— Как же здесь красиво-то, правда?

Вздрогнув от неожиданности, я оглянулся: молодой контрактник с автоматом наперевес завороченно смотрел по сторонам и открыто улыбался. На его совсем юном, еще не обветренном временем загорелом лице лежала печать какой-то неземной, поразившей меня благодати. И понял я, что есть в этих краях что-то такое, чего в настоящее время встретить можно уже далеко не везде: вот же он, Человек, охраняющий рубежи своей Родины, заброшенный сюда волей судеб в искреннем и по-детски наивном восторге тихо спросивший меня:

— Как же здесь красиво-то, правда?

Это было совершенно не то, что я здесь искал. Но не это ли главное: суровые люди, стиснув зубы ходившие по этой земле, и совсем еще пацан с автоматом, не скрывающий своего восхищения непорочной красотой:

— Как же здесь красиво-то, правда?

Улетаю не пустым. Я обрел много больше, чем хотел. За проведенные здесь две экспедиции моя персональная эволюция продвинулась настолько, насколько не двигалась уже добрый десяток лет.

События последующих дней нашего пребывания в Арктике, вплоть до возвращения домой, уже не имели непосредственного отношения к целям и задачам экспедиции, хотя и наложили определенный отпечаток на мои ближайшие планы, поэтому опишу их вкратце.

2 августа 2011 года.

В рамках инспекции территорий федерального заказника «Земля Франца-Иосифа» мы отправились в качестве добровольных помощников с директором Романом Ершовым в облет островов архипелага.

10: 30. Заброшенная полярная станция на острове Рудольфа. Координаты N 81°48'135'' и 057°56'349'' к востоку от Гринвича. Отсюда в мае 1937 года стартовала знаменитая папанинская четверка для работы на первой в мире полярной научно-исследовательской дрейфующей станции «Северный полюс». Станция была открыта в 1932 году, а всего через год ее закрыли. Летом 1936-го станция вновь возобновила свою работу уже и как база воздушной поддержки «СП-1». В 1942 году самая северная полярная станция вновь была предана забвению, а в 1947-м снова открыта. Наконец, в 1995 году, когда многие полярные проекты, достававшиеся столь высокой ценой, были свернуты, ее окончательно покинули люди, бросив на растерзание ветрам и метелям. Официально считается, что она находится на так называемой консервации. В реалиях — это брошенные избы с открытыми дверями и пустыми глазницами окон, до потолка забитые снегом и льдом, брошенная техника и тысячи железных бочек во-

круг. Сколько таких умирающих станций я видел потом на заснеженном Севере!

С «полярки» перелетаем на мыс Флигели на том же острове. Здешние координаты N 81° 51' 13'', E 059° 14' 33''. Десятого апреля 1914 года отсюда до брусиловской «Св. Анны» было не более ста километров. Именно сюда направлял свою группу штурман Альбанов, но упорный норд-вестовый дрейф внес свои неумолимые коррективы. Отсюда на север — только покрытый ледяным панцирем Великий Океан. У мыса очень сильное течение. Лед гоняет по кругу настолько быстро, что когда смотришь на все с высоты, начинает кружиться голова. Сегодня день Воздушно-десантных войск. По этому поводу удалось искупаться на этой самой северной точке суши. Мы, как в детстве, сбегали по крутому щебенчатому откосу, на ходу сбрасывая с себя одежду под одобряющие выкрики тех, кто купаться все же не решился. Щенячий восторг в коктейле с ледяной водой. Быстро натешившись между шершавых голубых льдин, мы торпедами стрельнули к берегу. Это вам не купание в фонтанах парка Горького! Обратный марш-бросок по откосу вверх, и тут уж прямо перед нами наградные сто грамм. Ну, будьте здоровы, за ВДВ! По кругу пустили здоровую кружку, и каждый озвучил свой тост и пожелания. Нашим вертолетчикам, этим кудесникам пятого океана, повезло меньше: тостовать пришлось термосами с чаем — служба.

Уже было сели в вертолеты, но у второй машины что-то там внутри не зафурычило. Не обращая внимания на пронизывающий ветер, скинув мешающие в работе бушлаты, техники бойко полезли наверх, открыли кучу всевозможных

люков и тут же принялись за ремонт. Мне показалось тогда, что они на наших глазах разобрали полвертолета, но через сорок минут мы уже были в небе, а в салоне заработала печка. Как они это делают?

С мыса Флигели наш маршрут пролегал на остров Гогенлоэ. Координаты N 81°35'10'' и E 058°16'33''. Здесь, по одной из многочисленных версий, нашел свой последний приют Георгий Яковлевич Седов. Его спутники, с которыми он вышел в свой последний поход к Северному полюсу — матросы Григорий Линник и Александр Пустошный, — нарисовали профиль скалы, у которой они в 1914 году похоронили своего командира, якобы похожий на эти места. Для меня эта версия всегда была не очень убедительная. Тем более флагшток экспедиции Седова, который он намеревался установить на полюсе, был найден на мысе Аук острова Рудольфа. Однако на Гогенлоэ неоднократно предпринимались попытки поиска останков известного полярника, конечно, безуспешно.

Потом мы посетили острова Циглера и Чамп. А после был остров Гукера. Здесь, в бухте Тихая, зимовал в 1913 году седовский «Св. Фока», а в 1929 году была открыта первая в Советском Союзе полярная станция. Сейчас на острове работают сотрудники национального парка, правда, пока еще только в летнее время.

3 августа 2011 года.

С самого раннего утра ждали самолет. И он уже почти долетел, но постоянная в своем непостоянстве погода опять нам спутала все карты: когда до погранзаставы оставалось всего несколько километров лету, авиадиспетчер развернул

самолет обратно на материк — садиться в «Нагурском» было невозможно.

В это время в бухту Северная подошла легендарная яхта-рекордсмен «Петр I», которая в 2010 году прошла за один сезон без ледокола и зимовок Северо-Восточный и Северо-Западный морские проходы, совершив тем самым Арктическую кругосветку. Мы посетили яхту с ее мужественной и гостеприимной командой. Пока вели беседу в кают-компании, выяснилось, что судно идет в Мурманск и на его борту есть одно свободное место. Наш доктор Андрей Волобуев принял приглашение капитана яхты Даниила Гаврилова и его старшего помощника Елены Соловьевой (да-с, бывают и женщины-старпомы) отправиться на материк через Баренцево море.

А вечером вертолетчики предложили мне полететь с ними на архипелаг Северная Земля, на что я, не раздумывая, и подвизался. Самолет, который должен прибыть сюда со дня на день, был рассчитан на нужды пограничников и не мог забрать нас всех сразу. Зато теперь, без двух участников экспедиции и их вещей, законсервировав кое-что из снаряжения на погранзаставе, остальная часть экспедиции могла бы вылететь в Архангельск в полном составе. Для тех, кого здесь планировали оставить еще минимум на неделю, это стало радостным известием.

4 августа 2011 года.

Злополучного самолета пока нет. Сегодня посетили остров Виктория. Здесь находится еще одна заброшенная полярная станция. Протискиваясь в забитых льдом и снегом

помещениях, в одной из комнат случайно наталкиваемся на полярную библиотеку. Перед нами нагроможденные стеллажи с книгами канувшей в Лету эпохи: «Как закалялась сталь» Николая Островского, «Молодая гвардия» Александра Фадеева, нетленники дорогого Леонида Ильича Брежнева «Малая земля», «Целина» и «Возрождение» и многие другие шедевры советских политических деятелей.

На главном, заваленном снегом домике без окон и дверей гнезда чаек-моевок с птенцами разных возрастов. А на покосившейся крыше два птенца чайки бургомистра. Вокруг базы уныло шатается белый медведь, через плечо бросающий на нас укоризненный взгляд: «Понаехали!» На берегу большая колония белых чаек. В пятистах метрах от «полярки» моржовое лежбище, в котором мы насчитали около пятидесяти отдыхающих особей. Небольшая группа принимала водные процедуры в море, остальные нежились на песке, не обращая на нас абсолютно никакого внимания. Мы постепенно нагнали, подходя к отдыхающим все ближе и ближе. Несмотря на отсутствие солнца и продолжающийся туман, фотосессия получилась великолепной.

5 августа 2011 года.

Мой вылет на вертолете назначен на 10:00. За час до вылета я был уже собран, но и к 14:00 вертолеты так и не ушли с «Нагурского»: пропала связь с островами Северной Земли. Лететь туда, не зная погоды, нельзя. Про самолет, который заберет ребят, пока тоже ничего не слышно. Из продуктов у нас остались только сублиматы. Скоро начнется дефицит с табаком. Да, величайшая добродетель Арктики — ждать!

Сегодня в разговоре с Романом Ершовым мы как-то незаметно вышли на тему организации эксперимента выживания в полярных широтах наподобие зимовки Нансена с Йохансоном. Рома посоветовал мне подумать об этом и обещал всестороннюю поддержку. Я крепко задумался, и где-то внутри уже знакомо засвербело. Потребуется время, чтобы улеглись все лишние эмоции и появились здравые идеи. И они появились, чуть позже...

23: 50. На завтрашнее утро в очередной раз назначен вылет вертолетов. Про самолет же до сих пор никакой информации нет.

6 августа 2011 года.

Сегодня моей самой младшей дочке Полине исполнился годик, а ее непутевый папаша, как и год назад, бродит по далекой и пока еще неведомой для нее Земле Франца-Иосифа.

В два часа ночи пошел снег крупными хлопьями. Сидим и гадаем, что же будет к утру. До острова Средний лететь восемьсот двадцать километров по карте, но разве наших «летунов» такой погодой удивишь?

— А мы тут так хорошо сохраняемся, потому, что погода не даст расслабляться. Законсервировались! — внешне всегда серьезный подполковник Бурлака, командир второго вертолета, действительно выглядит моложе своих лет.

...История его жизни почти полностью состоит из летной службы. После окончания Сызранского военного училища в 1985 году Николай Петрович был направлен на Чукотку, в бухту Провидения. Службу начал в должности летчика-штурмана вертолета Ми-8. На Чукотке прослужил

тринадцать непростых лет, которые до сих пор вспоминает с особым теплом и грустью. Всякое бывало. Как-то в 1987 году, в воскресный день поступил тревожный сигнал с острова Ратманова: нарушение Государственной границы СССР. Николай Петрович Бурлака оказался на этом внеплановом вылете волей случая — вообще-то у него был выходной. На дворе январь месяц, условия для полетов на Чукотке, прямо скажем, не самые лучшие. При полете к месту происшествия внезапно произошел отказ главного редуктора. Сорок минут, показавшиеся тогда целой вечностью, летчики летели без масла в двигателях над открытым морем!

— Слава советским сталеваварам! — вспоминает подполковник.

Но вот в просвете тумана показалась долгожданная земля с символичным названием мыс Надежды. С трудом дотянув до суши, летчики аккуратно положили терпеливую машину набок. Тогда по счастливой случайности все остались живы, боевое задание было выполнено, а вот вертолет восстановлению не подлежал. В 2007 году Николай Петрович был переведен на службу «на юг» — в солнечную Воркуту. И снова полеты над Ледовитым океаном в любую погоду и время года. А еще в послужном списке за безликой фразой «оказывал интернациональную помощь в республике Афганистан» горящее небо Афгана, порох и кровь боевых товарищей, горе и ужасы той далекой войны...

7 августа 2011 года.

09: 45. Мы все-таки вылетаем на остров Средний архипелага Северная Земля. Поднимаясь в небо над вертолетной

площадкой, вижу в иллюминатор, как машина с нашими ребятами подъезжает к рампе наконец-то прилетевшего накануне вечером Ан-26.

13: 20. Полчаса назад пролетели над полярной станцией на острове Визе. Пять маленьких фигурок на снегу долго провожали нас прощальным взглядом: появление вертолета здесь считается целым событием. Сейчас наши координаты N 80°45'741", E 078°53'446", летим над облачностью. Высота двести десять метров, под нами переливаются серебром сильно разреженные льды.

14: 15 Посадка на острове Средний, в двухстах метрах от погранзаставы. Остров этот довольно плоский, лишь изредка низменный берег достигает двадцати пяти метров над уровнем моря. Здесь большие проблемы с водой: ледников, а значит и ручьев, совсем нет, поэтому вся питьевая вода привозная. В кране же она техническая, только для стирки и умывания. Разместились в пустующей солдатской казарме: солдат-срочников здесь больше нет, а контрактники живут в специальных модулях. В соседнем помещении довольно большой спортивный зал. Пружинные кровати времен царя Гороха, армейские одеяла, окаменевшие подушки, пожелтевшие матрасы, темно-серое от времени постельное белье. Прямо-таки ностальгия забирает. В каждом углу заставы на аварийный случай висят керосиновые лампы и обязательная коробка спичек. Судя по коробкам, спичкам лет двадцать-тридцать, но они лежат везде рядом с лампами, даже в бане. Из удобств на заставе — одна работающая кабинка туалета да сиротливый умывальник.

22: 40. На улице полощет настоящий ливень, совсем не характерный для этих мест. Крыши на Севере приспособлены для защиты в первую очередь от ветра и снега, и такие ливни для них серьезное испытание. Над головами дребезжащая какофония настоящей капли, приходится передвигать кровати. Дождь крепчает, и шум падающей воды становится все настырнее. Брызги летят с потолка на подоконник, а оттуда рикошетом по лицу, приятно освежая обветревшую кожу. Но пора спать: время здесь новосибирское, то есть на четыре часа позже московского.

8 августа 2011 года.

10: 15. Идем в ознакомительный поход по острову. Среди разваливающихся, заброшенных в середине девяностых строений ПВО и прогнивших железных бочек, из которых маслянистыми ручейками вытекает солярка, стоит маленький мемориальный домик экспедиции Г.А. Ушакова. Изба, в которой он жил и работал вместе с Н.Н. Урванцевым, С.П. Журавлевым и В.В. Ходовым в 1930—1932 годах, перенесена сюда с острова Домашний, где сейчас находится его могила. Зимой со Среднего на Домашний можно пройти пешком прямо по льду. На глаз это не более двух километров. На могиле Ушакова всегда лежат цветы: это его дочь Маола Георгиевна передает их сюда с каждой возможной оказией. В домике музей экспедиции Георгия Алексеевича: множество фотографий, документов и личных вещей легендарных полярников. Я оставил запись в гостевой книге от имени нашей экспедиции «По следам двух капитанов». Среди заброшенных и разбитых домиков бывшей воинской

части, несметного количества строительного хлама и проржавленных бочек странно и противоречиво выглядит этот скромный памятник человеку, так много сделавшему для изучения всего архипелага Северная Земля. Наверное, это очень символично для нашей страны.

Возвращаясь к заставе, мы забрели в полуразрушенный дом и неожиданно столкнулись нос к носу с огромным медведем. Обосновался он по-хозяйски на заброшенном продовольственном складе. Здесь, еще с советских времен, оставались целые стеллажи запечатанных консервных банок, которые мишка не без удовольствия и уплетал. На нас он посмотрел как на досадное недоразумение своей суровой, будничной жизни. К счастью для всех, случайная встреча обошлась без выяснения отношений. По возвращении на заставу мы напилили дров и истопили добрую полярную баньку.

9 августа 2011 года.

07: 00. Пролив между островами Средний и Домашний почти полностью забит льдом, а ведь еще вчера здесь была чистейшая водная гладь.

09: 20. Едем в гости на действующую полярную станцию на острове Голомянный. Если идти пешком, то это около тринадцати километров отсюда, но гостеприимные хозяева погранзаставы выделили нам грузовик. Вообще-то Голомянный уже давно полуостров, так как к Среднему намыта широкая галечно-песчаная коса, по которой спокойно ездят армейские «Уралы». Но даже на современных картах его почему-то упорно продолжают обозначать как остров. Игорь Михайлович, главный на станции, работает

здесь с 1986 года, в сентябре юбилей — двадцать пять лет! Кроме него на базе еще только двое молодых ребят. Работы у полярников непочатый край: один на хозяйстве, второй на метеонаблюдениях, третий отсыпается. И так по кругу без всяких выходных, а нередко и без отпусков. Друг с другом все уже давно переговорено, а тут вдруг свалились на голову свежие собеседники. За разговорами время пролетело незаметно. Между прочим, я прочитал ознакомительную лекцию по экспедиции Брусилова. Даже сам удивился, как много и долго я могу об этом рассказывать. Все слушали с нескрываемым интересом. Игорь Михайлович вспоминал, как приехал сюда еще совсем молодым романтиком и как всего через два месяца после его приезда сотрудник станции один-единственный раз вышел на улицу без ракетницы и был разорван белым медведем.

— Да, заехали на двадцать минут, — попрощавшись и выйдя на крыльцо, комэска выразительно посмотрел на часы. Был уже поздний вечер.

11 августа 2011 года.

08: 00. Запуск двигателей. Курс на Диксон. Температура воздуха +1° С.

08: 10. Взлет. До свидания, остров Средний, край Ушакова, Урванцева и других, может, и менее известных, но не менее мужественных героев-романтиков.

К материку летели постоянно в тумане. В открытую дверь кабины пилотов я видел напряженные лица летчиков. Все-таки иногда хорошо, когда не можешь оценить всей серьезности ситуации, в особенности если не можешь на

нее повлиять. Но вот и Диксон — неофициальная столица Арктики. Здесь уже ощутимо теплее, температура воздуха +8° С. Аэродром расположен на островной, гораздо меньшей части поселка. В 1985 году здесь проживало около пяти тысяч человек, сейчас едва доходит до пятисот! Тенденция к покиданию поселка продолжается. Неужели это и есть современное развитие Крайнего Севера?

Садимся на катер и едем на материк. О былой славе здесь говорят только старые, ставшие теперь экзотическими, лозунги на обшарпанных стенах заколоченных зданий: «Таймыр — за мир!», «Решения XII пятилетки в жизнь!» и тому подобное. Уже ночью, прогуливаясь по спящему поселку, подошли к местной больнице. Разруха, как после войны: битые, кое-где заклеенные полиэтиленовой пленкой окна, отвалившаяся штукатурка. У входа стоит без колес и дверей единственная в поселке машина «скорой помощи». Решив, что больница не работает, я тем не менее машинально постучал в запертую дверь. Каково же было удивление, когда дверь больницы внезапно отворила моложавая медсестра. Она сообщила нам, что несмотря ни на что, медицина здесь все еще жива. Правда, это всего двенадцать стационарных коек в маленьком крыле огромного здания. Профильных отделений как таковых не существует, только палаты: хирургия, терапия и гинекология.

— Если хотите, — доброжелательно сказала мне медсестра на прощанье, — приходите завтра за интервью к главному врачу. Он будет утром.

Я как-то живо представил себе, куда бы мы были направлены, разбудив ночью в родном Подмоскowie сестру

приемного отделения, для того чтобы задавать свои глупые вопросы.

Ночевать остаемся на местной погранзаставе.

12 августа 2011 года.

07:15. Наш штурман Антон Аксенов запрашивает погоду на мысе Каменном, это уже полуостров Ямал. Диспетчер дает добро на вылет. Короткие сборы, и мы снова в небе. По пути следования вертолета, у большого тундрового озера не спеша рысачит полярный волк-одиночка. Заслышав шум моторов, он останавливается и с удивлением разглядывает непонятную для него железную птицу. Несколько раз прямо среди тундры попадались брошенные нарты. Кем и когда они были здесь оставлены?

13:50. На Ямале:

— Борт двадцать три — сто двадцать один диспетчеру. Разрешите запуск двигателей.

— Диспетчер борту двадцать три — сто двадцать один. Запуск двигателей разрешаю.

Начинается уже знакомое зачитывание контрольной карты:

— Энергетика...

— Включена...

— Перекачивающие насосы...

— Включены...

— Авиагоризонты...

— Включены, разарретированы...

— Курсовая система...

— Включена, согласована...

Фразы летят четко и коротко, как выстрел. Радист Николай Морохин записывает в полетном блокноте неведомые для меня цифры. Бортовой техник Евгений Громов чутко вслушивается в шелест вертолетных винтов. Экипаж сливается с машиной в единый организм. Быть вертолетчиком в Арктике — работа особая!

И снова под нами бескрайняя тундра. Высота две тысячи двести: в иллюминаторе замаячили заснеженные хребты Уральских гор — скоро Европа. Хорошо, что на этот раз повезло с погодой: пролет через горный массив напрямую сокращает путь минут на сорок. Это наш крайний перелет.

16:05. Под нами появляется «медвежий угол» — Воркута. Отсюда до Москвы рукой подать: чуть меньше двух тысяч километров. Очень тепло прощаемся с вертолетчиками прямо на аэродроме. За эти несколько недель мы как-то незаметно подружились. Да, Олег Продан оказался прав: слетай с ребятами, не пожалеешь!

— Может, до завтра останешься, у нас впереди выходные? — комэска хитро прищурил глаз и подпер языком щеку.

— Михалыч, ты же знаешь, что, если я останусь до завтра, получится, как в том анекдоте: «в ночь с двенадцатого на восемнадцатое августа...». Так что от греха.

Лавочки возле воркутинского вокзала, видимо, не были предусмотрены строителями по определению. Не беда! Привычно уселся прямо на землю.

— Это у тебя чё? — кивнул на мой кевларовый кофр с карабином станционный бомж Сашка, как он не мешкая торжественно и представился.

— Скрипка, — я попытался уклониться от разговора.

— А, композитор, — со знанием вопроса кивнул бездомный человек.

Откуда-то прибежала большая бродячая собака, обнюхала мой пакет с продуктами на дорогу, в котором заботливо была спрятана поллитровка. Хорошо еще, что не пометила. Подали поезд. Крайний плацкартный вагон, верхняя боковая полка возле туалета. До скорой встречи, хмурый батюшка Север!

Глава VI

ВЗГЛЯД НЕ СО СТОРОНЫ. МЫСЛИ И ФАКТЫ

Некоторым людям для счастья недостаточно подрезать по вечерам розы.

Антуан де Сент-Экзюпери

Вот мы и завершили свою полевую работу, позволившую хоть на немного проникнуть в тайну экспедиции Г.Л. Брусилова на «Св. Анне», героическое и во многом драматичное прошлое мужественных людей, навек связавших свою судьбу с Крайним Севером. Людей, посвятивших саму свою жизнь освоению этого бастиона вечной мерзлоты, где полгода — день, а полгода — ночь. Неизвестность, особенно историческая неизвестность — это зло. Поэтому мы искренне надеемся, что уменьшаем количество зла на Земле.

Да-а, время летит неумолимо! Десятки кубометров смерзшегося базальта, сотни верст обшаренного побережья, годы деловой переписки, многокилометровый серпантин киноленты, бесконечные вертолетные рейды в любую погоду, пыльные архивы — все это осталось позади и еще где-то в глубине души каждого из нас. А у меня, наконец, появилась возможность дописать эту главу, не претендующую, впрочем, на абсолютную историческую достоверность, но вполне логичную и наиболее, на мой взгляд, вероятную. Перед вами всего лишь версия, личная точка зрения автора — тонкая, почти неосязаемая грань между тем, что действительно было, и тем, что вполне могло бы быть.

Эта глава написана спустя два года после того, как мы начали свои полевые работы. Многие из того, что известно теперь, тогда для нас было неведомо. Поэтому в ней неизбежны некоторые повторы произошедших событий, рассмотренные теперь сквозь призму полученных нами новых данных. Но я отвлекся.

Рано или поздно наступает момент, когда нужно провести черту и под ней жирными буквами написать *«итого»*. Не хочу, не имею морального права, да и не пытаюсь быть судьей для этих людей. Нам, современным исследователям, своими ногами стоптавшим в Арктике не одну пару ботинок, как никому другому, понятна цена их полярного подвига. Но Север жесток, и любая ошибка здесь может стать фатальной. А их было немало. И если прибавить сюда целую череду роковых стечений обстоятельств, то станет очевидным, что экспедиция Георгия Львовича Брусилова уже с самого начала была обречена на трагедию. Я же всего лишь стараюсь

восстановить хронологию событий, повлекших за собой эту припорошенную столетней пылью историю. Насколько у меня это получилось? Решать не мне. На такой же вопрос в своих дневниках русский мореплаватель и гидрограф, исследователь архипелага Новая Земля Петр Кузьмич Пахтусов ответил: «Я расскажу, как было, а вы судите как угодно». Итак, все по порядку!

Летом 1912 года организуется высокоширотная длительная морская экспедиция. Заявленная цель трудна и серьезна: пройти Северо-Восточным проходом из Санкт-Петербурга во Владивосток. Но то, что в свое время сделал Норденшельд, на самом деле было лишь счастливой случайностью. Он и сам потом неоднократно заявлял, что регулярная навигация по Северному Ледовитому океану без помощи ледоколов невозможна. Этого же мнения придерживался и Фриттьоф Нансен. А уж этим людям было что рассказать о российской Арктике!

Экспедиция готовится всего несколько месяцев, и одной из возможных причин такой спешки служило то обстоятельство, что в 1913 году готовились пышные торжества, посвященные 300-летию дома Романовых. Преподнести к этому времени триумфальный подарок государю — весьма соблазнительно. 28 июля 1912 года «Св. Анна» с помпой покидает берега Невы. С самого начала путешествия следует череда вынужденных остановок и задержек в попутных портах Европы и России. Поэтому в Александровске-на-Мурмане, когда часть экипажа внезапно отказывается подписывать контракт, недостающее количество людей набирается в авральном порядке — время не терпит. В результате формируется команда двадцать четыре человека, только семеро из

которых, включая капитана и штурмана, были профессиональными моряками. Остальные, хоть и были люди дошлые, но к морю отношение имели весьма отдаленное. Запасов провизии и топлива на борту на полтора-два года. 4 сентября «Св. Анна» только выходит в Карское море. Время, в которое все суда в этом регионе закончили навигацию, для Брусилова оказывается стартовым. Уже тогда экспедицию необходимо было переносить на следующий год. Но ждать целый год молодой лейтенант не намерен, и шхуна неуклонно спешит навстречу своей гибели. Как на беду, ледовая ситуация в то время сложилась исключительно тяжелой. Для справки: ровно сто лет спустя, в 2012 году, даже в январе (!) месяце пролив Карские Ворота оказался свободен ото льда. А в октябре 1912-го «Св. Анна» прочно вмерзает в лед всего в нескольких милях от берегов Ямала. Пока это никого не беспокоит: перезимуем-де и двинемся дальше. Команда собирается строить на берегу избушку-зимовку. Вскоре от этих планов придется отказаться: 28 октября 1912 года преобладающими в это время юго-восточными отжимными ветрами припай отрывается от берега и устремляется на север вместе с плененной им «Св. Анной». Конечно же, Г.Л. Брусилов даже в самом страшном сне не мог и подумать, что его судно будет дрейфовать в направлении полюса *такими* темпами. Причиной этого стало неизвестное тогда Обь-Енисейское стоковое течение и сильное разрежение льдов на севере в предыдущем сезоне. Для экипажа начинается первая полярная зимовка, к которой, как вскоре выяснится, шхуна оказалась совершенно не подготовлена: в помещениях холод. А ведь зимовка на пути к Владивостоку предполагалась, правда, не столь ранняя и

гораздо ближе к Камчатке. Утепление жилых помещений на судне оставляет желать лучшего, а потому команда безбожно расходует имеющееся небогатое количество угля для поддержания сносной в таких условиях температуры. Уже 24 июня (!) 1913 года в дневнике у матроса Конрада появляется тревожная запись:

«Топливо находится в самом плачевном состоянии, угля уже давно нет, а доски все вышили, только осталась палуба, или придется в скором времени начать ломать перегородки и полы на судне». И далее: «8 октября 1913 года. Керосину уже нет у нас с весны, так что теперь все время надо сидеть у сальной коптилки».

И это спустя меньше года с начала экспедиции! Правда, уголь планировалось докупить на Диксоне, но до него шхуне добраться было не суждено уже никогда.

В своем дневнике Альбанов сообщает, что, будучи не в себе, во время своей тяжелой и продолжительной болезни капитан *«любил, чтобы у него горел все время огонь в печке, причем чтобы он видел его и видел, как подкладывают дрова. Это ему надо было не для тепла, так как у него в это время болезни было даже жарко и приходилось открывать иллюминаторы, но он любил смотреть на огонь».* Это тоже ощутимо подтачивало и без того скудные дровяные запасы: зимовщики попросту отапливали Арктику!

Только ко второй зимовке терпящее бедствие судно начинают тщательно утеплять:

«10 августа 1913 года. Устраиваемся на вторую зимовку. Носовой кубрик уничтожен, превращен в трюм. Нижний кормовой салон с каютами превращается в одну большую

каюту на восемнадцать человек. Все наружные стены обиваются войлоком и парусиной. Кухню переделали и поставили плиту поперек судна так, что труба проходит через верхние помещения, именно через штурманскую и капитанскую каюты. Несколько кают совершенно забили досками и устроили двойные стены, между которыми насыпали шлак. На спардеке тоже был насыпан шлак и накрыт толем. Борта обложены снегом. Так что в этом году помещения будут гораздо теплее, чем в прошлом»¹.

Очень существенным недостатком стало отсутствие на шхуне радиосвязи. Радиостанциями к тому времени уже были оснащены многие морские суда, но у Георгия Львовича уже не оставалось времени на решение этой немаловажной проблемы. Из-за этого, даже когда в 1914 году были снаряжены сразу несколько поисковых экспедиций, «Св. Анну» искали совсем не там, где она в действительности находилась.

К лету 1914 года на корабле ожидался голод. И связано это с тем, что, не подозревая еще о предстоящих испытаниях, имеющаяся поначалу в достаточном количестве провизия, так же как и топливо, использовалась и хранилась нерационально. У экипажа не было нужды экономить, и, скорее всего, многое попросту недальновидно выбрасывалось за борт. Многие полярные исследователи, особенно советского периода, очень часто любили в своих книгах смаковать, как царское правительство чуть ли не умышленно подсунуло Г.Я. Седову тухлую солонину и испортившиеся продукты². Но почему-то его

¹ Из дневников А.Э. Конрада.

² Справедливости ради нужно сказать, что царское правительство экспедицию Г.Я. Седова не одобрило и никакого отношения к

значительно хуже оснащенная в продовольственном плане экспедиция, примерно в то же время, что и Г.А. Брусилов вышедшая в море, на момент встречи с Альбановым и Конрадом располагала гораздо большим продуктовым ресурсом:

«Ужин, которым нас угостили на «Фоке», был великолепен: тут был «настоящий» мягкий хлеб, свежие яйца, консервы и жаркое из «зайца», перед которым в честь встречи было выпито по рюмке водки. После ужина был чай с молоком и настоящим сахаром и бисквиты. Гостеприимные хозяева то и дело угощали нас то тем, то другим, причем разговоры, рассказы и новости не прекращались ни на минуту»¹.

Где же провизия со «Св. Анны»?

Осенью 1913 года Альбанов запишет в своем дневнике: *«Ничто не указывало на присутствие близкой земли, даже медведи, которых за прошлый год мы убили 47 штук, в этом году не показывались».* Его слова подтверждает и Александр Конрад: *«10 октября 1913 года. Сегодня убили медведя. С сегодняшним медведем всего убито 43 больших медведя и 4 маленьких для чучел и два песца».*

А теперь немного биологии и математики.

Белый медведь — самый крупный наземный хищник нашей планеты. Так написано в любой доступной энциклопедии, и смею вас заверить, что это действительно так. Масса самцов в этом регионе² в среднем составляет четыреста-пятьсот ки-

ее финансированию и подготовке не имело. Николай II внес сумму 10 тысяч рублей как частное лицо.

¹ Альбанов В.И. На юг, к Земле Франца-Иосифа!

² На острове Врангеля, например, белые медведи значительно крупнее: время от времени встречаются особи весом до тонны.

лограммов, а самок несколько меньше. Сорок три медведя, если не считать четырех убиенных медвежат, даже при самых скромных подсчетах дают сто пятьдесят, а то и двести килограммов чистого мяса каждый. Итого *как минимум* шесть с половиной тонн! Разделите это на двадцать четыре члена экипажа и на количество дней в году. Получается, что на человека приходилось более семисот грамм медвежьего мяса в сутки! Это не считая костей, жира, внутренностей. Не считая убитых к этому же времени свыше сорока тюленей. Более идеальных условий для хранения продуктов придумать трудно, как-никак все-таки Арктика! Куда же подевалось все это добро? Ответ лежит на поверхности. Нельзя забывать, что из Санкт-Петербурга во Владивосток отправлялось акционерное *зверобойное* общество, поэтому медведя били в основном ради ценной шкуры, а не из кулинарных соображений. На «Св. Анне» был собственный запас мяса пяти (!) сортов, а белый медведь отнюдь не является изысканным деликатесом, и мясо его использовали лишь для того, чтобы время от времени как-то разнообразить рацион питания. Никто из экипажа даже мысли не допускал, что придется зимовать на судне хотя бы еще один год. Это стало окончательно понятно только в начале августа 1913 года, но было слишком поздно: судно стремительно двигалось на север, и добыча зверя резко сократилась.

А что же рыбная ловля? В дневниках Альбанова и Конрада нередко встречаются описания того, что и как подавалось к столу, особенно к праздничному. Но рыба в рационе команды не упоминается ни разу. Спустя полтора года после выхода «Св. Анны» из Санкт-Петербурга, а именно 28 января 1914 (!) года в дневнике у Александра Конрада появляется

запись: *«Сегодня хотим пробовать ловить рыбу»*. Скорее всего, слово «пробовать» здесь ключевое. В том смысле, что до этого момента ее вообще не ловили. Но почему? Нечем было? Полноте! Вот запись из найденных нами в 2010 году дневников, датируемая 7 мая 1913 года: *«Сегодня был спор Луняева с Баевым, кто скорей вяжет сети. Луняев выиграл пари»*. Сети вязали забавы ради?

Очень непростой вопрос о медицине на корабле. Экспедиционный доктор, обещавший вместе со старпомом сесть на судно в Александровске-на-Мурмане, попросту не явился. В сложившейся ситуации Брусилову приходится выбирать из двух зол наименьшее. Он принимает предложение юной пассажирки Ерминии Жданко остаться в качестве медика на корабле:

«...надо было иметь еще хотя бы одного интеллигентного человека для метеорологических наблюдений и медицинской помощи. К тому же она была на курсах сестер милосердия, хотя бы что-нибудь»¹.

А вот выписка из судового журнала «Св. Анны»:

«В состав экспедиции еще входит Ерминия Александровна Жданко, которая была столь любезна, что согласилась заменить, хотя и отчасти, не прибывшего врача. Она окончила самаритянские курсы и знает уход за больными».

В своем последнем письме к родителям, датированном 28 августа 1912 года и отправленном из Югорского Шара, Ерминия Александровна написала следующее:

¹ Из письма Г.Л. Брусилова к матери.

«...Наше опоздание произошло из того, что дядя, который дал денег на экспедицию, несмотря на данное обещание, не мог их вовремя прислать, так что из-за этого чуть все дело не погибло... Страшно подвел лейтенант Андреев. Струсил и доктор, найти другого не было времени, затем в Тронгейме сбежал механик.. Аптечка у нас большая, но медицинской помощи, кроме матроса, который когда-то был ротным фельдшером, — никакой, все это на меня производит такое удручающее впечатление, что я решила сделать, что могу, и вообще, чувствовала, что если я тоже сбегу, как и все, то никогда себе этого не прощу...»¹.

Наивная экзальтированная девочка! Она ведь и впрямь верила, что может заменить в тяжелом полярном плавании судового врача. Сестра милосердия — это, проще говоря, высококвалифицированная санитарка, то есть даже не медицинская сестра в современном понимании этого слова. Но ведь команда состояла из молодых и здоровых мужиков. Что с ними может случиться? Да и во Владивосток планировалось прийти уже к концу осени 1913 года. Безусловно, хороший уход за больным имеет огромное значение, но кому-то нужно правильно поставить диагноз и грамотно назначить лечение. Собственно же медицинскими знаниями, а тем более по специфическим для Заполярья заболеваниям, на «Св. Анне» не обладал никто! Кто был тем ротным фельдшером, про которого упоминает в письме к своим родителям Ерминия Александровна, остается загадкой. Во всяком случае, о его медицинской деятельности на

¹ Алексеев Д.А. Неизвестные письма русской полярной экспедиции 1912 года на «Св. Анне». М.: «Летопись Севера», 1985.

судне ни в одном известном на сегодняшний день документе не сказано ни слова. По поводу загадочной болезни, в первую же зимовку сразившей экипаж и в особо тяжелой форме капитана, среди современных специалистов спор не утихает до сих пор. Одни считают, что это трихинеллез, вспыхнувший в результате употребления в пищу непроваренного мяса белого медведя, другие возражают, что цинга, то есть недостаток в организме витамина С. Все потому, что для постановки точного дифференциального диагноза недостаточно клинических данных. А это значит, что нельзя исключить ни то, ни другое. Прибавьте сюда наверняка имевшие место другие авитаминозы, возможность отравления печенью белого медведя, общее истощение, длительную гиподинамию, сырой спертый воздух в невентилируемых помещениях, а также угнетающее психологическое воздействие полярной ночи и неясного будущего, хроническое переохлаждение, и вы восхититесь, что все участники экспедиции вообще так долго оставались живы. А ведь в поход отправились совершенно обыкновенные люди, а не тренированные спортсмены, как, например, все тот же Нансен¹. Тем не менее юная Ерминия, наравне с мужиками переносившая все тяготы и невзгоды, старалась, как могла. По крайней мере, хоть и не в полном здравии, но до 10 апреля 1914 года все они еще были живы.

Раз уж зашел разговор о женщине на корабле, не могу не коснуться вопроса любовного треугольника, по которому так

¹ Фритъоф Нансен до своего знаменитого путешествия на «Фраме» был неоднократным победителем чемпионата Норвегии по лыжам. Кроме того, он долго и успешно занимался конькобежным спортом.

сохнут многие исследователи. Почему-то всем очень хочется, чтобы он обязательно был. И обязательно Жданко должна была полюбить либо капитана, либо штурмана. Почему именно кого-нибудь из них? И почему именно это должно было послужить ключевой причиной размолвки Брусилова и Альбанова? Наверное, это красиво по классике жанра, но на судне, кроме капитана и штурмана, было еще два десятка молодых здоровых мужиков. Почему она вообще была обязана непременно кого-то полюбить? Но вот то, что единственная женщина на корабле среди множества мужчин, находящихся в двухгодичном вынужденном бездействии, являлась катализатором межличностных конфликтов — это бесспорно. Михаил Андреевич Чванов, цитируя в своей книге В.А. Троицкого, пишет:

«В 1957—58 годах я был знаком с полярным капитаном А.В. Марьишевым, ныне покойным, который до войны плавал на одном судне с Александром Конрадом. На вопрос Марьишева, в чем причина размолвки Альбанова с Брусиловым, тот якобы после долгого молчания с присущей ему прямоотой неохотно ответил: «Все из-за бабы получилось». Хорошо зная правдивость и честность Марьишева, я не допускаю, чтобы он мог это придумать».

Ну, а что, собственно, в этом нелогичного? Но это не могло стать решающим в отношениях двух серьезных людей в такой непростой ситуации. А то, что вся команда, по словам того же Александра Конрада, ее боготворила, тоже нормально. Представьте себе фиалку в зарослях репейника! Не так давно на одной из российских полярных станций один из сотрудников рискнул взять с собой на зимовку жену. В результате через некоторое время он был вынужден ее даже в туалет

проводить с топором, охраняя отнюдь не от хищников, а от собственных товарищей! Конечно, женщина в таких условиях становится дополнительным фактором напряженности. Но вот Альбанова, я думаю, Ерминия Жданко, скорее всего, побаивалась. Прямолинейный, жесткий, самодостаточный, он скорее мог внушать ей почтительный страх, нежели трепетные чувства. Если бы между ними действительно что-нибудь было, то я нисколько не сомневаюсь, что штурман изыскал бы все необходимые аргументы и возможности, чтобы забрать ее с собой на Большую Землю. Мне и самому очень хотелось бы поверить в романтическую версию Н.А. Северина и М.И. Чачко¹, в которой рассказывается о том, что Ерминия якобы передала Альбанову на прощание запечатанный конверт с признанием в любви. И, конечно же, она попросила вскрыть письмо, только когда штурман доберется до материка. Все это так красиво, но, боюсь, что к реальности не имеет никакого отношения.

Психологическая подготовка команды — это вообще отдельная забота и целая проблема при организации любой экспедиции, а уж тем более в Арктику. Да, во времена оные не было даже самого такого понятия, как «психологическая совместимость», но был определенный опыт поморов, которые, отправляясь на свой опасный промысел, тщательно подбирали себе команду. Был богатейший опыт Пири, Скотта, Амундсена и многих других. Но ни Брусилов, ни Альбанов организацией собственных экспедиций никогда не

¹ Северин Н.А., Чачко М.И. Дальние горизонты. М.: Советская Россия, 1963.

занимались и такого опыта не имели. Да и о каком отборе и психологической подготовке вообще может идти речь, когда люди набираются впопыхах, буквально за несколько часов до выхода в море? Некоторые матросы даже не очень ясно себе представляли, куда, зачем и на какой срок они уходят в море. Из дневника Александра Конрада:

«4 ноября 1912 года. Вечером все собрались в салоне у капитана, где он читал нам лекцию о цели нашей экспедиции».

Обратите внимание на дату: 4 ноября! Судно вышло из Санкт-Петербурга 28 июля, а 3 сентября покинуло последний порт — Александровск-на-Мурмане. И только теперь, спустя три месяца, когда зажатое льдами оно уже неуклонно дрейфует в направлении Северного полюса, капитан, наконец, посвящает команду в цели своей экспедиции.

Дисциплина на судне уже изначально, мягко говоря, прихрамывала. Вот информация из письма Ерминии Жданко родителям, отправленного еще из Тронгейма:

«Дорогие мои мамочка и папочка! В ночь со 2 на 3 пришли в Копенгаген... Пребывание там, кажется, будет памятным всем, у всех были приключения... Один из наших матросов свалился ночью в воду, и его забрали в полицию — пришлось выкупать».

Что, со стоящего в порту на якоре судна ни с того ни с сего матрос внезапно падает в воду, а потом только за это его арестовывают басурмане-полицейские? А это письмо уже из Александровска-на-Мурмане:

«К вечеру, когда нужно было сниматься, оказалось, что вся команда пьяна... и вообще, такое было столпотворение, что

Юрий Львович¹ должен был отойти и встать на бочку, чтобы иметь возможность написать последние телеграммы».

А что ему оставалось делать? Впереди, уже совсем близко, заветная цель, а людей в команде катастрофически не хватает. Пришлось мириться и с этим!

Но вот мы подошли к самой главной, пожалуй, загадке штурмана Альбанова. Загадке, которая вот уже сто лет не дает спокойно спать людям, тщетно пытающимся ее разгадать. В чем же суть конфликта капитана и штурмана, в результате которого последний сначала был освобожден от своих служебных обязанностей, а затем и вовсе покинул судно? Злополучная психологическая несовместимость, любовный треугольник, личная неприязнь на бытовой почве задерганных невзгодами моряков? Ничего из этого исключить нельзя, но главное не в этом.

Георгий Львович Брусилов по причине своей тяжелой и продолжительной болезни фактически не руководил экспедицией около полугода. Причем это были самые трудные полгода, когда на людей неожиданно свалилась информация, что отныне в их жизни все будет далеко не так просто и безоблачно. Все это время его место на капитанском мостике занимал Валериан Иванович Альбанов и, видимо, на этом поприще весьма преуспел, о чем говорит его неоспоримый авторитет среди экипажа судна. Вокруг Альбанова образовывается некий костяк единомышленников, готовых за штурманом в огонь и в воду и воспринимающих теперь капитана, как некую неизбежную вторичность, с которой приходится мириться. Но и это было бы полбеды. Альбанов, безусловно,

¹ В семейном кругу Георгия Львовича Брусилова называли Юрий Львович. Ерминия Александровна как дальняя родственница обращается к нему так же.

читал книгу Нансена о дрейфе «Фрама» в Ледовитом океане и видел карту этого дрейфа. Как опытному штурману, ему не трудно было сопоставить координаты движения затертых в полярных льдах «Фрама» и «Св. Анны», чтобы понять, чем все это может закончиться. Дрейф обоих судов проходил практически параллельно с разницей в два десятка лет, можно было предположить, что «Св. Анна», как и «Фрам», рано или поздно освободится из ледяного плена самостоятельно. Но! Во-первых, запасы топлива и провианта у русской экспедиции были далеко не те, что у их норвежских предшественников. Во-вторых, никому из экспедиции Брусилова не приходилось зимовать в полярных условиях, а Нансен еще до своего штурма Северного полюса исколесил на лыжах всю Гренландию и подобрал себе соответствующий экипаж. В-третьих, «Св. Анна» хоть и была построена для хождения во льдах, но все же не чета «Фраму», который был специально сконструирован такой формы, которая не позволит раздавить его мощными ледовыми сжатиями. Уже предчувствуя неизбежно надвигающуюся трагедию, штурман приходит к капитану. Он делится с командиром своими соображениями и предлагает, не медля, всей командой покинуть судно, пока еще есть реальная возможность добраться до спасительной земли: совсем недалеко архипелаг Земля Франца-Иосифа. Капитан по понятным ему, но неведомым Альбанову причинам, не внемлет его аргументам, предпочитая тянуть до последнего:

«Я еще раз говорю, что покинул бы судно летом на шлюпках, когда убедился бы, что выбиться из льдов мы не сможем»¹.

¹ Выписка из судового журнала «Св. Анны».

Что же в такой ситуации делает штурман? Продолжает настаивать? Обратимся к найденным нами дневникам:

«25 мая 1913 года. Штурман принес нам карту и объяснил, где мы находимся и сколько нас пронесло. В настоящее время нас несет между Новой Землей и Землей Франца-Иосифа. Теперь у нас только и разговор около карты...».

Все! Клин раздора между участниками экспедиции был вбит. Валериан Иванович популярно объяснил матросам, что впереди у них не торжественная встреча национальных героев в порту Владивостока, а более чем реальная угроза гибели от холода и голода. Никто и никогда не узнает, что случилось с ними и шхуной «Св. Анна»! Никто и никогда не найдет того места, где им придется обрести свой вечный покой! Имел ли штурман моральное право на такое откровение? Думаю, что каждый участник экспедиции должен был знать правду, но озвучить это следовало капитану. Но слово не воробей, вылетит — не поймаешь! Брусилов расценил это как удар в спину. Георгий Львович взбешен. Теперь о нормальных товарищеских отношениях не могло быть и речи. Среди команды начинается дискуссия, что делать дальше: ждать сомнительного чуда или уходить в крайне рискованный поход? Выбор, прямо скажем, незавидный. И здесь не последнюю роль сыграл подбор людей в экспедицию. Это Георгий Львович Брусилов собирался пройти во славу России путем Норденшельда. Но народ-то в основном нанимался зарабатывать деньги, а не спасать во что бы то ни стало терпящее бедствие судно, пусть даже исходя из высоких соображений. В отсутствие должной мотивации, в кулуарах, сначала робко, а потом все громче и настойчивее раздаются возгласы, что нужно спасаться, пока

еще не поздно. К сожалению, в этой ситуации Георгий Львович оказался заложником чести, данного им слова морского офицера и ...денег.

Мне в руки попал интереснейший документ: договор Г.А. Брусилова с финансировавшими его экспедицию родственниками. Эту копию еще в 1979 году сделал М.А. Чванов при встрече с младшей сестрой Ерминии Жданко Ириной Александровной, проживающей в ту пору в Староконюшенном переулке Москвы. Вот его содержание:

«Тысяча девятьсот двенадцатого года 14 июля.

Мы, нижеподписавшиеся, поверенный жены своей Анны Николаевны Брусиловой действительный тайный советник Борис Алексеевич Брусилов, с одной стороны, а с другой — лейтенант флота Георгий Львович Брусилов, заключили настоящий договор о нижеследующем:

1. Я, Г.А. Брусилов, получив от А.Н. Брусиловой для открытия и производства звероловного промысла и торговли законом дозволенными товарами в пределах Ледовитого океана, купил для этой цели шхуну.

2. Настоящим договором я, Г.А. Брусилов, принимаю на себя нижеследующие обязанности перед А.Н. Брусиловой:

а) при первой возможности переуступить в полную ее собственность означенную сумму безвозмездно;

б) принять на себя заведование промыслом с полной моею ответственностью, с обязанностью ей давать отчет о ходе предприятия и о приходно-расходных суммах;

в) не предпринимать никаких операций по управлению промыслом без предварительных смет сих операций, одобренных и подписанных А.Н. Брусиловой, а генеральный

баланс представить к концу года точный и самый подробный, подтвержденный книгами и наличными документами;

г) нанимать надлежащий экипаж с возможной осторожностью в выборе людей и вообще охранять шхуну от могущих быть несчастий.

3. Я, Г.А. Брусилов, имею право просить А.Н. Брусилову о высылке мне необходимых сумм, но ни в коем случае не могу кредитовать от ее имени и все расчеты производить наличными деньгами.

За труды Г.А. Брусилова А.Н. Брусилова уплачивает ему из чистого остатка двадцать пять процентов, но лишь с той суммы, которая будет передана ей».

А вот отрывок из письма Георгия Львовича к матери, датированного 14 сентября 1912 года:

«...Вообще, она (Ерминия. — Примеч. авт.) очень милый человек. И если бы не она, то я совершенно не представляю, что бы я делал здесь без копейки денег. Она получила 200 рублей и отдала их мне, чем я смог продержаться, не оскандалив себя и всю экспедицию...».

Можете представить себе состояние руководителя экспедиции, боевого офицера, находящегося в такой ситуации? Из этих документов становится очевидным, что Георгий Брусилов так же, как и его тезка, Георгий Седов, уходил в этот суровый поход с чувством должника, которому никогда не суждено расплатиться. И оба они были готовы скорее погибнуть, нежели с бесчестьем вернуться домой. Выбор до банальности прост: триумф или смерть. *«Человек обычно поступает лучше всего, когда он не связан никакими финансовыми соображениями».* Эти слова принадлежат Роберту

Фолкону Скотту — человеку, снарядившему и возглавившему две тяжелейшие экспедиции в Антарктиду, кстати сказать, тоже во славу своей Родины.

Ко всему прочему, в Копенгагене уходящую в героический поход шхуну посетила вдовствующая императрица Мария Федоровна, и об экспедиции раструбили во всех газетах, причем не только в России. Но кому какое дело было до трудностей лейтенанта Брусилова? Да и вряд ли он сам поделился даже со штурманом своими проблемами. Уверая колеблющуюся команду, что сам покинет судно, если не будет иного выхода, Брусилов в качестве аргумента приводит пример американской экспедиции лейтенанта Де Лонга на яхте «Жаннетта». После того как 13 июня 1880 года раздавленное льдами судно затонуло, его экипаж на трех шлюпках отправился к материку. Пример, прямо скажем, не совсем удачный, так как происходило это все совсем в другом районе Ледовитого океана, одна из шлюпок исчезла бесследно, а сам Де Лонг с частью экипажа погиб в устье Лены от голода и морозов.

Итак, после того как Альбанов подробно обрисовал экипажу реальное положение дел, в команде «Св. Анны» начинается разлад и брожение. В начале осени 1913 года происходит событие, ставшее точкой невозврата в отношениях капитана и штурмана. В найденном дневнике машиниста Губанова не все числа можно с уверенностью разобрать, но по контексту однозначно понятно, что это случилось еще до 16 сентября. Готов биться об заклад, что нечитаемая в нем дата — 9 сентября 1913 года. Именно в этот день в судовом журнале капитан оставляет запись: *«отстранен от своих обязанностей штурман Альба-*

нов...». В своем дневнике Владимир Губанов так описывает произошедшее:

«...капитанъ и штурманъ поругались... Шленский... разнималъить ... Денисовым...».

Всего одна неполная короткая строка, но сколько в ней значимого! А видимо, было так. Очередная словесная перепалка в коридоре между Брусиловым и Альбановым переросла на этот раз в настоящую потасовку. Основная часть команды размещалась в нижнем кормовом салоне, превращенном к тому времени в общую каюту. В верхнем же размещались привилегированные каюты капитана, штурмана, «барышни» и двух гарпунеров: Шленского и Денисова. Они-то, первыми услышав ругань, и разняли капитана со штурманом. После такого скандала Валериану Ивановичу ничего другого не оставалось, как попросить отставку, которую Брусилов незамедлительно принял. Понимая, что отныне на дрейфующем во льдах судне он всего лишь неудобный пассажир и приказа покинуть судно капитан не отдаст, Альбанов начинает разрабатывать план самостоятельного ухода на материк.

«Обреченность этого похода одиночки по страшному в своем коварстве льду океана они понимали оба. Это было приговором к смерти, но, ослепленные гневом, другого выхода они не видели».

Это рассуждения знаменитого полярного штурмана В.И. Аккуратова. При всем моем уважении к Валентину Ивановичу, позволю себе с ним не согласиться. Заключение его базируется на книге Альбанова, в которой записано:

«Из этих приведенных мною выписок видно, что сначала я один собирался уходить с судна и только 9 января мне

было объявлено Брусиловым, что со мною он отпускает и часть команды».

Но тут Валериан Иванович, мягко выражаясь, немного лукавит. Сын полкового врача, добившийся всего в своей жизни самостоятельно, в общении с матросами Альбанов был требователен, но прост, и они искренне уважали его за это. И кому, как не ему, лучше знать настроение команды и быть в курсе разговоров о судьбе корабля. Возможно, если бы единомышленников не нашлось, штурман и в одиночку покинул бы судно, и тогда это действительно было бы форменным самоубийством. Но все-таки он небезосновательно надеялся на поддержку какой-то части команды. Не вижу здесь ни смысла, ни повода укорять его за это. Возможно, что штурман именно так и написал об этом в несохранившемся оригинале своего дневника. А то, что мы имеем возможность прочитать сейчас в его книге, может быть всего лишь коррекция Л.А. Брейтфуса¹, к которому 10 августа 1917 года Альбанов обратился из Архангельска следующим письмом:

«Если я еще не очень надоел Вам до сих пор, обращаюсь с покорнейшей просьбой. Если будете просматривать корректуру и будет у Вас для этого время, не откажите

¹ Брейтфус Леонид Львович (1864—1950) — зоолог и гидрограф, известный исследователь Арктики. Брейтфус координировал поиски пропавших полярных экспедиций Г.Я. Седова, В.А. Русанова и Г.Л. Брусилова. Первый издатель и редактор книги В.И. Альбанова «На юг, к Земле Франца-Иосифа!» в 1917 году. В 1920 году эмигрировал из СССР. Вероятно, рукопись книги Альбанова вместе со своим архивом вывез в Берлин, где в 1925 году повторно издал ее на русском языке в несколько сокращенном варианте под названием «Между жизнью и смертью».

поправить и сгладить те места, которые очень резали бы глаза будущему читателю, или вычеркнуть. Уверяю Вас, я очень был бы признателен. С непривычки очень страшно увидеть в печати такое, за что потом придется краснеть. С Вами был откровенен, потому что знаю Вас...».

Напомню, что кроме отсутствия топлива и тающего на глазах провианта, судну ко всему прочему грозило быть раздавленным ледовыми сжатиями, которые к весне 1914 года случались все чаще и страшнее.

«Это было подобно жизни на пороховом погребке. О зимовке в полярном паке хорошо читать у камина в уютном доме, но перенести такую зимовку — этого достаточно, чтобы преждевременно состариться».

Эти строки из дневниковых записей все того же отважного лейтенанта Де Лонга. А ведь он провел в ледовом дрейфе гораздо меньше времени! Еще более красочно описал этот беспощадный и сокрушающий разгул стихии в своих дневниках первооткрыватель Земли Франца-Иосифа Юлиус Пайер:

«Звон и гул все ближе, будто тысячи боевых колесниц мчатся по песку поля битвы. Сила сжатия постоянно растет; прямо у нас под ногами лед уже начинает дрожать, жалуюсь на все лады, сперва слышен свистящий шелест, как от полета несчетных стрел, затем с треском, грохотом, пронзительным визгом и басовым гулом, с все более свирепым ревом льды поднимаются, вспарывают окрестности корабля концентрическими трещинами, расшвыривают изломанные ледяные глыбы. Чудовищно быстрый ритм прерывистого воя возвещает высшее напряжение могучей стихии. Затем

раздается громовой треск, беспорядочные черные линии во множестве расчерчивают снег. Новые трещины совсем рядом, мгновение — и на их месте уже зияют бездны... Грохоча, сдвигаются и рушатся вздыбленные колоссы, будто разваливается город... Плоские обломки стоймя торчат из воды, немислимый напор гнет их дугою, кое-где ледяные поля вздуваются куполами — устрашающее свидетельство пластичности льда. Повсюду ратоборствуют хрустальные воинства, а меж их порядками хлещут в отверстыя провалы каскады воды; ледяные утесы падают, разбиваются вдребезги, снежные реки стекают с разламывающихся склонов... И в этом сумбуре — корабль! Изворачивается, кренится, выпрямляется, но сколь же страшен напор сжатия, если он расплющивает толстые дубовые брусья, а сам корабль начинает скрипеть... Где на свете царит такой хаос? Не ведая о своих ужасах, властвуют здесь законы природы»¹.

Итак, жребий брошен, и отряд Альбанова собирается в путь:

«...в январе 1914 года становилось почти очевидным, что нам нечего рассчитывать на освобождение судна от ледяных оков в этом году: дрейф наш обещал затянуться в самом лучшем случае до осени 1915 года, то есть месяцев на двадцать, на двадцать два. И это при самых благоприятных условиях».

Уход Альбанова с частью команды действительно давал хороший шанс для остающихся на судне людей протянуть

¹ Пайер Ю. 725 дней во льдах Арктики. Австро-венгерская полярная экспедиция 1871—1874.

до 1915 года, а для уходящих попытаться достичь Большой Земли и вызвать подмогу. Казалось бы, теперь у всех общая цель: одни уходят, невольно спасая других. Но даже теперь стычки капитана и штурмана не прекращаются ни на минуту. Стычки, возникающие подчас на пустом месте, по несущественным мелочам:

«При выборе материала для каяков и нарт несколько раз у меня были столкновения с Георгием Львовичем, столкновения дикие, о которых мне и сейчас неприятно вспоминать... С болезненной раздражительностью мы не могли бороться никакими силами. Внезапно у обоих появлялась сильная одышка, голос прерывался, спазмы подступали к горлу, и мы должны были прекратить наши объяснения, ничего не выяснив, а часто даже позабыв о самой причине, вызвавшей их».

Неудачи и невзгоды прошедших двух лет окончательно измотали нервы капитана и штурмана. Вот карандашная запись из найденных нами дневников, сделанная весной 1914 года:

«...поспорил с ... капитанъ насчет полозьев... как глупо со стороны капитана и штурману говорить детские заводи́те игры... он говорит вы ненормальные. Очень приготовляемся къ отходу. Уже высушили 14 пудов ... и еще пробовали сушить горох и молоть...».

И все же Альбанов уходит. Но уходит поздно: в апреле 1914 года судно уже удалялось от острова Рудольфа — самого северного на архипелаге Земля Франца-Иосифа. Остается только мифическая Земля Короля Оскара где-то на юге, но у штурмана на сей счет с самого начала были большие сомне-

ния. В конечном итоге он и подтвердил своим беспримерным походом, что этой земли в действительности не существует.

Преодолевая с огромными трудностями торос за торосом, отряд из одиннадцати человек упорно движется на юг с изнуряюще медленной скоростью, а дрейфующий навстречу паковый лед продолжает стремительно сносить их все дальше от спасительной цели.

3 мая Прохор Баев уходит на разведку один, и это заканчивается первой трагедией. В свое время за поход через ледник в одиночку, мне досталось от командира «на пряники» по полной программе. Но я-то шел детально изученным маршрутом по суше, а у Баева на пути были обширные зоны торошения при постоянной передвижке ледяных полей. Как результат — пропавший без вести матрос.

Но еще до исчезновения Баева в отряде начинаются ощутимые потери драгоценного снаряжения. При выходе со «Св. Анны» у группы Альбанова с собой было шесть охотничьих ружей, но к окончанию похода остались лишь норвежская винтовка у пешей группы и один дробовик у каячной. Тут есть о чем тужить! Потеря оружия в полярных широтах сама по себе очень чревата, но, как оказалось, что еще более серьезные последствия для путников имели потери каяков. Из семи сделанных на судне каяков до Земли Франца-Иосифа дожило только два. Сразу два было брошено еще в начале пути, после того, как Пономарев со товарищи решили вернуться на «Св. Анну». Чуть позже из записи Альбанова от 18 мая следует: *«сегодня же решили уничтожить самый плохой каяк и самые сломанные нарты»*. А затем и 6 июня, на следующий день после того, как штурман увидел на горизонте землю, он записал:

«сегодня уничтожили четвертый каяк и самые поломанные нарты». И, наконец, 17 июня, когда сбегает Шпаковский и Конрад, группе ничего другого не остается, как бросить и еще один. Итак, на десять человек каяков осталось всего два. Теперь отряд вынужден делиться на две партии, что в конечном итоге стало одной из причин, решивших судьбу пешей группы. В последний раз обе группы встретились на мысе Ниля. Альбанов спешит, не желая напрасно тратить время на отдых, когда до конечной цели оставалось чуть более пятидесяти километров. Но такое расстояние в Арктике — это почти как до Луны! У штурмана не было полной уверенности в том, что база Джексона уцелела и на ней сохранились остатки созданного некогда продуктового депо. Ведь прошло уже двадцать лет, и если окажется, что на ее месте ничего нет, то нужно будет предпринимать попытку как-то устроиться на очередную зимовку, а это потребует драгоценного времени. К тому же люди час от часу все больше слабеют, «благословенные» мысы Земли Георга, так гостеприимно встретившие их сейчас, всего через несколько недель превратятся в мертвую заснеженную пустыню, и тогда прощай последняя надежда на спасение. Альбанов торопит и торопится сам. И тут, то ли подвела неточная карта, то ли сдали нервы у самого штурмана, но он допускает серьезную ошибку: следующей точкой встречи назначен мыс Гранта на Земле Георга. По пути следования пешей группы было еще несколько приметных мысов, где бы группы могли встретиться и скорректировать план своих дальнейших действий. Но Альбанов настаивает, как наиболее близкой точке к острову Белл, именно на мысе Гранта. Даже на каяках, стремящихся к цели с гораздо большей скоростью,

Валериан Иванович добирается туда за семнадцать (!) часов. Проходя на своем каяке вдоль побережья, он либо не видит в тумане, либо неправильно оценивает рельеф местности, по которой придется идти его «пешеходам». Время, которое он отмерил на ожидание группы Максимова, — сорок пять часов. Это ничтожно мало для измотанных людей. Но если уж быть объективным до конца, то Альбанов фактически и не ждал эту группу, о чем сам же и сообщает в своих дневниках. Он просто «ловил» погоду для перехода по открытому морю к острову Белл:

«...пока нас и не соблазняет особенно «плавание», погода ветреная, идет снег, и все закрыто мглой... Продолжаем сидеть на мысе Гранта и ожидать береговую партию. Погода отвратительная. Сильнейший шквалистый «О» ветер; холодно, а временами еще поднимается метель».

Как только 5 июля погода наладилась, каяки двинулись в путь:

«Ждать больше не могу. В 2 часа ночи, пользуясь прояснившейся погодой, мы снялись и пошли к острову Белль, придерживаясь кромки невзломанного льда».

Нет, Альбанов не собирается никого бросать на Земле Георга, но ему необходимо было как можно раньше оказаться на острове Нортбрук, а пешая группа явно не торопилась:

«Эта партия собирается до вечера остаться на мысе Ниль и уверяет, что догонит меня. Советую им не терять времени напрасно, идти скорее, но, впрочем, это их дело».

Будучи по сути своей классическим мизантропом, Альбанов понимал, что только беспощадность к себе и своим изможденным спутникам, помноженная на невероятную

удачу, может дать хоть какой-то шанс на спасение. И, если на мысе Флора действительно существует база Джексона, тогда можно отдохнув и оставив там часть людей, вернуться назад за отставшими, которые, как он прекрасно знал, особо-то и не спешили. Людям, оставшимся на Земле Георга, некоторое время действительно ничего не угрожало. У них было ружье и семьдесят патронов к нему. Этого должно быть вполне достаточно, чтобы прожить здесь неделю-другую. Инструктаж по прохождению ледника Альбанов провел, приказав всем прощупывать лыжными палками дорогу и связываться линем, который ранее они использовали для измерения глубины моря.

Идущая по морю группа продолжает упорно пробиваться к конечной цели своего похода — мысу Флора. Невольно вызывает недоумение распределение людей на оставшихся каяках. В одном оба относительно здоровые Альбанов и Конрад, в другом, по собственному же рассказу штурмана, *«...Нильсен (который) едва ходит, а Шпаковский немногим разве лучше его. Луняев хотя и жалуется на ноги, но у него не заметно той страшщей меня апатии, нет упадка сил и энергии, как у Нильсена и Шпаковского...»*. И если все прекрасно понимали, что Нильсена уже ничто не спасет, то почему вместе с ним во втором каяке оказались полуживые Луняев и Шпаковский? Что это, боязнь еще одного побега? Или... Скорее всего, мы этого никогда не узнаем, но не сумевшие выгresti в разыгравшийся шторм два матроса навсегда исчезли в густом тумане. Трудно сказать, утонули они сразу же или все-таки смогли выгresti на сушу и умерли голодной смертью. Если верно второе, найти их можно только чисто

случайно, но у них могла сохраниться запаянная банка с ценнейшими материалами — первой, наиболее важной частью дневников Альбанова.

Наконец, всего два человека из команды «Св. Анны» добираются до базы Джексона, где находят долгожданные еду и кров, а вскоре их совершенно случайно подбирает «Св. Фока» экспедиции Г.Я. Седова. Но тут Альбанов невольно оказывает своим отставшим спутникам «медвежью услугу». Он оставляет на мысе Флора записку, в которой указывает, что отправляется в поисках группы Максимова на мыс Гранта¹. Записка, которую через месяц нашел капитан «Герты» И. Ислямов, ввела спасательную экспедицию в заблуждение. Они понадеялись, что пропавших людей сняли-таки с Земли Георга, и осмотр местности провели поверхностно.

Даже находясь на «Св. Фоке», штурман Альбанов все еще верил, что его люди на Земле Георга живы и ждут его помощи. Он просит седовцев отправиться на их поиски. Но уважаемые ученые во главе с ветеринаром П.Г. Кушаковым (эк нашей экспедициям «везло» с медперсоналом!), невзирая на недовольство и протесты матросов, решили не рисковать. Нравилось это Валериану Ивановичу или нет, но он был обязан подчиниться воле своих случайных спасителей...

В газете «Архангельск» от 23 сентября 1914 года в статье «Изнанка экспедиции к Северному полюсу» рассказывается о том, что участники экспедиции Г.Я. Седова, после тяжелой первой зимовки, прямо в судовом журнале предъявили

¹ Полный текст записки см. в главе 1.

Георгию Яковлевичу ультиматум, пытаюсь склонить его прекратить экспедицию и вернуться обратно на Большую Землю. С гневом прочитав это обращение, Седов, только что вернувшийся с вахтенной смены, категорически заявил:

— Требую идти на Землю Франца-Иосифа! Эх вы, трусы!

После этого он снова вышел на вахту и простоял там еще почти целые сутки. Человек волевой и непреклонный, Седов все-таки заставил офицерский состав продолжить движение к полюсу, заручившись поддержкой матросов. Но в августе 1914 года готовый ради благородной цели идти на все, Георгий Яковлевич, увы, уже не стоял на капитанском мостике «Св. Фоки». Качнув растворяющейся в тумане кормой, судно, которое еще реально могло помочь погибающим людям, решительно повернуло на материк.

Посетив по возвращении в Архангельск редакцию одноименной газеты, штурман Альбанов почему-то делает следующее странное заявление:

«В поисках были на о. Бель, у мыса Гранта и дальше у того пункта, где Альбанов и Конрад расстались с ушедшими по берегу товарищами (т.е. на мысе Ния, куда «Св. Фока», конечно же, не заходил. — Примеч. авт.), но никаких следов отыскать не удалось»¹.

Но это неправда! О том, что они подходили к мысу Ния, а значит, прошли вдоль всего побережья, где следовала группа Максимова, в своей книге Валериан Иванович не упоминает. Да и у Пинегина в его «Ледяных просторах» об этом ничего

¹ Газета «Архангельск». № 187—190. Август 1914 года.

не сказано, а ведь он вел свой дневник очень скрупулезно. Ошибка журналиста? Но он просто не мог этого придумать, потому что тогда о маршруте следования пешей группы не могло быть известно никому!

«На другой день на этом пароходе («Император Николай II». — Примеч. авт.) мы уже внятером: Визе, Пинегин, Павлов, я и Конрад, плыли в Архангельск. Командир этого парохода Вальнев был так любезен, что согласился не только бесплатно доставить нас до Архангельска, но и в «долг» кормить нас дорогой. Так как пассажиров на пароходе было очень много и свободных мест в первом классе не было, то Вальнев для четверых из нас уступил одну из своих кают, в которой мы с комфортом и доехали до Архангельска»¹. Кто были те четверо, догадаться не сложно — матросу Конраду первый класс не полагался. Вот здесь, скорее всего, Валериану Ивановичу и «посоветовали», как бы это потактичнее сказать, озвучить «тщательные поиски» его отставших товарищей. Отказать своим спасителям для Альбанова, видимо, было тогда невозможно.

Так что же все-таки произошло с пешей группой, оставленной на Земле Георга?

...Потрепанные каяки Альбанова и Шпаковского медленно растворялись в туманной дымке. Еще доносились до берега размеренные весельные всплески, а оставшаяся группа расположилась на длительный отдых.

¹ Альбанов В.И. На юг, к Земле Франца-Иосифа!

— Чего спешить-то, все равно они без нас не уйдут, — Смиренников взглянул на часы: без четверти одиннадцать.

Ближе к вечеру, перекусив оставленными для них холодными гагами и собрав свои нехитрые пожитки, маленький отряд выдвинулся в путь. До конца мыса Ниля прошли довольно быстро. Вот и ледник, остановились перевести дух.

— Петр, смотри! — Губанов показывал в направлении глетчера.

Осторожно ступая между подвижных камней, по склону неторопливо поднимался белый медведь. Максимов вскинул винтовку и прицелился. Два выстрела отдались гулким эхом. Зверь как подкошенный рухнул навзничь. Нежданно свалившаяся удача утроила силы путников: со всех ног они бросились к своей добыче. Но когда до медведя оставалось каких-то двадцать метров, тот внезапно вскочил и как ни в чем не бывало стремительно ринулся через ледник. По инерции люди еще какое-то время бежали за ним, посылая вслед отчаянные проклятия, но силы уже оставляли их: медведь скрылся за хребтом спасительной морены. У Максимова от досады дрогнули губы:

— Но вы же видели, я ведь попал!

Спутники молчали. С трудом отдышавшись от сумасшедшей гонки, подавленные, люди двинулись дальше на ледник, где совсем недавно безвозвратно исчезла надежда утолить изнуряющий голод. В течение нескольких часов никто не рискнул раскрыть рта. Молчание нарушил идущий впереди Ян Регальд:

— Смотрите, еще один мыс! А вот и медведь. Братцы, да это же наш медведь!

Все более замедляя шаг зверь пытался уйти за очередную морену, но движения его уже были не столь уверенными. Наконец, споткнувшись в очередной раз, медведь беспомощно завалился набок, неуклюже дернул лапами и замер.

— Больше ты меня не проведешь, — Максимов подошел к распластавшейся на камнях туше, со злорадством ткнул ее стволом и в упор выстрелил медведю за ухо, — ну, вот теперь баста!

Мигом достали нож и топор и освежевали зверя. Кружка с дымящейся кровью пошла по кругу, приятно согревая своим содержимым спавшиеся желудки. Не считая яиц, добытых на Земле Александры, и нескольких полусырых костлявых птиц, люди уже не помнили, когда ели досыта. Захмелев от обильной еды и неслыханной удачи, они попадали спать прямо среди теплого мяса. Сон был глубоким и долгим. Пробуждение вернуло всех к суровым реалиям: вьюга затевала очередную канитель. Отряд укрылся между больших камней в середине небольшого мыса, перетаскав сюда куски своей драгоценной добычи. Собрали весь имеющийся на мысе плавник — теперь можно было рассчитывать на настоящую горячую похлебку. Пока готовили обед, погода сжалась и ветер утих. Максимов поднялся, закинув за плечо винтовку. На немой вопрос своих спутников кивнул в сторону следующего ледника:

— Пойду посмотрю...

Никто не отговаривал его, никто не захотел сопровождать — решил, значит, решил. Через два часа его еще не было, но люди, расслабившись, потеряли, казалось, счет времени. А когда Максимов не появился и к вечеру, стало понятно — случилась беда. Завалив остатки медвежьего мяса

камнями, пошли все. До ледника не более километра. Шагнув на его белую твердь, моряки застыли от ужаса — таких ледников им еще видеть не приходилось.

Следов своего старшего рулевого найти так и не удалось, но никто не сомневался, что Максимов обрел свой последний приют где-то в одном из тех бездонных ледяных склепов, которые они видели.

— Ну, что теперь, — Ян Регальд неуверенно посмотрел на товарищей, — в обход?

— Перестань, без карты нам в обход не дойти. А теперь вот еще и ружья нет, — Губанова опять начинало лихорадить.

— Нужно ждать, они обязательно за нами вернутся. Вот только найдут эту чертову базу Джексона и сразу вернутся. Они вернутся... — Павел Смиренников и сам очень хотел верить в это, но, сообразив, что сказанное прозвучало как-то неубедительно, добавил уже твердо, — нужно ждать!

И они ждали еще много дней. Сколько, точно из них уже не помнил никто. Когда перестали дымиться последние угли, Регальд вдруг осознал, что его спутников больше нет, а рядом с ним лежат два бездыханных измотанных тела. Поцеловав покойников в лоб и прихватив ненужные им теперь личные вещи, он тяжело распрямился:

— Эх, вы! — Регальд с укоризной взглянул на своих товарищей в последний раз и побрел к вершине морены, уныло волоча за собой походный рюкзак с заветрившимися остатками медвежьего мяса. Подранная малица упала с его плеч, но он уже не замечал холода. Поднявшись наверх, нащупал в нагрудном кармане свисток и часы — все, что осталось теперь от Смиренникова, положил рядом с собой финку и застыл за-

травленным невидящим взглядом в направлении моря. Еще через какое-то время все вокруг подернулось туманной кисеей. Сухие обветренные губы скривились в горькой усмешке:

— Эх вы... — отяжелевшая голова корабельного стюарда глухо уткнулась ничком в холодные камни...

Такова моя личная точка зрения. Думаете, было иначе? Но оснований считать, что это было так или почти так, у меня более чем достаточно. Это объясняет, откуда на мысе Ниля взялись две винтовочные гильзы, почему при останках Регальда оказались дневник Губанова и вещи Смиренникова, куда подевалось ружье, которое не могло не откликнуться на металлоискатели при наших тщательных поисках на мысу, почему все находки располагались по одной линии и, наконец, как здесь оказались костные фрагменты того же самого медведя, что и найденные почти в центре мыса у недогоревшей ноги¹. А тела Губанова и Смиренникова до сих пор лежат под скалами того безымянного мыса, надежно похороненные многометровой базальтовой осыпью. Возможно, когда-нибудь современные технологии или волевое решение кого-нибудь наверху помогут обнаружить то место, где упокоился их прах. Очень хочется верить, что это время обязательно настанет. Человечество вступает в новую эпоху освоения Арктики и, хотя теперь уже превалирует коммерческий интерес исследований, мы не имеем права предать забвению тех, кто начинал прокладывать для нас этот путь!

¹ Но́дя (заимств. из финно-угорских яз.) — таежный долго- и сильногорящий костер, сложенный из бревен.

Сытый ухоженный тигр, долгое время запертый в клетке, едва ли поймет своего свободного собрата, слоняющегося впроголодь по бескрайним просторам Уссурийской тайги. Чем больше разнятся условия, тем меньше понимание. Увешанные, как пулеметной лентой, спутниковыми телефонами, рациями, навигаторами и другими достижениями милой нам цивилизации, мы можем лишь очень приблизительно понять и оценить все то, что выпало на долю наших предшественников.

И что бы теперь ни говорили, но если бы не выжившие штурман Валериан Альбанов и матрос Александр Конрад, то о «Св. Анне», так же как и о русановском «Геркулесе», вообще ничего не было бы известно. А вместе с тем мы еще долго не узнали бы и о глубинах Северного Ледовитого океана в районе Карского и Баренцева морей, о дрейфе льдов в этом районе, о том, что Зѣмли Короля Оскара и Петермана в действительности не существуют, и о многом чем еще. Воодушевленный полярным подвигом экспедиции Г.Л. Брусилова, Вениамин Александрович Каверин не написал бы свой замечательный роман «Два капитана», который вдохновлял и продолжает вдохновлять уже многие поколения людей на чувства и поступки, делающие человека Человеком.

Такова печальная судьба экспедиции Георгия Львовича Брусилова. Экспедиции, организованной во имя того, что зовется духом первооткрывателя и что так мало кому понятно из живущих ныне. С самого начала несчастья накручивались как снежный ком, и все закончилось именно так, как должно было закончиться. Несмотря на это, хочу еще раз напомнить слова замечательного российского

флотоводца, вице-адмирала Российского флота Степана Осиповича Макарова, достойные быть высеченными на каменных скрижалях:

«Все полярные экспедиции в смысле достижения цели были неудачны, но если мы что-нибудь знаем о Ледовитом океане, то благодаря этим неудачным экспедициям».

Вот и перевернута последняя страница истории загадочного исчезновения «Св. Анны» и ее экипажа. Шагнули в бессмертие «последние из могикан» отечественного парусного флота. Упокой, Господи, их мечущиеся души и не дай предать забвению их беспримерное мужество и отвагу. А у меня и моих беспокойных товарищей до сих пор остается целый ворох нерешенных вопросов по этой теме. Но, очевидно, существуют такие вопросы, которые не имеют ответов. Хотя...

ЭПИЛОГ

У покрытого мхом покосившегося креста, прямо на сырой земле сидел человек, по старой привычке зажав пожелтевшими зубами давно потухшую папиросу. Его затуманенный взгляд скользил от креста к позеленевшей от времени табличке на камне, а оттуда на склон морены, уже покрытый снегом. Ему подумалось: «Снег в этом году как-то уж слишком рано!» Колочие снежинки, не стесняясь, падали на непокрытую, давно поседевшую голову, застревали в бороде, но тут же таяли, превращаясь в мельчайшие серебряные бусины.

Человек с грустью и нежностью смотрел на камни, а камни смотрели на него. Они давно привыкли понимать друг друга без слов. И эта безмолвная беседа старых приятелей приносила собеседникам какую-то тонкую умиротворенность, обнажая самую суть сотворения мира. Как же быстро проносятся время! Ведь это все те же ручки, те же чуть тронутые первыми морозами полярные маки, что и сорок лет назад. Такими они были и раньше, в далеком 1914-м. За спиной торжественно и неумолимо отсчитывал морской прибор: год, год... еще год... десять... сто... Вечность!..

Старый седой человек сидел и не хотел больше ничего в своей жизни. Он просто был счастлив, потому как верил, что прожил ее не зря. Счастливая улыбка блуждала по его лицу, но по щекам почему-то катились крупные слезы, которые ни от кого теперь не нужно было скрывать.

Еще молодой крепкий мужчина осторожно тронул старика за плечо:

— Папа, пора. Вертолетчики ждут.

— Да-да, иду, — я рассеянно обернулся вокруг и заковылял к винтокрылой птице.

Пора!..

2010—2012 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I	
УХОДЯЩИЕ В ВЕЧНОСТЬ.....	18
Глава II	
К ЗЕМЛЕ ФРАНЦА-ИОСИФА.....	55
Глава III	
НА МАТЕРИКЕ.....	159
Глава IV	
И СНОВА ЗФИ.....	177
Глава V	
КУРС — НОРД!.....	191
Глава VI	
ВЗГЛЯД НЕ СО СТОРОНЫ. МЫСЛИ И ФАКТЫ.....	264
ЭПИЛОГ.....	301

Научно-популярное издание

Морская летопись

Буйнов Роман Петрович

ОБРУЧЕННЫЕ С СЕВЕРОМ

По следам «Двух капитанов»

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*

Корректор *Р.Ф. Зайнуллина*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 16.07.2012. Формат 84 × 108 ¹/₃₂.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 9,5. Тираж 2500 экз. Заказ № 1291.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@yareoslavl.ru www.printing.yareoslavl.ru

Морская летопись

28 июля 1912 года в Санкт-Петербурге торжественно провожали экспедицию Г.Л. Брусилова. Горделиво и величаво шла вниз по течению Невы паровая шхуна «Святая Анна». Казалось, впереди была целая жизнь, полная подвигов и свершений! Судьба распорядилась иначе. В Карском море судно вместе с экипажем попало в ледовый плен. Из всей экспедиции спастись удалось только двоим: штурману Валериану Альбанову и матросу Александру Конраду, чьи дневниковые записи и стали единственными документальными свидетельствами того, что случилось с экспедицией. По их воспоминаниям советский писатель Вениамин Каверин создал свою самую известную книгу «Два капитана».

Дальнейшее продолжение эта история нашла столетие спустя, когда клубом «Живая природа» при поддержке авиации ФСБ России в 2010—2011 годах были проведены две поисковые экспедиции. О сенсационных находках и о том, как проходили эти экспедиции, рассказывает в своей книге один из их участников — Роман Буйнов.

На обложке: Паровая шхуна «Святая Анна». Фотомонтаж и обработка А. Зобнина.

ISBN 978-5-4444-0204-7

9 785444 402047

